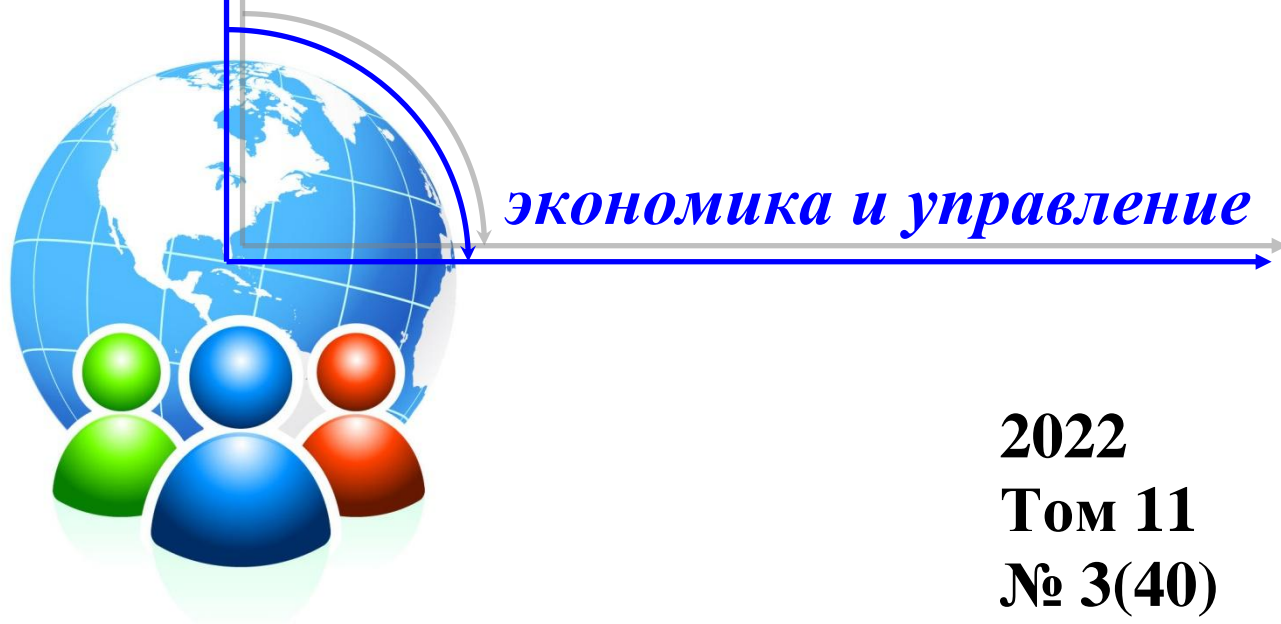


16+

e-ISSN: 2712-8482

Азимут научных исследований:



2022

Том 11

№ 3(40)

Основан в 2012 г.

16+

Том 11
№ 3 (40)
2022

Ежеквартальный
научный журнал

АЗИМУТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Учредитель – Общество с ограниченной ответственностью «Ландрейл»

Главный редактор

Коростелев Александр Алексеевич, доктор педагогических наук, доцент

Заместители главного редактора:

Бородин Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор
Зюкин Данил Алексеевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Иванов Дмитрий Юрьевич, доктор экономических наук, профессор
Кондаурова Инесса Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент
Кудинова Галина Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент
Курилова Анастасия Александровна, доктор экономических наук, профессор
Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент
Масюк Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Петрук Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Ярыгин Григорий Олегович, кандидат политических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Еремина Наталья Валерьевна, доктор политических наук, доцент
Изотов Александр Викторович, кандидат политических наук, доцент
Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Лагутина Мария Львовна, кандидат политических наук, доцент
Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент
Леви Дмитрий Андреевич, кандидат политических наук, доцент
Маркушина Наталья Юрьевна, доктор политических наук, доцент
Самарина Вера Петровна, доктор экономических наук, доцент
Севастьянов Сергей Витальевич, доктор политических наук, доцент
Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, доцент
Церпицкая Ольга Львовна, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь

Степина Наталья Валерьевна

Входит в ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-83772 от 29.08.2022 г.

Компьютерная верстка:
Коростелев А.А.

Технический редактор:
Коновалова Е.Ю.

Адрес редколлегии, учредителя, редакции и издателя Общества с ограниченной ответственностью «Ландрейл»:

445051, Российская Федерация,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Фрунзе, влд. 8, к. 8-17
Тел.: +79270290177
E-mail: ANI-ekonom-i-politika@ya.ru
Сайт: <http://landraileiu.ru/>

Подписана верстка 24.12.2022.
Выход в свет 25.12.2022.
Формат 60x84 1/8.
Заказ 3-25-12.

Цена свободная

INFORMATION ABOUT THE MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Korostelev Alexander Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Computer Science, Applied Mathematics and Teaching Methods (Samara State Socio-Pedagogical University, Samara, Russia)

Deputy Chief Editors:

Borodin Alexander Ivanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Management

(Russian University of Economics, Moscow, Russia)

Zyukin Danil Alekseevich, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher

(Kursk State Agricultural Academy, Kursk, Russia)

Ivanov Dmitry Yurievich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Organization of Production»

(Samara State Aerospace University, Samara, Russia)

Kondaurova Inessa Konstantinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of chair of mathematics and methods of teaching

(Saratov State University, Saratov, Russia)

Kudinova Galina Eduardovna, Candidate of Economic Science, Associate Professor, Head of a Group of Environmental Economics

(Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia)

Kurilova Anastasia Aleksandrovna, Doctor of Economic Sciences, professor, Head of the Department «Finance and Credit»

(Togliatti State University, Togliatti, Russia)

Mamychev Aleksey Yurievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Theory and History of Russian and Foreign Law»

(Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Masyuk Natalia Nikolaevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management

(Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Petruk Galina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Director of the Research Department

(Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia)

Yarygin Grigory Olegovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «American Studies»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Editorial team:

Eremina Natalia Valerievna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of «European Studies» (Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Izotov Alexander Viktorovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Kramin Timur Vladimirovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department «Financial Management»

(Institute of Economics, Management and Law, Kazan, Russia)

Lagutina Maria Lvovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department «World Politics»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Lanco Dmitry Alexandrovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Levi Dmitry Andreevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Department «European Studies»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Markushina Natalia Yurevna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «World Politics»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

Samarina Vera Petrovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of «Economics and Management» (National Research University «MIS&S», Moscow, Russia)

Sevastyanov Sergey Vitalevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations

(Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia)

Tereshina Maria Valentinovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department «Public Policy and Public Administration»

(Kuban State University, Krasnodar, Russia)

Tserpitskaya Olga Lvovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «World Politics»

(Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

экономические науки

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ВЫБОРА МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ СТЕФАНОВА Наталья Александровна, АНДИРЯКОВА Олеся Олеговна	5
СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ФИЛОСОФИИ БИЗНЕСА БАУРИНА Светлана Борисовна	9
ПРЕВРАЩЕНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В ЭКОСИСТЕМУ В ПАРАДИГМЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ БУШУЕВА Марина Александровна, МАСЮК Наталья Николаевна, БРАГИНА Зинаида Васильевна, ИЛЮХИНА Анна Святославовна	13
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИК ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ИНДИКАТОРОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ВОЛОДИНА Светлана Геннадьевна	19
ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ АНТИОТМЫВОЧНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИСАКОВА Эльза Тельмановна, ТАНИЮЩЕВА Наталия Юрьевна	23
ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ ФЕНОМЕНА И ПРОЦЕСС ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕБЕДИНСКАЯ Юлия Сергеевна, НИГАЙ Евгения Антоновна	29
ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ МОХНАТКИНА Лейла Булатовна	34

политические науки

НЕСИСТЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» И «ПЯТАЯ КОЛОННА» ВЕРЕЩАГИН Сергей Григорьевич	39
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СООТНОШЕНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕС МОРОЗОВ Максим Константинович	48
Условия размещения материалов.....	55

CONTENT

economic sciences

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR CHOOSING A PROJECT MANAGEMENT METHODOLOGY STEFANOVA Natalia Aleksandrovna, ANDIRYAKOVA Olesya Olegovna	5
MODERN REALITIES OF BUSINESS PHILOSOPHY BAURINA Svetlana Borisovna	10
TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ECONOMY INTO AN ECOSYSTEM IN THE PARADIGM OF DIGITAL DEVELOPMENT BUSHUEVA Marina Aleksandrovna, MASYUK Natalya Nikolaevna, BRAGINA Zinaida Vasilievna, ILYUKHINA Anna Svyatoslavovna	13
APPLICATION OF FACTOR ANALYSIS METHODS OF INDICATORS OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE FISHING INDUSTRY ORGANIZATION VOLODINA Svetlana Gennadievna	19
THE MAIN VECTORS IN INTERNATIONAL ANTI-MONEY LAUNDERING COOPERATION ISAKOVA Elsa Telmanovna, TANYUSHCHEVA Nataliia Yurievna	23
EFFICIENT CONTRACT IN STATE INSTITUTIONS: THE CONCEPT OF THE PHENOMENON AND THE PROCESS OF ITS IMPLEMENTATION LEBEDINSKAYA Yuliya Sergeevna, NIGAY Evgeniya Antonovna	29
ASSESSMENT OF REGIONAL INEQUALITY BY INDICATORS OF PROGRAM-TARGETS FINANCING OF PUBLIC EXPENDITURES MOKHNATKINA Leyla Bulatovna	34

political sciences

NON-SYSTEMIC POLITICAL OPPOSITION IN RUSSIA THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT “FRIEND OR FOE” AND “FIFTH COLUMN” VERESHCHAGIN Sergey Grigorievich	39
THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE RATIO OF SUPRANATIONAL AND NATIONAL COMPONENTS OF EU FOREIGN POLICY MOROZOV Maxim Konstantinovich	48
Conditions of accommodation of scientific materials.....	55

УДК 339.13.017
DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_01



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ВЫБОРА МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

© Автор(ы) 2022

СТЕФАНОВА Наталья Александровна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Цифровая экономика»

*Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
443010, Россия, Самара, stefna@yandex.ru*

SPIN: 5904-2107

AuthorID: 739212

ORCID: 0000-0001-9551-8619

АНДИРЯКОВА Олеся Олеговна, студент 3 курса кафедры
«Цифровая экономика»

*Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
443010, Россия, Самара, andiryakova18@gmail.com*

ORCID: 0000-0001-7632-0404

Аннотация. С каждым этапом развития человечества появились проекты, которыми нужно было управлять для успешного завершения проекта и получения запланированного результата. Для этого появлялись инструменты и подходы, которые потом объединяли в методологии. В статье представлены результаты исследований в области управления проектами, рассмотрены два подхода управления проектами - традиционный (Waterfall) и гибкий (Agile), с целью представить особенности использования каждой методологии. Для представления возможных сфер использования методологий была исследована история каждой методологии и цели их создания. Особенности каждой методологии, а именно: последовательность этапов, состав команд и способы решения задач послужили основой для формирования сравнительной таблицы. На основе сравнительного анализа традиционной и гибкой методологий, схем этапов разработки, был представлен вывод о возможности использования каждого метода в том или ином проекте. Был доказан тезис о ценности использования инструментов менеджмента для управления проектами. Результат исследования может иметь практическое значение, как теоретическая «опора» для выбора методологии с целью дальнейшего применения в управлении проектами.

Ключевые слова: гибкие методы разработки, традиционный метод разработки, управление проектами, разработка проектов, Agile, Waterfall, итерация, каскадная модель.

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR CHOOSING A PROJECT MANAGEMENT METHODOLOGY

© The Author(s) 2022

STEFANOVA Natalia Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Digital Economy

*Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
443010, Russia, Samara, stefna@yandex.ru*

ANDIRYAKOVA Olesya Olegovna, 3rd year student
Department of “Digital Economy”

*Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
443010, Russia, Samara, andiryakova18@gmail.com*

Abstract. With each stage of human development, projects appeared that needed to be managed for the successful completion of the project and obtaining the planned result. To do this, tools and approaches appeared, which were then combined into methodologies. The article presents the results of research in the field of project management, two approaches to project management are considered - traditional (Waterfall) and flexible (Agile), in order to present the features of using each methodology. To present possible areas of use of methodologies, the history of each methodology and the purpose of their creation were investigated. The features of each methodology, namely: the sequence of stages, the composition of teams and ways to solve problems served as the basis for the formation of a comparative table. Based on a comparative analysis of traditional and flexible methodologies, schemes of development stages, a conclusion was presented about the possibility of using each method in a particular project. The thesis about the value of using management tools for project management was proved. The result of the study may have practical significance as a theoretical “support” for the choice of methodology for further application in project management.

Keywords: flexible development methods, traditional development method, project management, project development, Agile, Waterfall, iteration, cascade model.

ВВЕДЕНИЕ

Для успешного развития любого объекта, начиная от фирмы и заканчивая государством, должна быть выработана стратегическая цель, для достижения которой реализуются мероприятия, как правило, в форме тех или иных проектов. Управление проектами – это прежде всего эффективный инструмент достижения поставленных целей. Применяют его на практике проектные команды и project-менеджеры. По росту востребованности этих специалистов на рынке труда можно судить о развитии проектной деятельности на предприятиях. По данным крупнейшей российской компании интернет-рекрутмента HeadHunter в марте 2021 года было размещено более 15 тысяч вакансий на данную должность [1]. В своей деятельности project-менеджеры используют различные методологии управления проектами снижения рисков его провала. При этом выбор методологии может стать одной из главных проблем специалиста, так как каждая

из них обладает своим набором характеристик, подходящих только для определенных проектов. Сложность выбора усугубляется отсутствием методика, помогающей принять эффективное решение об использовании той или иной методологии.

Считается, что в основе современных методов управления проектами лежат методики структуризации работ и сетевого планирования, разработанные в конце 50-х годов в США. Первую методику сразу начали применять как промышленные корпорации, так и военные, широкое применение методика планирование работ на основе проекта получила в строительстве.

Широкое применение в бизнесе методов управления проектами было вызвано жесткой конкуренцией, острой необходимостью вывода на рынок новой продукции и реализации глобальных стратегий развития во второй половине 20-го века. Тенденция сохранилась и со временем появились методологии, разработанные для реше-

ния задач в бизнес среде, и получившие потом распространение в других сферах.

90-е годы считаются периодом создания новых направлений и сферы управления проектами, тогда и появляются международные стандарты по управлению проектами [2].

Сейчас государства уделяют особое внимание развитию проектной деятельности, так с 2014 года, в России, проводятся конкурсы профессионального управления проектной деятельностью в государственном секторе «Проектный Олимп». Что еще раз подтверждает важность проектов, как элементов управления экономикой государства, его развития и позиционирования.

Более всего применение проектного менеджмента «прижилось» и как следствие развилось в сфере ИТ, в силу специфики жизненного цикла продуктов этой отрасли. При этом ИТ проекты сегодня реализуют все современные предприятия и государства, то есть от результатов их реализации зависит эффективность их деятельности.

Согласно исследованиям международной консалтинговой компании McKinsey – 17% реализуемых компаний ИТ-проектов могут поставить под угрозу ее существование. Это может быть объяснено тем, что только 42% компаний недооценивают ценность процесса управления проектами, поэтому важно изучать методологии и инструменты управления проектами и применять их для развития организации или государства, и, в целом, осознавать ценность данного инструмента современного менеджмента [3].

Использование соответствующих методов управления проектами позволяет более обоснованно определять цели проекта, оптимально планировать деятельность его участников, учитывать риски, избегать конфликтных ситуаций и контролировать выполнение плана.

Управление проектами включает в себя множество подходов, совокупность которых составляют различные методологии. В 2018 году институт управления проектами (PMI) провел 10-й глобальный опрос по управлению проектами, результаты которого показали, что waterfall и agile – две наиболее часто используемые модели в управлении проектами (рис. 1) [4].

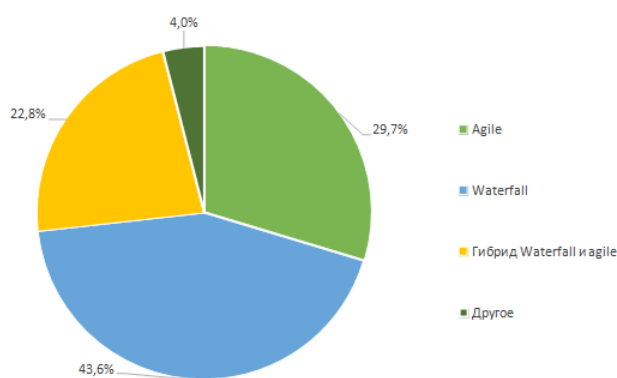


Рисунок 1 – Популярные методологии управления проектами

Традиционный метод (Waterfall) управления проектами является несомненным лидером, его используют в 43,6% проектах, на втором месте гибкие методологии разработки (Agile) – 29,7%. Остальные опрошенные компании сообщили о использовании гибридного метода управления проектами – 22,8%, и только 4,0% используют другие методологии.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель исследования заключается в сравнении традиционной и гибкой методологии управления проектами, для дальнейшего выбора в различных проектах и разработка методологии эффективного выбора вида методологии в проектной деятельности экономического субъекта.

Полученные результаты могут способствовать развитию менеджмента компаний, в деятельности которых необходим инструмент для управления проектами.

В рамках достижения поставленной цели предлагается решить ряд частных задач:

- исследовать особенности каждой методологии, историю создания, сферы применения, этапы разработки согласно методологии, структуру проектной команды;
- провести сравнительный анализ основных аспектов методологий agile и waterfall;
- обосновать выбор методологии в соответствии с особенностями проектов и сферы деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Waterfall (каскадная модель) исторически первая модель, упоминание о которой встречается еще в 1970 году. Ее создатель Винстон Уолкер Ройс позаимствовал структуру у диаграммы Ганта. Традиционный подход регламентирует жесткий линейный процесс разработки программного обеспечения, где весь процесс делится на несколько этапов, каждый из которых строго следует за предыдущим [5-6]. Из-за линейности процесса требования к продукту должны жестко фиксироваться, чтобы предоставить проект клиенту целиком и сразу. Если на каком-то этапе разработки возникнет необходимость изменения требований, то приходится возвращаться к первому этапу, что увеличивает время и стоимость разработки (рис. 2) [7].

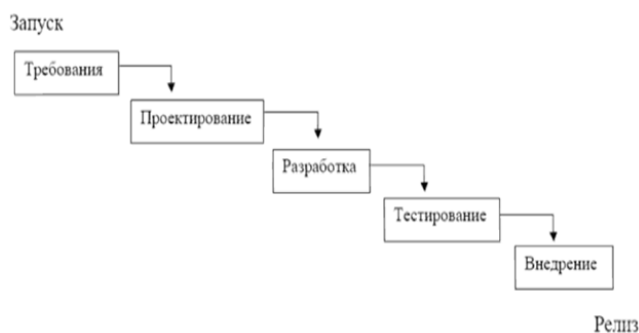


Рисунок 2 – Этапы разработки по традиционному подходу

Команда, которая использует метод Waterfall, отличается персоналом, имеющим четкие обязанности и полагающегося на решение менеджмента, что уменьшает ошибки из-за четкого следования плану. При этом у специалистов отсутствует развитие творческого потенциала и появляется зависимость от решения руководителя [8]. Водопадная модель разрабатывалась для проектов с жесткой дисциплиной исполнения и точными требованиями, что отлично подходило для таких проектов как военные заказы, строительство и производство [9].

В конце XX-го века появилась потребность быстрого реагирования на изменения в бизнесе и разработке, что привело к появлению Agile-методологии. Методология появилась на основе Agile-манифеста, созданного в феврале 2001 года, согласно которому:

- люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов;
- работающее программное обеспечение важнее исчерпывающей документации;
- сотрудничество с заказчиком важнее согласования условий контракта;
- готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.

Эти методологии позволяют изменять план работы в любой момент, подстраивая его под факторы внешней среды: давление конкурентов, потребности рынка, временные рамки, финансирование [10].

Гибкие подходы подразумевают, что продукт создается итеративно.

дается в результате повторения каких-либо процессов (итераций) (рис. 3).

Согласно методологии требования формируются постепенно, а разработка начинается сразу, в результате чего заказчик сразу может видеть работающий продукт, после каждой фазы, что предотвращает возникновения рисков провала проекта [11].



Рисунок 3 – Схема итерации

Agile-команда небольшая по численности, состоит из всесторонне развитых самостоятельных специалистов, маленький состав групп дает возможность совместно планировать итерации, решать проблемы возникающие в ходе разработки и реагировать на изменения. Каждый член команды имеет представление о конечном виде продукта и проработанной работе коллег.

В отличие от методологии waterfall гибкий метод разработки больше ориентирован на проекты с длительным жизненным циклом, постоянно адаптирующиеся к условиям рынка.

Обычно это инновационный продукт с непредсказуемыми свойствами.

Самым популярным методом agile, согласно исследованию, которое включало в себя опрос более шести тысяч специалистов, работающих в IT-проектах, является SCRUM (рис. 4) [12].

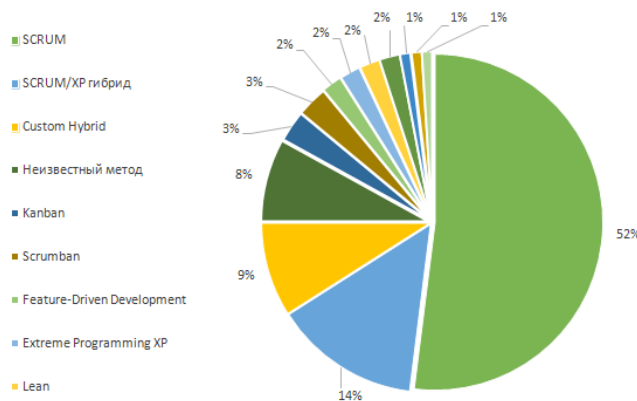


Рисунок 4 – Популярные методы agile

Каждый метод подчиняется agile-принципам, отличие состоит в стратегии разработки и управления проектом. Представим наглядный сравнительный анализ характеристик традиционных и гибких методологий для последующего эффективного выбора одной из них при реализации проектной деятельности (таблица 1) [13-15].

На основе данных таблицы можно заметить, что в небольших проектах с четкими требованиями используется традиционный метод, а если требуется разработать проект, требования к которому могут измениться в любой момент – гибкий метод, из-за возможности поддерживать обратную связь с заказчиками.

Таблица 1- Сравнительная характеристика методологий разработки проекта

	Waterfall	Agile
Внесение изменений	При внесении изменений разработка начинается с первого этапа или после окончания разработки.	Изменения можно внести в любой момент.
Расчет затрат	Стоимость и сроки невозможно рассчитать.	Фиксированные срок и стоимость работ.
Введение документации	Структурированный план работы, продуманная документация.	Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану.
Расстановка требований в проекте	Требования идут в соответствии с удобством разработки.	Требования расставлены по приоритетам.
Планирование	Планирование один раз, в начале проекта.	Частые сеансы планирования, в начале каждой итерации.
Тестирование	Под конец проекта.	Непрерывно на протяжении всего проекта.
Взаимодействие с заказчиком	На начальной и финальной стадии.	В течение всего проекта.
Структура работы	Интуитивна понятна для «новичков».	Долгое погружение в проект новых подрядчиков.
Показатель прогресса	Соответствие требованиям.	Работающий продукт.
Принятие решений	Привилегия менеджера проекта.	Осуществляет каждый член проектной команды.
Корпоративная культура	Подчинение и поддержка.	Сотрудничество, сплоченность, доверие, уважение.
Принцип формирования команды	Функциональный, ролевой баланс.	Кросс функциональные, самоорганизующиеся команды.

Ту же тенденцию можно заметить и составив треугольник проекта (рис. 5). Треугольник проектов представляет собой жесткую структуру, с невозможностью изменить одну из сторон, не влияя на остальные. Если меняется любой из параметров – сроки, затраты или содержание, это обязательно повлечет за собой последствия для разработки проекта [16].

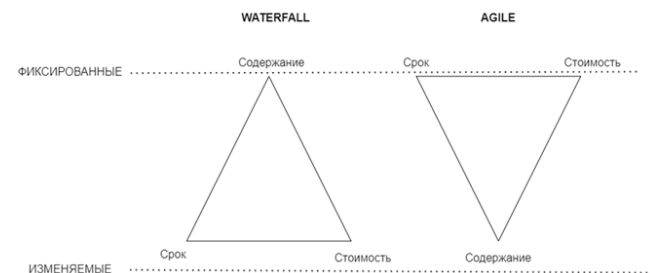


Рисунок 5 – Проектный треугольник методологий waterfall и agile

Проектный треугольник по методологии waterfall предполагает, что время и сроки проекта является изменяемым фактором, меняя который, проектная команда приходит к неизменному содержанию. Agile-методы предполагают, что при неизменных сроках и стоимости проекта, заказчик хочет получить продукт, содержание которого, может измениться в любой момент.

Для успешного выбора метода управления проектом в конкретном случае в соответствии с его целями и особенностями необходимо разработать соответствующую методику.

На основе изученных особенностей представленных

методологий можно представить следующую методику оценки особенностей проекта для последующего выбора (таблица 2).

Таблица 2 - Методика выбора методологии управления проектами

Факторы	Критерии оценки	Шкала оценки
Факторы внешней среды, Среда косвенного воздействия	Зависимость от политической стабильности	1-5
	Зависимость от международной среды	
	Экономическая стабильность	
Факторы внешней среды, Среда прямого воздействия	Необходимость конкурентоспособности продукта	1–10
	Риск возникновения конкурентов	
	Уровень зависимости от поставщиков	
Факторы внутренней среды	Возможность «растягивания» бюджета проекта	1–10 (Со знаком «-»)
	Возможность «растягивания» сроков проекта	
Особенности проекта	Уровень инновационности продукта	1–10
	Риск возникновения новых требований	

Для выбора эффективной методологии, необходимо учитывать несколько факторов, которые могут повлиять на результативность реализации проекта.

Как один из аспектов, необходимо рассмотреть факторы внешней среды, которые могут косвенно повлиять на ход реализации проекта. Интервал оценивания для данного фактора от 1 балла до 5, где 1 – успех продукта не зависит от воздействия косвенных факторов, а 5 – успех продукта зависит от условий внешней среды.

Зависимость уровня успешности проекта от политической ситуации, показывает, насколько продукт может быть реализован в условиях неопределенности, кризиса и напряженности политической обстановки.

При оценке уровня зависимости продукта от стабильности международной среды следует учитывать возможность сбыта продукта на международный рынок, разделяет ли продукт ценности, возносимые на международной арене, подходит ли под международные стандарты, возможность изменения условий для выхода в короткий срок.

Экономическая стабильность важный фактор при оценке среды косвенного воздействия, так как необходимо учитывать не только покупательную способность клиентов и стабильность сферы, где будет происходить выпуск продукции, но и стабильность сферы, которая участвует в реализации разрабатываемого продукта.

Факторы внешней среды прямого воздействия оцениваются от 1 балла до 10, они оказывают непосредственное влияние на деятельность предприятия.

Для оценки были выбраны такие критерии как [17]:

- необходимость конкурентоспособности продукта, где необходимо оценить, насколько уменьшится значимость и прибыльность проекта, при появлении его аналога;

- риск возникновения конкурентов, который учитывается при необходимости поддержания конкурентоспособности продукта. Если при оценке конкурентоспособности дана оценка ниже 3-х, данный критерий можно не рассчитывать;

- уровень зависимости от поставщиков, где необходимо оценить, на сколько пострадают производственные процессы, качество продукции, а также возможность смены поставщика.

Как факторы внутренней среды, для оценки были

представлены возможность «растягивания» бюджета и сроков проекта, где 10 баллов – нет ограничений, а 1 балл – строгие рамки для бюджета и сроков [18]. Баллы факторов учета внешней среды при подсчете суммарной оценки, считаются со знаком «-».

Помимо представленных факторов следует обратить внимание и на особенности проекта, такие как уровень инновационности проекта и риск возникновения новых требований.

После выставления оценок по каждому критерию необходимо сложить получившиеся результаты в интегральный показатель, на основе которого можно сделать вывод о наиболее эффективной методологии для конкретного проекта. Если результат будет больше 30 баллов, то для проекта рекомендуется использовать методологию agile, меньше 30 баллов – waterfall.

Для оценки эффективности разработанная методика была апробирована авторами на практике в проекте по разработке телеграмм-бота университета, результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Апробация методики выбора методологии управления проектами

Факторы	Критерии оценки	Количество баллов
Факторы внешней среды, Среда косвенного воздействия	Зависимость от политической стабильности	1
	Зависимость от международной среды	1
	Экономическая стабильность	1
Факторы внешней среды, Среда прямого воздействия	Необходимость конкурентоспособности продукта	1
	Риск возникновения конкурентов	1
	Уровень зависимости от поставщиков	6
Факторы внутренней среды	Возможность «растягивания» бюджета проекта	-1
	Возможность «растягивания» сроков проекта	-7
Особенности проекта	Уровень инновационности продукта	3
	Риск возникновения новых требований	4
Итого: 10		

Проект предполагает создание телеграмм-бота для облегчения работы преподавателей по предметам, которые требуют командной работы. Так как требования определены у предметов с уже сформированным планом обучения и продукт используется для внутренних нужд университета (выход на рынок не планируется), то зависимость от факторов внешней среды, косвенного воздействия отсутствует.

Если рассматривать факторы внешней среды, прямого воздействия, то необходимости в конкурентоспособности продукта нет, так как он изначально разрабатывается для решения внутренних задач. При этом разработка такого бота может зависеть от хостинг-провайдера и кроссплатформенной системы «Telegram», если хостинг-провайдера легко заменить, то уход с рынка приложения «Telegram», может привести к провалу проекта.

Бюджет проекта ограничен и предназначен, только для покупки необходимых инструментов для разработки, обеспечения работы телеграмм-бота и сайта для его управления. Сроки проекта при необходимости можно растянуть, так как разработка ведется на добровольной основе студентами.

Телеграмм-бот представляет собой локальную инновацию, так как средства для организации командной разработки уже существуют, отличительной особенностью данного проекта является кастомизация функций для

нужд университета. Требования к продукту определены заранее, но риск возникновения новых требований есть из-за зависимости от творческого потенциала студентов.

Рассматривая каждый критерий по отдельности трудно выделить подходящую методологию, так как можно заметить, что при рассмотрении одних критериев более подходит методология agile, других – waterfall, поэтому критерии нужно рассматривать в совокупности. В результате применения разработанной методики на данном примере можно сделать четкий вывод о том, что для реализации проекта по разработке телеграмм-бота университета наиболее эффективной является традиционная методология.

ВЫВОДЫ

Выбор методологии является важной частью управления проектами. Без данного этапа невозможна грамотная оценка проекта, а, соответственно, и его успешная реализация. При большой популярности традиционного метода разработки нельзя точно сказать какой из методов лучше – традиционный или гибкий, поскольку каждый проект индивидуален и нужно подбирать способ в соответствии с его характеристиками, а не с предубеждениями сторонников тех и других. Многие руководители проекта понимая положительные черты той или иной методологии применяют гибридный метод, популярность которого растет с каждым годом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Менеджер проектов: профессия с запасом актуальности - URL: <https://samara.hh.ru/article/28271> (дата обращения: 29.10.22)
2. История управления проектами. – URL: <https://pmpractice.ru/knowledgebase/managment/history/> (дата обращения: 29.10.22)
3. Статистика проектного менеджмента, которую нельзя игнорировать. – URL: <https://www.advanta-group.ru/blog/statistika-proektnogo-menedzmenta-kotoruu-nelza-ignorirovat/> (дата обращения: 29.10.22)
4. Водопад против гибкой методологии: что лучше для вашего проекта? -URL: <https://managementhelp.org/waterfall-vs-agile> (дата обращения: 29.10.22)
5. Методология разработки Waterfall: что это, как работает и чем отличается от Agile. – URL: <https://skillbox.ru/media/management/waterfall/> (Дата обращения 29.10.22)
6. Шалин, Н. А. Анализ методологии разработки по waterfall с помощью стандарта OMG essence / Н. А. Шалин // Лучший научно-исследовательский проект : Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Санкт-Петербург, 15 апреля 2020 года / Под редакцией Р.Д. Иванова. – Санкт-Петербург: Индивидуальный предприниматель Иванов Роман Дмитриевич, 2020. – С. 13-16. – EDN VGLCQA.
7. Игошин, А. Н. Сравнительный анализ waterfall vs Agile / А. Н. Игошин, Е. Е. Лаптева // Наука в современном информационном обществе : материалы XVII международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 12–13 ноября 2018 года. – North Charleston, USA: CreateSpace, 2018. – С. 119-120. – EDN YPZSIP.
8. Бугакова, К. В. Основные шаги для перехода разработки программного обеспечения с методологии waterfall на гибкую методологию / К. В. Бугакова // Прикладная математика и информатика: современные исследования в области естественных и технических наук : Материалы VI Международной научно-практической конференции (школы-семинара) молодых ученых, Тольятти, 23–25 апреля 2020 года. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2020. – С. 32-35. – EDN QDCGUO.
9. Бахиркин, М. В. Как собрать кубик Рубика: Waterfall или Agile в современных ИТ-проектах / М. В. Бахиркин, В. Н. Лукин // Материалы XXII Международной конференции по вычислительной механике и современным прикладным программным системам (ВМСППС'2021) : Материалы конференции, Алушта, 04–13 сентября 2021 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)», 2021. – С. 636-638. – EDN VWIBVH.
10. Гидроец М. О., Гришианова Л. И. Методологии разработки программного продукта // Системный анализ и логистика. – 2020. – № 4. – С. 45-53.
11. Азаров, А. Е. Обзор подходов к разработке программного обеспечения в стиле Agile overview of Agile software development approaches / А. Е. Азаров, В. А. Глаголев // III Международный научно-образовательный форум «Хэйлуницзян-Приамурье» : сборник материалов Международной научной конференции, Биробиджан, 03 октября 2019 года. – Биробиджан: Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема, 2019. – С. 691-694. – EDN SQCNIO.
12. Michael Cohn. cceeding wITH Agile: Software Development Using Scrum, by Addison-Wesley Professional, pp. 504.
13. Серебрякова, Т. А. Сравнительный анализ методологий Agile и waterfall по разработке информационных систем в банковской сфере / Т. А. Серебрякова, В. Г. Серебряков, К. В. Алексин // Colloquium

Journal. – 2019. – № 2-5(26). – С. 7-8. – EDN YVDSHZ.

14. Agile или Waterfall? Сравнение методологий веб-разработки. URL: <https://vc.ru/flood/42084-agile-ili-waterfall-sravnienie-metodologiy-veb-razrabotki> (Дата обращения: 29.10.22)

15. Palmquist M. S. et al. Parallel worlds: Agile and waterfall differences and similarities. – CARNEGIE-MELLON UNIV PITTSBURGH PA SOFTWARE ENGINEERING INST, 2013.

16. Коул Р., Эдвард С. Блистательный Agile. Гибкое управление проектами с помощью Agile, Scrum и Kanban. – «Издательский дом» Пупер», 2018.

17. Бурькина Н. М., Морозова А. А. Факторы внешней среды и их влияние на эффективность организации // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – №. 1-5. – С. 27-29.

18. Никифорова, Е. В. Содержание и источники информации стратегического анализа внешней и внутренней среды организации / Е. В. Никифорова, Л. Ф. Бердникова, В. А. Авинова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 1(8). – С. 79-81. – EDN NDJYVY.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests

Received date: 03.11.2022

Revised date: 25.11.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 338.2

DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_02



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ ФИЛОСОФИИ БИЗНЕСА

© Автор(ы) 2022

БАУРИНА Светлана Борисовна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики промышленности
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
117997, Россия, Москва, baurinaaa@yandex.ru

AuthorID: 748338

SPIN: 2977-4475

ORCID: 0000-0002-8502-6060

Аннотация. Данная статья посвящена современному видению философии бизнеса. Автором статьи грамотно обоснована значимость и крайняя необходимость использования философского знания и мышления как в ходе инициации и реализации предпринимательских идей, так и в ходе практического осуществления предпринимательской деятельности и непосредственного ведения бизнеса. Современные реалии дают бизнесмену возможность самостоятельного выбора, важен профессиональный подход в ведении дела. Философское мышление предпринимателя, по мнению автора, путь к эффективному бизнесу. Освоение философии бизнеса и практическое использование ее положений обеспечат устойчивый долгосрочный успех в предпринимательской среде. Реалии всепроникающей цифровизации способны наполнить новым смысловым содержанием современные процессы в бизнесе с параллельным естественным развитием морали и культуры. Новая цифровая экосистема призвана объединить высокоинтеллектуальный потенциал машины с непревзойденным человеческим разумом, дабы внедрять технологические новшества в бизнес-структурах на максимально позитивном уровне.

Ключевые слова: бизнес, философия, цифровизация, идея, критическое мышление, картина мира, человек, техника, образование, бизнес-мировоззрение, социальное бытие, мораль, культура, цифровая экосистема, успех

MODERN REALITIES OF BUSINESS PHILOSOPHY

© The Author(s) 2022

BAURINA Svetlana Borisovna, candidate of economic sciences,
associate Professor of the industrial Economics Department
Plekhanov Russian Economic University
117997, Russia, Moscow, baurinaaa@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the modern vision of business philosophy. The author of the article competently substantiated the importance and extreme need to use philosophical knowledge and thinking both in the course of initiating and implementing entrepreneurial ideas, and in the course of practical entrepreneurial activity and direct business. Modern realities give a businessman the opportunity to choose independently, a professional approach to business is important. The philosophical thinking of the entrepreneur, according to the author, is the path to effective business. Mastering the business philosophy and practical use of its provisions will ensure sustainable long-term success in the entrepreneurial environment. The realities of pervasive digitalization can fill modern processes in business with new semantic content with a parallel natural development of morality and culture. The new digital ecosystem is designed to combine the highly intelligent potential of the machine with the unsurpassed human mind in order to introduce technological innovations in business structures at the most positive level.

Keywords: business, philosophy, digitalization, idea, critical thinking, picture of the world, man, technique, education, business worldview, social being, morality, culture, digital ecosystem, success.

INTRODUCTION

Setting the problem in general form and its connection with important scientific and practical tasks. In the social structure of Russian society, a rather large segment of the population represents a serious component, choosing business and entrepreneurship as the way of its existence. Global virtualization and the development of private initiative, the dynamic development of competition and the promotion of entrepreneurship, the modern challenges of the informatization of society actualize the need to rethink the philosophical vision of the direction of business activity, in particular, and business in general. Of course, the modern trend is a significant increase in interest in philosophical knowledge: the business itself and the individual involved in it are included in the concept of the world, in the system of his knowledge.

Analysis of recent studies and publications, which considered aspects of this problem and on which the author is justified; identification of previously unresolved parts of the General problem. In foreign and domestic literature, scientific interest in research issues is actively manifested: these are the works of classics such as M. Weber, J. Schumpeter, V. Zombart, and the work of the Soviet school of philosophy, performed at the intersection of philosophy and economics (V. Ya. Elmeev and others), as well as the latest works of Russian researchers: Enikeeva A. A., Skripko V. I. [7], I. Ivchevski [9], J. Urii [14], etc. Of great interest are the works of Yu. Vorontsova [16], A. Chernyshov (Chernyshov, 2018), I. Dzyaloshinsky [6], A. Timchenko, A. Tymoshenko [13], devoted to issues of philosophical

knowledge in the conditions of digitalization.

METHODOLOGY

Formation of the objectives of the article (setting the task). The purpose of the study was to comprehend business philosophically and conceptually and identify the main trends in its modern digitalization.

Setting the task. To achieve this goal, the following tasks are outlined:

- substantiation of importance and necessity of using philosophical thinking in the course of implementation of entrepreneurial ideas and direct business conduct;
- development of principled approaches to business digitalization, the development and practical application of which will ensure sustainable long-term success in the entrepreneurial environment in the context of digital transformation.

Methods, techniques and technologies used in the research. The scientific and methodological tools of the study are presented by general scientific, special methods and techniques: methods of systemic and logical analysis.

RESULTS

Presentation of the main research material with full justification of the obtained scientific results.

Philosophy and Business: The Realities of Our Time. Humanity has taken a huge step forward with the development of new technologies and the introduction of Internet technologies in all spheres of life [3]. All this forces us to change preferences and the existing view of the surrounding reality. It is for this reason that the appeal to a new philosophical thought is very relevant today. Business,

on the one hand, can be interpreted as the extraction of material wealth from idea and activity. If you look from a different point of view, then this is a fundamentally new thinking that can rationalize and improve.

All possible solutions in business are very banal and well-studied: it is difficult to surprise others. Philosophy here helps to expand the range of familiar concepts, to look at familiar things from a different angle. Man, in the course of learning philosophy, discovers new knowledge and expands the idea of the world and its structure. By establishing causal relations, it is much easier to “fountain” ideas, initiate fresh and sought-after solutions, and bring really new and necessary ones to the world.

Philosophy treats history as a cyclically developing mechanism, which simplifies the understanding of the modern picture of the world and its consistent development. Modern challenges of reality that directly affect human life are not stopped for a moment, continuous and unpredictable [8]. A completely new reality, the digital economy, is based on digital, electronic technologies (electronic business, the Internet of things, electronic commerce, etc.). On the other hand, the digital economy is all transactions (business, economic, cultural, social) on the Internet made thanks to digital communication technologies.

The philosophy of modernity is designed to help the individual navigate the surrounding information streams and quickly select and process the necessary information. Overstated personality requirements pose a serious problem of spiritual development. It is quite difficult to find a consensus on the artificial principles of a successful and prosperous life (career, work, money, consumption, etc.) and the natural desire of a person to comfortably perform his natural functions (health care, family creation, rest, etc.) with

Modern realities bring a person under the independent choice of what he wants to achieve in life, which is more important for him at this moment in time. It is important to learn how to allocate time, find a balance between duties and hobbies.

Philosophical Thinking of the Entrepreneur - the Way to Efficient Business. In the modern entrepreneurial environment, there are a lot of examples confirming the growing interest in philosophical education from the same time. business benefits. For example, former IT specialist D. Horowitz, relying on the knowledge of philosophy obtained at Stanford during training, developed a new vision of the search engine, thanks to which he was able to successfully advance on the career ladder. Man, in his opinion, should perceive modern technologies not as things that facilitate life, but as an integral part of the culture of the appropriate stage of development. The crushing, the main word will always remain with the person, because it is he who thinks, and the role of technology is secondary, since it only helps him. This approach helped to create a new search engine based on the social interaction of man and technology.

The career of D. Horovitz clearly demonstrates the value of philosophical education. The Ph.D. is successfully applied in the business environment, allows you to make competent decisions in the field of organizational change and innovation. Many successful tech entrepreneurs and innovators (R. Hoffman and St. Butterfield, founders of LinkedIn and Flickr; E. Tenner, a journalist for Atlantic) have a philosophical education, which allowed them to apply critical thinking skills in various projects that satisfy the needs of society.

Philosophy has proved its benefit not only in the world of business and technology. We have many examples that philosophy has become the cornerstone of great innovation and innovation. Surprisingly, philosophy and entrepreneurship are complementary and well suited to each other.

The idea of moving away from a business worldview, which is based exclusively on ideals, is very popular. Its essence lies in the source of knowledge that comes from the surrounding reality. It is appropriate to consider crises and

defaults in the economy as “educational situations” [12].

True learning and reflection are based on practical experiments, especially unsuccessful ones. You can truly understand that you are successful only if you have ever endured a “fiasco”. This insight is the most banal and familiar for many professions. Lawyers teach laws and their application on crimes, doctors try to treat diseases based on experience. That is the essence of the philosophical approach: a person has a chance to understand: who he is, how he behaves. Total concentration on success takes the entrepreneur beyond his own limits, limits his thoughts.

A much broader topic than “success” in philosophy is “failure”. Business needs a philosophy of “failure,” which can translate real problems into important experience, a source of knowledge. The existence of economic systems is largely determined by failures (bankruptcy of enterprises, limitation of their liability, etc.) with the simultaneous search for social, legal and philosophical ways to circumvent restraints. Obviously, any new business philosophy should be based on the concept of experiencing unsuccessful experience, rather than on the cynical ideal of success.

Entrepreneurial flair skills are developed precisely by philosophy. Strict standards of argumentation, analysis and the search for new approaches make it possible to master critical thinking skills and make competent decisions in various areas of activity. Similarly, entrepreneurs need to look for and understand the unique capabilities of existing markets.

Deep understanding of philosophical questions (What is a person? What is life? What is culture? What is society?) gives quite more prospects when creating and supporting a business than purely economic business education. The humanistic point of view on social laws and processes of being, philosophical thinking and representation of the modern picture of the world make a potential candidate more successful and promising for a particular position. Critical thinking skills acquired and developed within the framework of philosophical education are likely to be useful both for profitable investment of startups and for solving global existential problems.

Digital Reality and the Future of Business Philosophy. Global virtualization of production, new challenges and challenges of informatization of society force modern business to radically change its own production processes in order to maintain a competitive position in the market. The concept of smart manufacturing and smart factories is aimed at combining machines, people, information and value chains into a single network [1]. By giving new impetus to productivity, it determines new opportunities to increase efficiency.

Some companies expect the results of the use of smart technologies from the “leaders”, others are limited in finance and do not dare to invest in modernization, the shortsighted simply do not see the point in this. One can endlessly deny the need for a digital “upgrade”, but the fact remains: behind the “smart production” is the prospect and the future. The failure of the business to make technological changes hampers the digitalization process and is a serious threat to the loss of competitiveness.

The pandemic certainly had an impact on the ongoing changes in business. Increasingly, the business of the Russian Federation is moving away from Soviet stereotypes: noisy production, a large team, outdated equipment [2]. Enterprises increasingly rely on innovation: innovations to optimize costs and accelerate business processes, increase productivity and production efficiency, improve product quality, etc.

Projects for digitalization of production are actively advancing in the Russian Federation: new plants are being built within the framework of the Industry 4.0 concept, machine learning and artificial intelligence are being introduced [17]. Economic efficient projects are of interest.

The constant increase in the cost of production, the presence of a mature market, the retention of competitive

positions in the long term, the desire of enterprises to increase the margin of business - all this encourages enterprises to introduce smart technologies [15]. Enterprises interested in digital technologies prefer the following types of solutions: accurate digital modeling of all elements of the production process; analytics and BigData; orchestration of all production systems (production, non-production). In addition, the stability of systems under external influences and cybersecurity are very required. Also popular are additive technologies for "growing products", augmented and virtual reality, production process control systems (MES), machine vision systems operating "digital twins", forecasting analytics systems, etc.

For business digitalization, it is important to move from multiple on-premises IT solutions to single platforms and standards and, accordingly, migrate infrastructure to clouds. The pandemic period clearly proved the demand and importance of ensuring the operability of production systems in crisis conditions. For sure, many manufacturers will think about increasing automation of production processes and ensuring the integrated safety of personnel. Contactless technologies, intelligent cloud video surveillance systems and AI-analytics of production processes [11] will gain great popularity. Obviously, such solutions will not only establish a system for quick response to crisis situations, but will also help to correctly predict them, which, in the end, will reduce financial losses and, without a doubt, will increase the efficiency and competitiveness of the business.

It is popular opinion that in today's model of the world order, humanity, as a whole, dissolving into a global digital network, loses the meaning of its social existence. Digital technology, obviously, should fill modern processes in business with new semantic content. They will have to act as a continuation of morality and culture, their natural development.

System integration and analytics of modern business should combine modern advanced thought and experience of past generations [10]. The new digital ecosystem will combine the highly intelligent capabilities of machines with the most powerful intellectual stress of the human mind and will allow you to build the necessary algorithms for working with the masses of information in order to obtain high-quality content. Such an approach can become the foundation for making verified strategic decisions in business and will allow transformations to be carried out in the most positive way possible.

Russian thought, abandoning archaic technocracy and economism, can offer the world community a historically established own vision of the trajectory of a new sociohumanitarian picture of the world. An undeniable advantage in assessing lessons can be given by a certain delay in Russia in matters of digitalization relative to developed countries. First of all, this will be relevant in terms of preserving and increasing human capital.

Comparison of results with results in other studies.

The philosophical and conceptual understanding of the philosophy of business developed in parallel with the economic practice of economics, however, it is worth noting its fragmented nature and emphasizing the need for further research.

The scientific novelty of this article consists in accurate justification of the importance and need of use of philosophical thinking during realization of the enterprise ideas, adoption of competent perspective business solutions within unique opportunities of the existing markets and also during implementation of business activity and direct business. Authors worked out basic approaches to business digitalization which development and practical application will provide steady long-term success in the enterprise environment in the conditions of digital transformation. New semantic content of digital technologies in business includes natural development of morals and culture that will allow to create the necessary operation algorithms with arrays of information for receiving qualitative content.

SUMMARY

Conclusions of the study. The findings of the study and prospects for further research in this direction.

Thus, philosophical knowledge in the modern world of business is very demanded and vital. The philosophy expands a circle of habitual concepts, allows to see familiar, apparently, things under other foreshortening. The person, thanks to philosophy, opens for himself new knowledge and expands idea of the world and its device. Establishing relationships of cause and effect, it is much simpler "to gush forth" the ideas, to initiate fresh and demanded decisions, to introduce to the world really new and necessary.

Prospects for further research in this direction.

Skills of enterprise intuition, initiation of the creative fresh ideas, the competent argument and critical thinking are developed by philosophy. In addition, this science is designed to orient the individual in numerous information flows and to carefully select and process the necessary information. The humanistic point of view on life processes, philosophical thinking and a clear idea of a modern picture of the world do the businessman to surer and succeeding in the business. Philosophical judgment of digitalization of business comes down to definition of a role and the importance of the person in the natural and natural and socio-humanistic planes today. Understanding of this strategic paradigm of development requires interpretation of basic philosophical and methodological bases of modern business with "figure in the head".

REFERENCES:

1. Abdrasilova, G. S., Umnyakova, N. P., & Kakimzhanov, B. (2019). *Cifrovizacia ekonomiki i cifrovaia sreda sovremenoi arhitektury. Biosphernaia sovremost: chelovek, region, tehnologii*, 1, 3-13.
2. Bauer, V. P., Eryomin, V. V., & Smirnov, V. V. (2021). *Cifrovye platformy kak instrument transformatsii mirovoi i rossiiskoi ekonomiki v 2021–2023 godach. Economica. Nalogi. Pravo*, 1, 41-47.
3. Baurina, S. B., Khudyakov, S. V., & Uchirova, M. Y. (2020). *Methodology for calculating transport and operational parameters of condition of highways. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 459(2), 022026
4. Chernyshov, A. G. (2018). *Strategiya and philosophy cifrovizatsii. Vlast*, 5, 13-21.
5. *Ckvozyne tehnologii cifrovoi ekonomiki (2022, January 27). Polucheno iz https://www.tadviser.ru/index.php*
6. Dzaloshinsky, I. M. (2020). *Philosophy cifrovoi civilizatsii i transformatsii mediakomunikatsii: monografiya. (L. K. Lobodenko, Ed.). Chelyabinsk: IC YUURGU.*
7. Enikeev, A. A., & Skripko, V. I. (2016). *Aktualnye filosofskie problemy XXI veka: otkrytie buduchshee chelovechestva. Molodoi uchenyi*, 12, 1542-1545.
8. Geert, Je. (2022, January 27). *Philosophy uspehnogo biznesa. Polucheno iz https://bbf.ru/magazine/2/7113/*
9. Ivchevski, I. (2022, January 27). *Philosophiya biznesa. Polucheno iz https://predprinimatel-pro.ru/kak-otkryt-biznes/biznes-filosofiya/*
10. King, B. (2018). *Epocha dopolnenoi realnosti. M.: Olymp-biznes*. 528 p.
11. Lu, Y., Liu, C., Wang, K.I. - K., Huang, H., & Xu, X. (2020, February). *Digital twin-driven smart manufacturing: Connotation, reference model, applications and research issues. Robotics and Computer-Integrated Manufacturing*, 61, 101837.
12. Srivastava, P., & Statler, M. (2011). *Learning from the Global Financial Crisis: Creatively, Reliably, Sustainably. Stanford Business Books https://doi.org/10.2307/j.ctvqsdssc*. 376 p.
13. Timchenko, A. V., & Tymoshenko, A. (2020). *Cifrovizacia v ponimani filosofii, prava, politologii i ekonomiki: mezhdisciplinarnyi podhod. Rossiiskii gurnal pravovykh issledovaniy*, 2(7), 32-44.
14. Urii J. (2018). *Kak vygliadit buduchshee? M.: ID «Delo»*
15. Vorontsova, Y., Arakelyan, A. & Baranov, V. (2020). *Smart technologies: Unique opportunities or the global challenges of transhumanism. WISDOM 2(15)*, 68-75. doi: 10.24234/wisdom.v15i2.335
16. Vorontsova, Y., Gil Martinez M. A., Arakelyan, A. & Yeremyan, A. (2021). *Pedagogical challenges of transhumanism: possible threats in the context of digitalization. WISDOM*, 1(17), 162-168. doi: 10.24234/wisdom.v17i1.453
17. Winkelhaus, S., & Grosse, E. H. (2020). *Logistics 4.0: Systematic review towards a new logistics system. International Journal of Production Research*, 58(1), 18-43.

Received date: 04.11.2022

Revised date: 23.11.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 330:004.9

DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_03



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В ЭКОСИСТЕМУ В ПАРАДИГМЕ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ

© Автор(ы) 2022

БУШУЕВА Марина Александровна, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и прикладной информатики,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, филиал в Иваново
153025, Россия, Иваново, bush.mar@yandex.ru

SPIN: 8216-0035

AuthorID: 331006

ResearcherID: E-4006-2016

ORCID: 0000-0002-2512-4769

МАСЮК Наталья Николаевна, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики и управления,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
690014, Россия, Владивосток, masyukn@gmail.com

SPIN: 7724-6994

ResearcherID: E-3887-2016

ORCID: 0000-0001-8055-8597

БРАГИНА Зинаида Васильевна, доктор технических наук, профессор,
Костромской государственный университет
156005, Россия, Кострома, bragzv@yandex.ru

SPIN: 3536-1625

AuthorID: 495569

ORCID: 0000-0003-3457-4574

ИЛЮХИНА Анна Святославовна, кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой бизнес-информатики и сервиса
Костромской государственный университет
156005, Россия, Кострома, institut-eco@yandex.ru

SPIN: 3351-2571

AuthorID: 733205

ORCID: 0000-0002-4548-7989

Аннотация. Одним из самых серьезных вызовов глобализации является цифровизация, которая быстрыми темпами проникает во все сферы нашей жизни и меняет мир. Мировая экономика переживает цифровую трансформацию и превращается в цифровую экономику. Конкуренция в цифровой экономике все больше становится конкуренцией между предпринимательскими экосистемами или бизнес-экосистемами. Целью данной статьи является теоретическое обоснование превращения региональной экономической системы в экосистему, а также возникновение электронной цифровой подсистемы управления внутри нее. В статье рассматривается феномен региональной экосистемы как новой парадигмы цифрового развития. Показано, что любая экосистема включает в себя взаимосвязанные элементы, которые постоянно взаимодействуют и взаимно усиливают друг друга. Установлено, что первоначально экосистемы в экономике появляются как бизнес-экосистемы, которые, находясь в одном регионе, перерастают в экосистему экономики региона, внутри которой все экономические агенты не только взаимодействуют, но и взаимообусловлены, и взаимно влияют друг на друга. Аргументированно доказано, что цифровая трансформация затрагивает все сферы регионального развития, в том числе и сферу управления экономикой региона. Обоснованы предпосылки формирования экосистемы экономики региона (ЭСЭР) и ее электронной цифровой подсистемы управления. Выявлены и обоснованы признаки становления региональной экономики как экосистемы, реализуемые через проявление в условиях цифровых трансформаций принципов экосистем по Ф. Капра. Доказана роль развивающейся в условиях цифровизации электронной цифровой подсистемы в процессе превращения региональной экономической системы в экосистему. В исследовании использованы методы сравнительного и ситуационного анализа, а также междисциплинарный экономико-экологический подход к анализу бизнес-экосистем и региональных экосистем как феномена новой парадигмы цифрового развития. Проведенный авторами факторный анализ экономических, социальных и информационных процессов регионов Центрального Федерального округа продемонстрировал рост корреляции главных факторов электронной цифровой подсистемы и экономики региона, что подтверждает становление электронной цифровой подсистемы внутри региональной экономической системы и усиление взаимосвязи между ними, способствующее превращению региональной экономики в экосистему.

Ключевые слова: региональная экономика, экосистема, цифровизация, регион, экосистема экономики региона (ЭСЭР), цифровая подсистема управления.

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL ECONOMY INTO AN ECOSYSTEM IN THE PARADIGM OF DIGITAL DEVELOPMENT

© The Author(s) 2022

BUSHUEVA Marina Aleksandrovna, Candidate of Economical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Applied Economy
Russian Economic University by G.V. Plekhanov, branch in Ivanovo
153004, Ivanovo, bush.mar@yandex.ru

MASYUK Natalya Nikolaevna, Doctor of Economical Sciences, Professor,
Professor of Economics and Management Department
Vladivostok State University
690014, Russia, Vladivostok, masyukn@gmail.com

BRAGINA Zinaida Vasilievna, Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor
of the Department of Economics and Economic Security
Kostroma State University
156005, Russia, Kostroma, bragzv@yandex.ru

ILYUKHINA Anna Svyatoslavovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Business Informatics and Service
Kostroma State University
156005, Russia, Kostroma, institut-eco@yandex.ru

Abstract. One of the most severe challenges of globalization is digitalization, which is rapidly penetrating into all spheres of our lives and changing the world. The global economy is undergoing a digital transformation and is turning into a digital economy. Competition in the digital economy is increasingly becoming a competition between entrepreneurial ecosystems and business ecosystems. The purpose of this article is a theoretical justification for the transformation of the regional economic system into an ecosystem, as well as the emergence of an electronic digital control subsystem within it. The article deals with the regional ecosystem phenomenon as a new digital development paradigm. It is shown that any ecosystem includes interconnected elements that constantly interact and mutually reinforce each other. It has been established that initially, ecosystems in the economy appear as business ecosystems, which, being in the same region, develop into an ecosystem of the regional economy, within which all economic agents not only interact but are also interdependent and mutually influence each other. It has been argued that digital transformation affects all areas of regional development, including the sphere of economic management in the region. The prerequisites for forming an ecosystem of the regional economy (ESER) and its electronic digital control subsystem are substantiated. The signs of the formation of the regional economy as an ecosystem, realized through the manifestation in the conditions of digital transformations of the principles of ecosystems according to F. Capra, are identified and substantiated. The role of the electronic digital subsystem developing in the context of digitalization in the process of transforming the regional economic system into an ecosystem is proved. The study used methods of comparative and situational analysis, as well as an interdisciplinary economic and environmental approach to the analysis of business ecosystems and regional ecosystems as a phenomenon of a new paradigm of digital development. The factor analysis of the economic, social, and information processes of the regions of the Central Federal District carried out by the authors showed an increase in the correlation between the main factors of the electronic digital subsystem and the economy of the region, which confirms the formation of the electronic digital subsystem within the regional economic system and the strengthening of the relationship between them, which contributes to the transformation of the regional economy into an ecosystem.

Keywords: regional economy, ecosystem, digitalization, region, ecosystem of regional economy (ESER), digital management subsystem.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными и практическими задачами.

Мы живем во время захватывающих технологических инноваций. Цифровые технологии способствуют трансформационным изменениям. Меняются экономические парадигмы. Новые технологии изменяют рынки продуктов и факторов производства и глубоко меняют бизнес и работу. Последние достижения в области искусственного интеллекта и связанных с ним инноваций расширяют границы цифровой революции [1]. Цифровая трансформация ускоряется после пандемии COVID-19. Будущее наступает быстрее, чем ожидалось. Мировая экономика также переживает цифровую трансформацию, превращаясь в цифровую экономику, и это происходит с головокружительной скоростью.

Цифровая экономика — это экономическая деятельность, которая является результатом миллиардов ежедневных онлайн-соединений между людьми, предприятиями, устройствами, данными и процессами. Основой цифровой экономики является гиперсвязность, что означает растущую взаимосвязь людей, организаций и машин благодаря Интернету, мобильным технологиям и Интернету вещей (IoT).

Цифровая экономика обретает форму и подрывает традиционные представления о структуре бизнеса, меняются способы взаимодействия фирм, а также формы получения потребителями товаров, услуг и информации, происходит глубокая трансформация бизнес-моделей.

Профессор Вальтер Бреннер из Университета Санкт-Галлена в Швейцарии утверждает: «Агрессивное использование данных трансформирует бизнес-модели, упрощает создание новых продуктов и услуг, создает новые процессы, повышает полезность и возмещает новую культуру управления» [2].

Далее следует остановиться на понятии «экосистема» как таковом, в контексте эколого-экономического подхода.

В 1930-х годах британский ботаник Артур Тэнсли ввел термин «экосистема» для описания сообщества организмов, взаимодействующих друг с другом и окружающей их средой: воздухом, водой, землей и т. д. Чтобы процветать, эти организмы конкурируют и сотрудничают друг с другом за доступные ресурсы, способны совместно развиваться и совместно адаптироваться к

внешним нарушениям [3].

Бизнес-стратег Джеймс Мур принял эту биологическую концепцию в своей статье Harvard Business Review 1993 года «Хищники и добыча: новая экология конкуренции», в которой он провел параллель компаний, работающих во все более взаимосвязанном мире конкуренции, с сообществом организмов, адаптирующихся и эволюционирующих, чтобы выжить. Мур предложил рассматривать компанию не как отдельную фирму в отрасли, а как члена бизнес-экосистемы с участниками, охватывающими несколько отраслей [4].

Бизнес-экосистемы также включают поставщиков, ведущих производителей, конкурентов и других заинтересованных сторон. Со временем они совместно развивают свои возможности и роли и, как правило, следуют направлениям, установленным одной или несколькими центральными компаниями. Те компании, которые занимают лидирующие позиции, могут меняться со временем, но функция лидера экосистемы ценится сообществом, потому что она позволяет участникам двигаться к общему видению, согласовывать свои инвестиции и находить взаимоподдерживающие роли.

Экосистемы создают серьезные барьеры для входа на рынок новых конкурентов, поскольку потенциальные участники должны не только дублировать или улучшать основной продукт, но и конкурировать со всей системой независимых, дополняющих друг друга предприятий и поставщиков, образующих сеть.

Будучи частью бизнес-экосистемы, фирмы получают механизмы для использования технологий, достижения превосходства в исследованиях и бизнес-компетентности, а также для эффективной конкуренции с другими компаниями. Некоторые другие цели бизнес-экосистемы включают в себя:

- создание нового сотрудничества для решения растущих социальных и экологических проблем;
- использование творчества и инноваций для снижения себестоимости продукции или предоставления членам новых клиентов;
- ускорение процесса обучения для эффективного сотрудничества и обмена идеями, навыками, опытом и знаниями;
- создание новых способов удовлетворения основных человеческих потребностей и желаний.

Именно по этим причинам в сегодняшнем быстро

меняющемся деловом мире компания создает свою собственную экосистему или придумывает способ присоединиться к существующей экосистеме, предоставляя преимущество, которого в настоящее время не хватает в этой экосистеме.

Одной из важных причин таких результатов является то, что политика и институты медленно адаптировались к разворачивающимся преобразованиям. Чтобы реализовать обещания современных умных машин, политика тоже должна быть умнее. Они должны более чутко реагировать на изменения, чтобы в полной мере использовать потенциальные выгоды в производительности и экономическом росте и бороться с растущим неравенством, поскольку технологические прорывы создают победителей и проигравших.

Конкуренция в цифровой экономике все больше становится конкуренцией между экосистемами. Самые успешные цифровые компании в последние годы строили свою бизнес-модель вокруг крупных экосистем дополнительных продуктов и услуг вокруг своей основной услуги. Интеграция широкого спектра продуктов и услуг может обеспечить экономию средств за счет повышения эффективности и потенциального снижения цен. Они также могут потенциально улучшить качество обслуживания потребителей в целом, предлагая синергию со стороны спроса, которая упрощает доступ к целому ряду различных услуг. Однако также могут возникнуть потенциальные проблемы с конкуренцией в отношении цифровых экосистем.

Дальнейшим логичным шагом развития бизнес-экосистем является их расширение, разрастание, усложнение их структуры и межэлементных связей и последующее перерастание в экосистему регионального уровня.

Экологическая экономика — это междисциплинарная область исследования, фундаментальная предпосылка которой заключается в том, что экономическая система встроена в социальную систему, которая, в свою очередь, встроена в экологическую систему (биосферу). Мы определяем региональную экономическую экосистему как динамически стабильную сеть взаимосвязанных фирм и учреждений в ограниченном географическом пространстве.

Актуальность исследования вытекает из необходимости теоретического и практического обоснования трансформационных процессов, обусловленных цифровой экономикой, не только на микроуровне, но и на уровне региона. Приращение научного знания идет в направлении использования эколого-экономического подхода для объяснения развития экономических экосистем.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания).

Целью данной статьи является теоретическое обоснование превращения региональной экономической системы в экосистему, а также обоснования возникновения электронной цифровой подсистемы управления внутри нее с помощью метода факторного анализа.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. В исследовании использованы методы сравнительного и ситуационного анализа, а также междисциплинарный экономико-экологический подход к анализу бизнес-экосистем и региональных экосистем как феномена новой парадигмы цифрового развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Достижения в области технологий и глобализация изменили представления о лучших способах ведения бизнеса, и считается, что идея бизнес-экосистемы помогает компаниям понять, как добиться успеха в этой быстро меняющейся среде. Как уже отмечалось, Мур считал, что бизнес-экосистема состоит из сети взаимосвязанных компаний, которые динамично взаимодействуют друг с другом посредством конкуренции и сотрудничества,

чтобы увеличить продажи и выжить. Экосистема включает предпринимательские сети: поставщиков, дистрибьюторов, потребителей, правительство, процессы, продукты и конкурентов [5]. Ранние исследования авторов были посвящены использованию феномена экосистемы применительно к описанию регионального кластера [6]. Дальнейшие исследования приблизили нас к пониманию механизмов функционирования экосистем, в том числе, на региональном уровне.

Когда экосистема процветает, это означает, что ее участники выработали модели поведения, которые оптимизируют поток идей, талантов и капитала по всей системе. Существуют различные точки зрения на определение бизнес-экосистемы. Рассмотрим вначале точки зрения зарубежных авторов.

К примеру, авторы Stam и Spigel бизнес-экосистему определяют как «набор взаимозависимых субъектов и факторов, скоординированных таким образом, что они обеспечивают продуктивное предпринимательство на определенной территории» [7, стр. 407]. Исследования бизнес-экосистем направлены на лучшее понимание предпринимательства в этих пространственных, временных и социальных условиях [8,9]. Эмпирическая научная работа показала, что бизнес-экосистемы могут существенно стимулировать различные аспекты процесса запуска, такие как признание и оценка возможностей, бизнес-планирование и финансирование нового предприятия [10,11]. Бизнес-экосистемы рассматриваются как основная причина региональной агломерации начинающих фирм в предпринимательских центрах по всему миру (например, в Берлине, Тегеране, Сан-Франциско, Мальме и т. д.).

Бизнес-экосистемы стали популярными также среди практиков и политиков на региональном уровне, поскольку они повышают актуальность единомышленников и благоприятной местной среды как для выдающегося предпринимательства, так и для регионального развития. В то время как ранние исследования [12,13] были вдохновлены экосистемами высоких технологий и стартапов в Соединенных Штатах и Израиле, в последнее время ученые также рассматривали региональные бизнес-экосистемы для объяснения предпринимательского успеха в других контекстах и регионах [14,15,16].

Предыдущие исследования бизнес-экосистем сосредоточены на структурных аспектах бизнес-экосистем и существовании определенных субъектов (т. е. университетов, венчурных компаний и т. д.), а также на управлении, которое способствует организации бизнес-экосистем [17,18]. Однако предпринимательство в бизнес-экосистемах связано с признанием людьми возможности создавать ценность [14,19], и, таким образом, экосистемы — это, прежде всего, «сложные социальные конструкции» [20, стр. 462] взаимодействующие и независимые предприниматели, которые вовлечены во взаимные отношения и находятся в постоянном обмене со своим окружением [21]. Таким образом, понимание бизнес-экосистем зависит от признания факторов их контекста, таких как характер взаимодействия между ключевыми участниками [18,22].

Изучение публикаций отечественных авторов также показывает повышенное внимание к феномену экосистем в контексте цифровых преобразований не только на микроуровне (бизнес-экосистемы) [23-26], но и на мезоуровне — региональные экосистемы [27-33].

Результаты проведенного исследования позволяют нам утверждать, что не является исключением и региональная экономика, которая в эпоху цифровизации превращается в экосистему.

В продолжение рассуждений о цифровизации региональной экономики в контексте принятого авторами эколого-экономического подхода был проведен анализ наличия признаков экосистемы у экономики региона в целях правомерности использования термина «экосистема» в региональном аспекте.

За основу сравнения был взят подход Ф. Капра [34], который считает, что экосистемы, как биологические типы сообществ, характеризуются одинаковыми базовыми принципами организации, к числу которых относятся: взаимосвязь и взаимозависимость; обратная связь или замкнутый цикл движения информации; гибкость; партнерство; многообразие (разнообразие). Ф. Капра рассматривает экологическую грамотность, как необходимое условие построения экосистем с использованием принципов их организации, при этом устойчивость экосистемы он понимает как следствие реализации выше-названных принципов, каждому из которых свойственна своя форма проявления.

Таблица 1 - Проявление принципов экосистем по Ф.Капра в экономике региона в условиях цифровых трансформаций

Принципы экосистемы (по Ф.Капра)	Проявление принципов экосистемы экономики региона при цифровых трансформациях
Принцип взаимосвязи и взаимозависимости	Увеличение числа и формы взаимосвязей и рост скорости обмена информацией способствуют ускорению процесса решения общих для участников экосистемы проблем
Принцип обратной связи	Благодаря увеличенной скорости обработки информации с использованием автоматизированных средств и цифровых платформ, аналитики и пользователи получают структурированную, единообразную информацию в форме сжатых результатов, сводок, элементарных выводов и прогнозов
Принцип гибкости	Цифровая среда подготовки решений дает возможность готовить многовариантные управленческие решения с учетом баланса экономических интересов субъектов экономики
Принцип партнерства	Увеличение тесноты связей и взаимодействий в условиях цифровизации ведет к так называемой «совместной эволюции» (Ф.Капра), поскольку экономические субъекты волей-неволей вступают в отношения сотрудничества, разрабатывая и используя цифровые платформы для интерактивного взаимодействия в реальном времени
Принцип разнообразия (многообразия)	Благодаря росту скорости обмена информацией растет и разнообразие возможностей и способов согласования интересов, разрешения противоречий, нахождения компромиссов и предотвращения конфликтов, что в итоге способствует устойчивому росту экономики региона.

**составлено авторами*

Чтобы не быть голословными, декларируя цифровые преобразования в региональной экономике как постулат, авторы представляют результаты проведенного анализа степени влияния/ развития/ встроенности/ проникновения процессов цифровизации в систему экономики региона.

На примере регионов Центрального федерального округа был проведен анализ экономических, социальных и информационных процессов в регионах с использованием математического аппарата факторного анализа. Данный метод позволяет решить задачу исследования состояния экономической системы региона путем компактной и содержательной формализации на основе обработки больших информационных массивов. Исходными данными послужили более 150 показателей, отражающих состояние экономических, социальных и информационных процессов в 17 регионах ЦФО за 2011-2020гг. Показатели информационных процессов были объединены в дополнительный массив, предположительно характеризующий уровень цифровых трансформаций в экономике и отражающих состояние электронной цифровой подсистемы экономики региона.

В процессе анализа были исследованы взаимосвязи внутри изучаемого массива: факторы, построенные на корреляции (на тесноте связи), факторные нагрузки, главные факторы (компоненты), т.е. все, что является продуктами связи, количественным отображением связи между теми процессами, которые изучались. Исследование связей рассматривалось как главная тео-

ретическая и методологическая особенность экосистемы в широком смысле слова.

В ходе анализа были выявлены главные факторы (компоненты), представляющие собой свернутые, компактизированные показатели преобладающих в регионе процессов, а также определено место каждого региона в пространстве выделенных авторами главных факторов (компонент) в разрезе каждого года.

Взаимосвязь электронной цифровой подсистемы с экосистемой экономики региона выявляется в процессе факторного анализа через высокий уровень корреляции главных факторов обеих систем (табл. 2-4). При анализе взаимосвязей между главными факторами электронной цифровой подсистемы (ЭЦП) и экосистемы экономики региона (ЭСЭР) учитывалось, что корреляция двух первых главных факторов показывает взаимосвязь более сильно выраженных процессов, чем взаимосвязь вторых, третьих и т.д.

Таблица 2 – Взаимосвязь между главными факторами электронной цифровой подсистемы и экосистемы экономики региона, 2012 г.

Главные факторы электронной цифровой подсистемы экосистемы экономики региона	Главные факторы экосистемы экономики региона						
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Фактор 1	0,13	0,02	-0,05	-0,03	0,06	0,07	0,96
Фактор 2	0,19	0,54	0,61	-0,14	-0,28	-0,29	0,10
Фактор 3	-0,08	-0,16	-0,11	-0,86	0,12	-0,21	-0,01
Фактор 4	-0,27	0,39	-0,53	-0,01	-0,28	0,29	0,08

**составлено авторами*

Таблица 3 – Взаимосвязь между главными факторами электронной цифровой подсистемы и экосистемы экономики региона, 2016 г.

Главные факторы электронной цифровой подсистемы экосистемы экономики региона	Главные факторы экосистемы экономики региона						
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Фактор 1	0,01	0,20	-0,14	0,12	0,87	0,34	0,06
Фактор 2	0,21	-0,07	0,14	0,13	0,29	-0,58	0,53
Фактор 3	-0,02	-0,05	0,87	0,08	-0,02	0,20	0,19
Фактор 4	-0,02	0,91	0,05	-0,12	-0,10	-0,10	0,05
Фактор 5	0,04	0,13	-0,06	0,88	-0,22	0,17	0,14
Фактор 6	0,45	0,09	0,02	-0,37	-0,13	0,32	0,41
Фактор 7	0,45	0,09	0,02	-0,37	-0,13	0,32	0,41

**составлено авторами*

Таблица 4 – Взаимосвязь между главными факторами электронной цифровой подсистемы и экосистемы экономики региона, 2019 г.

Главные факторы электронной цифровой подсистемы экосистемы экономики региона	Главные факторы экосистемы экономики региона						
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6	Фактор 7
Фактор 1	0,40	0,64	-0,37	-0,01	-0,19	0,06	0,32
Фактор 2	0,82	-0,11	0,32	-0,12	0,34	0,08	-0,03
Фактор 3	0,07	-0,07	0,44	0,70	-0,32	0,04	0,22
Фактор 4	0,10	0,31	-0,13	0,51	0,28	-0,22	-0,63
Фактор 5	-0,25	0,66	0,51	-0,26	0,00	-0,02	-0,11
Фактор 6	0,06	0,01	0,22	-0,04	-0,07	-0,80	0,27
Фактор 7	0,06	0,01	0,22	-0,04	-0,07	-0,80	0,27

**составлено авторами*

Так, в 2012г. наиболее важной была взаимосвязь, обусловленная финансовым аспектом процессов цифровизации: финансовая поддержка развития специальных программных средств в организациях (фактор 2 ЭЦП) тесно коррелировала с финансовой поддержкой инновационных процессов» (фактор 2 ЭСЭР).

В 2016г. ярко проявилось несоответствие технически обеспеченных запросов населения и низких возможностей предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме (фактор 3 ЭЦП), что в дальнейшем стимулировало рост оцифрованности государственных и муниципальных услуг и расширение сервисов по их предоставлению государством (фактор 3 ЭСЭР). Важным было и позитивное влияние цифровых процессов в сфере научных исследований (фактор 4 ЭЦП) на процесс их расширения посредством возможностей цифровых технологий (фактор 2 ЭСЭР). Рост

сферы применения, количества специалистов и внутриорганизационной освоенности возможностей сети Интернет (фактор 1 ЭЦП) стимулировал процесс развития цифровых коммуникаций в целом (фактор 5 ЭСЭР).

В 2019 г. освоение сотрудниками возможностей локальных вычислительных сетей, электронных справочно-правовых систем и прочих специальных программных средств (фактор 1 ЭЦП) тесно коррелировало с общей освоенностью организациями широкого спектра цифровых технологий в различных сферах финансово-хозяйственной деятельности (фактор 2 ЭСЭР). В то же время развитие доступности для населения возможностей сети Интернет и навыки электронного взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления (фактор 2 ЭЦП) стимулировали расширение и развитие процессов использования населением возможностей сети Интернет для заказа товаров и услуг (фактор 1 ЭСЭР), что повлекло расширение электронной торговли...

В 2020 г. картина взаимосвязей была несколько смазанной, поскольку естественный ход развития цифровых и экономических процессов был нарушен вследствие пандемии COVID-19.

Тенденции цифрового развития регионов, также выявленные в процессе факторного анализа, подтвердили наличие между ними цифрового неравенства, что выражается в неравномерности развития процесса цифровизации регионов; это связано с наличием определенных пробелов в формировании и развитии эффективной цифровой экосистемы региона, которая выполняет роль цифровой регуляторной среды [35].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

Таким образом, можно сделать вывод, что феномен экосистем не ограничивается микроуровнем. Следование эколого-экономическому подходу позволяет рассматривать экономику региона как экосистему, что подтверждается выявленными у региональной экономики признаками экосистемы по Ф. Капра. Проведенный авторами факторный анализ экономических, социальных и информационных процессов регионов Центрального Федерального округа продемонстрировал рост корреляции главных факторов электронной цифровой подсистемы и экономики региона, что подтверждает становление электронной цифровой подсистемы внутри региональной экономической системы и усиление взаимосвязи между ними, способствующее превращению региональной экономики в экосистему.

Перспективы дальнейших изысканий данного направления

В качестве варианта направления дальнейшего исследования с учетом данной статьи предлагается проанализировать влияние состояния процессов цифровизации на развитие региональной экономики в разрезе регионов Центрального Федерального округа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Масюк Н.Н., Кирьянов А.Е., Бушуева М.А., Шакуев Д.А. Искусственный интеллект как ключевой элемент цифровой трансформации экономики. *Фундаментальные исследования*. 2021. №10. С. 49-54. DOI 10.17513/fr.43108
2. Waltern Brenner (2019). *Design Thinking for Innovation: Research and Practice*. Switzerland, Cham: Springer International Publishing AG.
3. Tansley, A. (1935). *The use and abuse of vegetational concepts and terms*. *Ecology*, 16(4), pp. 284-307.
4. Муп Moore. (2021). *Predators and Prey: A New Ecology of Competition*. *Harvard Business Review*. Accessed June 16, 2021. <https://hbr.org/1993/05/predators-and-prey-a-new-ecology-of-competition>
5. Бушуева М.А., Масюк Н.Н., Каранцева А.Е. Кластерно-сетевая парадигма в управлении экономикой региона. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. 2015. № 4 (23). С. 15-18.
6. Бушуева М.А., Масюк Н.Н., Брагина З.В., Петрухин А.Б., Гришинова О.А. Представление бизнес-модели текстильного кластера как инновационной сетевой экосистемы. *Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности*. 2017. № 1 (367). С. 10-17.
7. Stam, E., & Spigel, B. (2017). *Entrepreneurial ecosystems*. In: Blackburn R, de Clercq D, Heinonen J, Wang Z (eds) *The SAGE hand-*

book of small business and entrepreneurship, 1st edn. SAGE Publications, London, pp. 407-422.

8. Alvedalen J, Boschma R (2017) *A critical review of entrepreneurial ecosystems research: towards a future research agenda*. *Eur Plan Stud* 25:887-903. <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1299694>

9. Brown R, Mason C (2017) *Looking inside the spiky bits: a critical review and conceptualisation of entrepreneurial ecosystems*. *Small Bus Econ* 49:11-30. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9865-7>

10. Audretsch DB, Cunningham JA, Kuratko DF, Lehmann EE, Menter M (2019) *Entrepreneurial ecosystems: economic, technological, and societal impacts*. *J Technol Transf* 44:313-325. <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9690-4>

11. Nicotra M, Romano M, Del Giudice M, Schillaci CE (2018) *The causal relation between entrepreneurial ecosystem and productive entrepreneurship: a measurement framework*. *J Technology Transfer*, 43:640-673. <https://doi.org/10.1007/s10961-017-9628-2>

12. Feld, B. (2012). *Startup communities: building an entrepreneurial ecosystem in your city*. Wiley, New York.

13. Isenberg, D.J. (2010). *How to start an entrepreneurial revolution*. *Harvard Business Review*. 88:1-11.

14. Cohen B (2006) *Sustainable valley entrepreneurial ecosystems*. *Bus Strat Environ* 15:1-14. <https://doi.org/10.1002/bse.428>

15. de Villiers Scheepers, M.J., Mealy, E., Clements, M., & Lawrence, A. (2018). *Regional entrepreneurship ecosystems support: South East Queensland as case study*. In: O'Connor A, Stam E, Sussan F, Audretsch DB (eds) *Entrepreneurial ecosystems: place-based transformations and transitions*. Springer, Cham, pp 101-130.

16. Eichelberger S, Peters M, Pikkemaat B, Chan C-S (2020) *Entrepreneurial ecosystems in smart cities for tourism development: from stakeholder perceptions to regional tourism policy implications*. *J Hosp Manag Tour*. <https://doi.org/10.1016/j.jhtm.2020.06.011>

17. Cunningham JA, Menter M, Wirsching K (2019) *Entrepreneurial ecosystem governance: a principal investigator-centered governance framework*. *Small Bus Econ* 52:545-562. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9959-2>

18. Lingens B, Miehé L, Gassmann O (2020) *The ecosystem blueprint: how firms shape the design of an ecosystem according to the surrounding conditions*. *L Rang Plann*. <https://doi.org/10.1016/j.lrp.2020.102043>

19. Stam E, van de Ven A (2019) *Entrepreneurial ecosystem elements*. *Small Bus Econ*. <https://doi.org/10.1007/s11187-019-00270-6>

20. Neumeier X, Santos SC, Morris MH (2019) *Who is left out: exploring social boundaries in entrepreneurial ecosystems*. *J Technol Transf* 44:462-484. <https://doi.org/10.1007/s10961-018-9694-0>

21. Stam E (2015) *Entrepreneurial ecosystems and regional policy: a sympathetic critique*. *Eur Plan Stud* 23:1759-1769. <https://doi.org/10.1080/09654313.2015.1061484>

22. Brown R, Mason C (2017) *Looking inside the spiky bits: a critical review and conceptualisation of entrepreneurial ecosystems*. *Small Bus Econ* 49:11-30. <https://doi.org/10.1007/s11187-017-9865-7>

23. Ивченко П.А. Особенности понятия и проектирования бизнес-экосистемы. *Ученые записки Российской Академии предпринимательства*. 2021. Т. 20. № 2. С. 37-44.

24. Кукушкин С.Н. Детерминанты бизнес-экосистемы. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. 2021. Т. 18. № 3 (117). С. 76-81.

25. Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. *Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории*. – 2017. – № 4. – с. 212-221.

26. Трейман М.Г., Ян Я. *Бизнес-экосистемы в эпоху цифровых технологий. Управленческий учет*. 2022. № 5-1. С. 253-258.

27. Куимов В.В., Симонов К.В., Кобалинский М.В., Ананина Р.Ф., Цаюрин А.В. *Бизнес-экосистемы региона: возможности развития в цифровом пространстве. Креативная экономика*. 2021. Т. 15. № 2. С. 359-378.

28. Куимов В.В., Симонов К.В., Щербенко Е.В., Юшкова Л.В., Терещенко Н.Н. *Исследование концепции стратегического сценария комплексного развития бизнес-экосистем региона на основе цифровых моделей. Информатизация и связь*. 2021. № 2. С. 30-45.

29. Николаев М.А., Махотаева М.Ю., Гусарова В.Н. *Анализ влияния процессов цифровизации на экономическое развитие регионов. Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2020. Т. 13. № 4. С. 46-56.

30. Nikolaev M.A., Malyshev D.P., Makhotaeva M.Y. *Sustainable development assessment of the NWFED regions. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Т. 111. С. 809-817.

31. Голова И.М. *Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах. Экономика региона*. 2021. Т. 17. № 4. С. 1346-1360.

32. Масюк Н.Н., Бушуева М.А. *Инновационное развитие региона на основе кластеризации как формы виртуальной интеграции компаний. Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2012. № 3 (16). С. 102-107.

33. Иващенко Н.С., Зернова Л.Е., Мишаков В.Ю., Оленева О.С., Ордынец А.А. *Бизнес-экосистема как форма ведения бизнеса: виды, принципы партнерства и направления развития в текстильной промышленности. Известия вузов. Технология текстильной промышленности*. 2022. №1(397). С.38-42. https://vc10.47367/0021-3497_2022_1_38

34. Капра Фритюф. *Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем*. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса. К.: «София»; М.:

ИД. «София». 2003. 336 с.

35. Masyuk, N., Bushueva, M., Bragina, Z. (2020). *The Institutional Regulatory Environment of the Digital Ecosystem: Theoretical Approach and Russian Experience* // *SHS Web of Conferences* 73, 01019, IES2019 <https://doi.org/10.1051/shsconf/202073010>.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests

Received date: 26.11.2022

Revised date: 07.12.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 332.05
DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_04



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИК ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ИНДИКАТОРОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОРГАНИЗАЦИЙ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ

© Автор(ы) 2022

ВОЛОДИНА Светлана Геннадьевна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика, управление и финансы»

*Дальневосточный государственный рыбохозяйственный университет
690087, Россия, Владивосток, conferencii16@mail.ru*

SPIN: 1626-5418
AuthorID: 290368

Аннотация. Условием благоприятного развития предприятия, обеспечения стабильного положения на рынке и конкурентных преимуществ служит улучшение хозяйственного потенциала основной деятельности. В рыбной промышленности угроза ухудшения хозяйственного потенциала повышается из-за существующих проблем, связанных со спецификой условий функционирования, которые препятствуют эффективному развитию организаций. Анализ статистической информации и данных финансовой (бухгалтерской) отчетности ведущих организаций рыбной отрасли Приморского края показывает, что хозяйственный потенциал многих из них характеризуется недостаточно благоприятно. В этой связи проблема улучшения хозяйственного потенциала стоит на сегодняшний день достаточно остро. Для решения данной проблемы необходимо определить причины ухудшения итогов деятельности, что обеспечивается применением аналитических процедур факторного анализа. В статье проанализированы последние публикации по рассматриваемой проблеме и нормативная документация, определяющая процедуры исследования. Проведен анализ основных индикаторов хозяйственного потенциала организации рыбной отрасли – себестоимости, выручки, финансовых результатов, рентабельности, эффективности использования основного капитала. Исследовано влияние основных факторов на развитие хозяйственного потенциала, установлены объясняющие переменные, наиболее значительно сказавшиеся на показателях, обобщены результаты факторного анализа. Сделан вывод об ухудшении хозяйственного потенциала организации.

Ключевые слова: хозяйственный потенциал, показатели эффективности, факторный анализ, рыбохозяйственные организации, воспроизводство, эффективность деятельности

APPLICATION OF FACTOR ANALYSIS METHODS OF INDICATORS OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF THE FISHING INDUSTRY ORGANIZATION

© Author(s) 2022

VOLODINA Svetlana Gennadiyevna, candidate of economical science, associate professor
of the department of «Economics, management and finance»
*Far Eastern State Technical Fisheries University
690087, Russia, Vladivostok, conferencii16@mail.ru*

Abstract. The condition for the favorable development of the enterprise, ensuring a stable position in the market and competitive advantages is the improvement of the economic potential of the main activity. In the fishing industry, the threat of a deterioration in economic potential is increasing due to existing problems associated with the specifics of the operating conditions that hinder the effective development of organizations. The analysis of statistical information and data of financial (accounting) statements of the leading organizations of the fishing industry in Primorsky Krai shows that the economic potential of many of them is not characterized favorably enough. In this regard, the problem of improving the economic potential is quite acute today. To solve this problem, it is necessary to determine the reasons for the deterioration in performance results, which is ensured by the use of analytical procedures of factor analysis. The article analyzes the latest publications on the problem under consideration and the regulatory documentation that defines the research procedures. The analysis of the main indicators of the economic potential of the organization of the fishing industry - the cost, revenue, financial results, profitability, efficiency of the use of fixed capital. The influence of the main factors on the development of economic potential has been studied, the explanatory variables that have most significantly affected the indicators have been established, and the results of factor analysis have been summarized. The conclusion is made about the deterioration of the economic potential of the organization.

Keywords: economic potential, performance indicators, factor analysis, fishery organizations, reproduction, performance efficiency

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Воспроизводство хозяйственного потенциала организаций рыбохозяйственного комплекса влияет на развитие экономики отрасли в целом, ее инвестиционную привлекательность, финансовый и инновационный потенциал. В настоящее время сложившиеся неблагоприятные результаты предпринимательской деятельности многих рыбных организаций Приморского края, выражающиеся в снижении эффективности и деловой активности, вызывают необходимость определения причин такого нестабильного положения. В связи с этим для планирования и контроля индикаторов хозяйственного потенциала представляет интерес рассмотреть факторы, влияющие на его формирование. Соответственно, целью исследования является изучение влияния факторов на воспроизводство хозяйственного потенциала рыбохозяйственных организаций Приморского края с применением методик факторного анализа.

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы.

Опарина Т.А. рассматривает экономический потенциал отечественных промышленных предприятий, определяет приоритеты устойчивого развития России, анализирует статистические данные по инновационной активности предприятий, по внутренним затратам на исследования и разработки, также данные по степени износа основных фондов по видам экономической деятельности. По результатам исследования предлагаются направления по повышению производственного и научно-технического потенциала предприятий [1].

Курбанов А.Х. в своей публикации приводит уточнению сущности понятия «экономический потенциал страны»; разработал его трехуровневую модель; сделал вывод о том, что экономический потенциал страны представляет собой сложное организационно-экономическое явление, интегрирующее ресурсную обеспеченность определенной страны, механизм вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот и потенциал спроса [2].

Ермоловская О.Ю. рассматривает инвестиции в научный потенциал как основу экономического роста и считает, что выход из создававшегося годами неблагоприятного положения в российской экономике находится в концентрации источников инвестиций на приоритетных направлениях финансирования долгосрочных программ, способных оказать мультипликативное воздействие на рост фондоотдачи, рентабельности [3].

Доценко Е.Ю. исследует методику экспресс-оценки конкурентоспособности бизнеса, сформированную на базе сравнительного анализа финансового состояния и рыночного положения хозяйствующего субъекта и его основных конкурентов [4].

Третьякова И.Н. исследует инновационный маркетинг как основу развития экономики России, поскольку экономика, основанная на инновациях и знаниях, имеет все больший стратегический потенциал и становится менее зависимой от макроэкономических колебаний [5]. Рогова Т.Н. рассматривает ресурсообеспеченность региональной экономики и предлагает модель формирования ресурсной обеспеченности, которая может применяться при разработке региональной стратегии и программ социально-экономического развития [6].

Кузичева Н.Ю. приводит теоретические аспекты ресурсного потенциала аграрного сектора, представляет авторское определение, особенности ресурсного потенциала [7]. В статье Нижегородцева Р.М. исследуются закономерности и структурные преобразования в некоторых странах в условиях формирования «зеленой» экономики [8]. Кондратьева М.Н. в публикации дает сравнительную оценку и определение экономического потенциала, предлагает методику определения рейтинга регионов по уровню использования экономического потенциала и рейтинг регионов одного из федеральных округов, направления по совершенствованию региональной экономической политики [9].

В статье Столбова В.А. проанализированы основные положения категорий «потенциал» и «капитал», их взаимосвязь и взаимообусловленность применительно к сфере региональных социально-экономических исследований; понятие «потенциал», используемого в разных отраслях знаний [10]. В статье Гуреева П.М. рассматриваются основные подходы к определению термина «инновационный потенциал», сложности толкования данного понятия различными школами и авторами, приводится авторская трактовка (уточнение) дефиниции (определения) инновационного потенциала во взаимосвязи с понятиями «инновационная возможность» и «инновационная способность» [11].

В статье Володиной С.Г. исследована специфика и тенденции развития организаций рыбохозяйственного комплекса Приморского края, влияющая на хозяйственный потенциал. Отмечается неустойчивая динамика объема производства продукции и добычи рыбного сырья, имеющая основную тенденцию к снижению, производственные мощности используются неэффективно, низкая инвестиционная активность [12].

Сравнение показателей эффективности рыбохозяйственных организаций, сгруппированных по доле собственного капитала в источниках финансирования, сделано в публикации [13]; с использованием методики факторного анализа установлены факторы, наиболее значительно сказавшиеся на результатах хозяйственной деятельности.

Работа Заматыриной Н.А. посвящена подходам к оценке экономического потенциала региона и факторам влияния на экономическое развитие [14]. Заборовская О.В. исследует подходы отечественных и зарубежных ученых к определению понятия «потенциал» с точек зрения различных отраслей науки и сфер применения [15].

В публикации Салтыкова М.А. анализируются тенденции и проблемы развития организаций рыбохозяйственного комплекса на основе концепции устойчивого

развития региональной экономики [16].

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи.

В работе ставится цель дать количественную оценку влияния основных индикаторов на хозяйственный потенциал организации рыбной отрасли Приморского края.

Постановка задания. Проанализировать последние публикации по рассматриваемой проблеме и нормативную документацию, определяющую процедуры исследования. Провести анализ основных индикаторов хозяйственного потенциала организации рыбной отрасли – себестоимости, выручки, финансовых результатов, рентабельности, эффективности использования основного капитала. Исследовать влияние основных факторов на развитие хозяйственного потенциала, установить объясняющие переменные, наиболее значительно сказавшиеся на показателях, обобщить результаты факторного анализа.

Используемые методы, методики и технологии.

Объектом работы являются индикаторы хозяйственного потенциала рыбной отрасли. Исследование нормативного регулирования аналитических процедур позволило определить методологию, состоящую из методик, приведенных в Методологических рекомендациях по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций, утвержденных Госкомстатом России 28.11.2002 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Применение методик факторного анализа индикаторов хозяйственного потенциала исследовано на примере рыбопромышленной организации Приморского края, которая является одной из ведущих в отрасли по объему вылова, выпуска рыбопродукции и другим показателям.

Наблюдаемое предприятие является акционерным обществом, к которому применяется обязательное требование публикации годовой финансовой (бухгалтерской) отчетности на официальном сайте, показатели которой явились источником аналитической информации для данного исследования. Кроме этого, применялись данные первичной учетной документации о затратах, численности работников и т.д. Деятельность организации осуществляется в строгом соблюдении законодательства РФ, в частности в соответствии с федеральным законом «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. Главной целью ведения предпринимательской деятельности анализируемого предприятия является получение прибыли. Организация не применяет специальных режимов налогообложения (находится на общем режиме). Основным видом деятельности является рыболовство морское.

Предприятие известно на международных и отечественных рынках, своей более полувековой историей как надежный, сильный и достойный партнер. С 1952 года компания нацелена на вылов и выпуск только качественной рыбной продукции. Основу хозяйственной деятельности компании составляют морской промысел рыбы и морепродуктов, их дальнейшая переработка и реализация как на российском рынке, так на рынках Западной Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

В основной флот компании входят Большие Автономные Траулеры Морозильные (БАТМ) типа «Пулковский меридиан», оснащенные современными рыбообрабатывающими фабриками, гарантирующие выпуск рыбопродукции, соответствующей мировым стандартам.

Компания специализируется на промысле и переработке таких традиционных рыбных объектов, как: минтай, лемонема, кальмар, макрурус, сельдь.

Одним из индикаторов воспроизводства хозяйственного потенциала является организационная структура, кадровый потенциал, эффективность распределения от-

ветственности за принятие управленческих решений. Исследуемое предприятие при разработке своей корпоративной структуры ориентируется не только на отечественный рынок, но и на международный для обеспечения эффективного выстраивания взаимоотношений со всеми акционерами и инвесторами, а также прочими участниками акционерного общества. Организационная структура управления представлена на рисунке 1.



Рисунок 1 - Организационная структура управления предприятия

Основными структурными подразделениями являются департаменты, службы, управления и филиалы. У генерального директора в подчинении находятся заместители по вылову и добыче, логистике и сбыту, экономике и финансам, правовым и корпоративным вопросам.

Организационная структура предприятия предусматривает установление перед каждым департаментом определенных целей, а его сотрудники и руководительский состав несут ответственность за решение поставленных задач.

Эффективность представленной структуры управления выражается в том, что каждый работник строго подчинен руководителю определенного департамента, которые в свою очередь находятся в подчинении у заместителя директора по определенному направлению деятельности. Соблюдение строгой иерархии в управлении, четкое распределение ответственности между работниками, отвечает заданным масштабам деятельности предприятия и обеспечения эффективности кадрового потенциала. В связи с этим применяемая структура управления в современных условиях является оптимальной.

По данным публикуемой годовой отчетности наблюдаемой организации сделаны следующие выводы о хозяйственной деятельности. Выручка с 2018 по 2019 года стремительно выросла на 32,27 %, но с 2020 года начала снижаться. По себестоимости отмечается аналогичная динамика. Однако коммерческие и управленческие расходы растут ежегодно. В итоге доля затрат, приходящихся на рубль выручки, не смотря на рост в 2019 году до 0,97 руб./руб., к 2021 году снизилась до 0,69 руб./руб. Среднегодовая численность работников ежегодно снижалась, начиная с 2019 года. В 2020 году среднегодовая заработная плата была немного понижена, а 2021 увеличена на 197,83 тыс. руб., что повлекло за собой повышение увеличение годового фонда оплаты труда в 2021 году всего на 96 905 тыс. рублей или на 6,87% по сравнению с предыдущим годом.

Прибыль от продаж с 2018 по 2019 год упала на 36%. Затем резко увеличилась на следующий год и в 2020 составила самую большую за весь анализируемый период (3 883 740 тыс. руб.). А к 2021 году снизилась на 541 652 тыс. руб. Чистая прибыль имеет подобную тенденцию.

Производительность труда росла за весь анализируемый период: 060000, 820000; ВАК: 5.2.1.; 5.2.4.; 5.2.5.

мый период, однако, от 2018 к 2021 году рост ежегодно уменьшался.

Среднегодовая стоимость основных средств в 2019 году уменьшилась на 578 130 тыс. руб., в следующем году еще на 1 529 496 тыс. рублей, но в 2021 возросла на 164 698 тыс. руб. или на 7% по сравнению с предыдущим годом.

Фондоотдача снизилась к 2021 году на 18,72% по сравнению с 2020 годом. Рентабельность продаж тоже упала, но незначительно. Снижение составило всего 1% от показателя предыдущего года.

Несмотря на общее снижение показателей в 2021 году рентабельность деятельности осталась с положительным знаком. В 2021 году она составила 61,98%, что на 13% больше, чем в прошлом году. Это свидетельствует об эффективной экономической политике предприятия и улучшении его хозяйственного потенциала.

Индикатором хозяйственного потенциала организации является показатель затрат на 1 руб. продаж. Положительно оценивается его снижение в динамике. Между тем аналитические данные исследуемой организации показывают, что тенденция уменьшения показателя отсутствует.

В связи с этим в таблице 1 проведен факторный анализ затрат на 1 руб. продаж, что позволило получить количественную оценку воздействия основных факторов.

Таблица 1 – Факторный анализ затрат на 1 рубль продаж за 2020 - 2021 гг. наблюдаемой организации

Наименование показателя	Значение		Абсолютное отклонение	Темп роста, %
	2020 г.	2021 г.		
Выручка, тыс. руб.	12 339 958	10 897 392	-1 642 566	86,90
Себестоимость продаж, тыс. руб.	7 094 104	5 392 338	-1 701 766	76,01
Коммерческие расходы, тыс. руб.	1 067 689	1 596 596	528 907	149,54
Управленческие расходы, тыс. руб.	494 425	566 370	71 945	114,55
Затраты на 1 руб. выручки, руб.	0,69	0,69	0,00	100,44
Влияние себестоимости, руб.			-0,14	
Влияние коммерческих расходов, руб.			0,04	
Влияние управленческих расходов, руб.			0,01	
Влияние выручки, руб.			0,09	

Данные таблицы свидетельствуют, что наибольшее отрицательное влияние на рост доли затрат в структуре выручки оказывает непосредственно снижение продаж в стоимостном выражении. Однако более существенное сокращение выручки покрывает данный фактор. В итоге за 2021 год по сравнению с 2020 годом доля затрат в структуре выручки практически не изменилась.

Далее даны количественные оценки влияния факторов на другой индикатор хозяйственного потенциала - фонд оплаты труда (таблица 2).

Таблица 2 – Факторный анализ фонда оплаты труда за 2020 - 2021 гг. наблюдаемой организации

Наименование показателя	Значение		Абсолютное отклонение	Темп роста, %
	2020 г.	2021 г.		
Среднегодовая численность работников, чел.	1 687	1 458	-229	86,43
Среднегодовая заработная плата, тыс. руб.	836,38	1 034,21	197,83	123,65
Фонд оплаты труда, тыс. руб.	1 410 972	1 507 877	96 905	106,87
Влияние среднегодовой численности работников, тыс. руб.			-191 531	
Влияние среднегодовой заработной платы, тыс. руб.			288 436	

Из таблицы следует, что основным фактором, повлекшим увеличение годового фонда оплаты труда в 2021 году, явилось повышение среднегодовой заработной платы.

Расчет влияния факторов на другой индикатор хозяйственного потенциала – производительности труда приведен в таблице 3.

Таблица 3 – Факторный анализ выработки за 2020 - 2021 гг. наблюдаемой организации

Наименование показателя	Значение		Абсолютное отклонение	Темп роста, %
	2020 г.	2021 г.		
Выручка, тыс. руб.	12 339 958	10 897 392	-1 642 566	86,90
Среднегодовая численность работников, чел.	1 687	1 458	-229	86,43
Выработка, тыс. руб.	7 433,29	7 474,21	40,92	100,55
Влияние выручки, тыс. руб.			-973,66	
Влияние среднегодовой численности работников, тыс. руб.			1 014,58	

В результате сокращения среднесписочной численности работников на 229 человек, производительность труда в организации выросла на 1 014,58 тыс. руб./чел.,

однако из-за снижения выручки она упала на 973,66 тыс. руб./чел.

Повышение среднегодового заработка оценивается положительно, поскольку способствует повышению уровня жизни работников. Однако при этом для оценки эффективности производства устанавливается соответствие между темпами роста среднегодового заработка и производительности труда. Положительно оценивается превышение темпов роста выработки над темпами роста заработной платы. Между тем, как показывают данные таблицы 2 и 3 темп роста среднего заработка опережает рост выработки. Несоответствие соотношения показателей оптимальному варианту отрицательно сказывается на эффективности деятельности, так как из-за этого предприятие получает относительный перерасход фонда оплаты труда, который приводит к росту себестоимости и снижению прибыли.

В таблице 4 дана количественная оценка влияния факторов на такие индикаторы хозяйственного потенциала, как фондоотдача и рентабельность продаж

Таблица 4 – Факторный анализ фондоотдачи и рентабельности продаж за 2020 - 2021 гг. наблюдаемой организации

Наименование показателя	Значение		Абсолютное отклонение	Темп роста, %
	2020 г.	2021 г.		
Выручка, тыс. руб.	12 539 958	10 897 392	-1 642 566	86,90
Среднегодовая стоимость основных средств, тыс. руб.	2 379 997	2 544 694	164 698	106,92
Прибыль от продаж, тыс. руб.	3 883 740	3 342 088	-541 652	86,05
Фондоотдача, руб./руб.	5,27	4,28	-0,99	81,28
Рентабельность продаж, %	30,97	30,67	-0,30	99,02
Влияние выручки, тыс. руб.				
- на фондоотдачу			-0,69	
- на рентабельность продаж			-4,32	
Влияние среднегодовой стоимости основных средств на фондоотдачу, тыс. руб.			-0,30	
Влияние прибыли от продаж на рентабельность продаж, тыс. руб.			4,02	

Из таблицы видно, что в результате одновременного роста среднегодовой стоимости основных средств и снижения выручки фондоотдача уменьшилась на 0,99 руб./руб. Снижение рентабельности продаж на 4,32 % произошло из-за уменьшения выручки.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

В предыдущей работе автора [13] проведено сравнение показателей эффективности нескольких ведущих рыбохозяйственных организаций, сгруппированных по доле собственного капитала в источниках финансирования. В выборку входили как прибыльные, так и убыточные предприятия. В работе установлены факторы, наиболее значительно сказавшиеся на показателях рентабельности, обобщены результаты факторного анализа. Исследование показало, что наибольшее отрицательное влияние на показатели эффективности оказал рост себестоимости рыбопродукции. Сравнение полученных выводов с данным исследованием, проведенным на примере одной организации, показывает те же результаты: индикаторы хозяйственного потенциала наблюдаемого предприятия отражают схожие тенденции в целом по отрасли.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования.

В 2021 г. тенденции уменьшения доли расходов в структуре выручки не отмечалось, что вызвано уменьшением одновременно двух факторов – выручки и себестоимости продаж. В 2021 г. фонд оплаты повысился за счет увеличения среднегодового заработка, при этом рост средней заработной платы опережал повышение выработки. Производительность труда росла за счет численности, в то время как динамика выручки оказалась отрицательная влияние. Уменьшение выручки отрицательно сказалось также на изменении фондоотдачи и рентабельности продаж.

В исследуемой организации численность работников и среднегодовой заработок растет, среднегодовая стоимость основного капитала увеличивается. Между тем, несмотря на уменьшение себестоимости по абсолютной

величине, ее доля в выручке не изменилась. Повышения выручки и прибыли от основной деятельности не происходит, что отрицательно сказывается на фондоотдаче, рентабельности продаж и, соответственно, на хозяйственном потенциале наблюдаемого предприятия.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

Основными направлениями дальнейших исследований может стать разработка программы по повышению продаж рыбопродукции, которая обеспечит снижение удельной себестоимости, увеличение выручки, прибыли и хозяйственного потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Опарина, Т. А. Управление экономическим потенциалом ответственных промышленных предприятий / Т. А. Опарина, Э. Ф. Фаизова // Инновации и инвестиции. – 2017. – № 10. – С. 159-161. – EDN VPVMDR.
2. Курбанов, А. Х. Экономический потенциал страны как экономическая категория / А. Х. Курбанов, В. А. Плотноков // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3(49). – С. 45-56. – EDN WKGPFLL.
3. Ермоловская, О. Ю. Инвестиции в научный потенциал - основа макроэкономического роста / О. Ю. Ермоловская // Вестник Академии. – 2016. – № 3. – С. 105-108. – EDN XSTUEZ.
4. Доценко, Е. Ю. Методика экспресс-оценки конкурентоспособности бизнеса на базе сравнительной оценки финансового состояния и рыночного положения хозяйствующих субъектов / Е. Ю. Доценко // Регион: системы, экономика, управление. – 2019. – № 1(44). – С. 150-154. – EDN DUEHGX.
5. Третьякова, И. Н. Инновационный маркетинг - основа развития экономики России / И. Н. Третьякова, Т. О. Толстых // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 3(66). – С. 95-102. – EDN WXFURR.
6. Рогова, Т. Н. Ресурсообеспеченность региональной экономики / Т. Н. Рогова // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16. – № 9(456). – С. 1625-1639. – DOI 10.24891/re.16.9.1625. – EDN XYUUGD.
7. Кузичева, Н. Ю. Ресурсный потенциал аграрного сектора экономики: теоретический аспект / Н. Ю. Кузичева, И. П. Шалыгина // Теория и практика мировой науки. – 2017. – № 5. – С. 20-24. – EDN ZSSPDF.
8. Нижегородцев, Р. М. Структурные преобразования в условиях формирования «зеленой» экономики: вызовы для бизнеса и стран БРИКС / Р. М. Нижегородцев, М. Н. Дудин, Н. В. Лясников // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2016. – № 4. – С. 4-17. – EDN WLUMZJ.
9. Кондратьева, М. Н. Сравнительная оценка и определение экономического потенциала региона / М. Н. Кондратьева, Т. Н. Рогова, Е. В. Баландина // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 2(437). – С. 266-281. – DOI 10.24891/re.15.2.266. – EDN XVBDQP.
10. Столбов, В. А. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное» - «реальное» - «необходимое» / В. А. Столбов, М. Д. Шарыгин // Экономика региона. – 2016. – Т. 12. – № 4. – С. 1014-1027. – DOI 10.17059/2016-4-4. – EDN XBKHUN.
11. Гуреев, П. М. Инновационный потенциал: проблемы определения и оценки / П. М. Гуреев, В. Н. Гришин // Инновации. – 2017. – № 4(222). – С. 89-92. – EDN YPQHLL.
12. Володина, С. Г. Актуальные вопросы теории и практики формирования ценовой политики на предприятиях рыбохозяйственного комплекса (на примере Приморского края) / С. Г. Володина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Первое экономическое издательство», 2022. – 238 с. – ISBN 978-5-91292-435-4. – DOI 10.18334/9785912924354. – EDN NCMZOS.
13. Володина, С. Г. Применение методик факторного анализа показателей эффективности предприятий рыбной отрасли / С. Г. Володина // Научные труды Дальрыбвтуза. – 2020. – Т. 52. – № 2. – С. 62-68. – EDN MFQNMN.
14. Заматырина, Н. А. Оценка эффективности использования экономического потенциала региона / Н. А. Заматырина // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. – 2017. – № 1(13). – С. 15-20. – EDN YRVMPZ.
15. Заборовская, О. В. К вопросу об определении сущности понятия «социальный потенциал региона» как экономической категории / О. В. Заборовская, И. В. Баранова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2020. – № 2. – С. 120-126. – DOI 10.26163/GIEF.2020.78.23.018. – EDN FHIZOF.
16. Saltykov, M. A. Trends in development of Russian Far East's fishing industry in context of strategic regional growth / M. A. Saltykov, E. V. Krasova // Amazonia Investiga. – 2021. – Vol. 10. – No 47. – P. 93-106. – DOI 10.34069/AI/2021.47.11.10. – EDN BCWTON.
17. Методологические рекомендации по проведению анализа финансово-хозяйственной деятельности организаций, утвержденные Госкомстатом России 28.11.2002 г.

Received date: 19.11.2022

Revised date: 13.12.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 336:347.73(075.8)
DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_05



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ АНТИОТМЫВОЧНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

© Автор(ы) 2022

ИСАКОВА Эльза Тельмановна, аспирант

Астраханский государственный технический университет
414056, Россия, Астрахань, Elza.isakova@internet.ru

SPIN: 5227-2342

AuthorID: 1168624

ORCID: 0000-0001-5941-2198

ТАНЮШЧЕВА Наталия Юрьевна, доктор экономических наук,

профессор кафедры «Экономика и управление предприятием»

Астраханский государственный технический университет
414056, Россия, Астрахань, n.tanyushcheva@yandex.ru

SPIN: 3981-1918

AuthorID: 757876

ORCID: 0000-0002-7277-7316

Аннотация. Цель: провести анализ научных публикаций об организационных основах функционирования мировой системы противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Метод: в электронных библиотеках e-library, ResearchGate, Academia проведен поиск статей и монографий по ключевым словам «легализация (отмывание) преступных доходов», «money laundering», «ФАТФ», «ФАТФ». Результаты: выделены три основных вопроса, исследуемые в рамках заданной темы: базис мировой системы ПОД/ФТ, эффективность глобальной системы ПОД/ФТ, региональные подходы к ПОД/ФТ. Рассматриваются статьи и монографии экономистов, юристов, социологов, психологов, многие работы отражают результаты междисциплинарных исследований. Большое количество публикаций указывает на высокую актуальность темы мировой антиотмывочной системы. Проанализированы научные труды, посвященные оценке эффективности этой системы. Отдельное внимание уделяется региональному подходу в реализации странами антиотмывочных требований. Рассматривается Евразийская группа по типу FATF, в состав которой входит Россия. Научная новизна: анализ публикаций показал, что санкции, применяемые FATF за нарушения международных стандартов ПОД/ФТ, не являются результативными, четкие критерии применения отсутствуют. Изменение отношений международных организаций к России из-за украинского конфликта не нашло отражения в исследованиях. Практическая значимость: выявлена проблема, выпавшая из спектра внимания исследователей в области ПОД/ФТ. Ученым следует пересмотреть подход, основанный на слепой унификации, и сосредоточить усилия для предложения российским законодателям новых механизмов и инструментов самоопределения в мировой системе ПОД/ФТ, которые позволят стране сохранить все ее сильные стороны и максимально взаимовыгодно строить отношения с партнерами.

Ключевые слова: противодействие отмыванию преступных доходов, противодействие финансированию терроризма, FATF (ФАТФ), ЕАГ, ЕАЭС, антиотмывочная система, банковская тайна, электронная библиотека, офшорные компании

THE MAIN VECTORS IN INTERNATIONAL ANTI-MONEY LAUNDERING COOPERATION

© The Author(s) 2022

ISAKOVA Elsa Telmanovna, PhD student

Astrakhan State Technical University

414056, Россия, Астрахань, Elza.isakova@internet.ru

TANYUSHCHEVA Nataliia Yurievna, doctor of economic sciences, professor

of the Department «Economics and Enterprise Management»

Astrakhan State Technical University

414056, Россия, Астрахань, n.tanyushcheva@yandex.ru

Abstract. Objective: to analyze scientific publications on the organizational foundations of the global system of countering money laundering and terrorist financing (AML/CFT). Method: the electronic libraries e-library, ResearchGate, Academia conducted a search for articles and books on the keywords «money laundering», «FATF». Results: tree main issues investigated within the topic: the basis of the global AML/CFT system, the effectiveness of the global AML/CFT system, regional approaches to AML/CFT. There have been considered articles and books of economists, lawyers, sociologists, psychologists, and other sciences, many works reflect the results of interdisciplinary research. A large number of publications indicates the high relevance of the topic of the global anti-washing system. The scientific works devoted to the evaluation of the effectiveness of this system are analyzed. Special attention is paid to the regional approach in the implementation of anti-money laundering requirements by countries. The Eurasian group of the FATF type, which includes Russia, is considered. Scientific novelty: the analysis of publications has shown that the sanctions applied by FATF for violations of international AML/CFT standards are not effective, there are no clear application criteria. The change in the relations of international organizations to Russia due to the Ukrainian conflict was not reflected in the research. Practical significance: a problem that has fallen out of the spectrum of attention of researchers in the field of AML/CFT. Scientists should reconsider the approach based on blind unification and focus their efforts to offer Russian legislators new mechanisms and instruments of self-determination in the global AML/CFT system, which will allow the country to preserve all its strengths and build mutually beneficial relationships with partners as much as possible.

Keywords: countering money laundering, countering the financing of terrorism, FATF, EAG, EAEU, anti-money laundering system, bank secrecy, electronic library, offshore companies

ВВЕДЕНИЕ

Свой современный облик глобальная система противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) обрела не одномерно. Широкомасштабная офшоризация 1960-х годов

впервые тревожно указала считавшим себя сильными государствам на серьезные уязвимости в бюджетном планировании и национальной безопасности. Огромные доходы, которые приносил банкам Швейцарии и Великобритании институт банковской тайны и нераз-

борчивость в клиентах, заинтересовали банки США. Они инициированы изменения в американское законодательство для максимально свободного перемещения иностранного капитала, повлекшие небывалый рост объемов незаконного ввоза наркотиков и их потребления среди населения, существенное увеличение доли объектов недвижимости, находящихся в США, но зарегистрированных на офшорные компании. Меры сдерживания в виде повышения налоговых ставок на доходы от иностранных ценных бумаг [1], кредитных ограничений на операции с зарубежными активами [2] существенных результатов не принесли. Сальдо платежного баланса ухудшилось, инфляция выросла, часть экономики США потеряла свою конкурентоспособность на мировых рынках, утечка капитала в офшорные зоны «помогала криминальным предприятиям имитировать законный бизнес и поощряла законные предприятия вести себя как преступные предприятия» [3, р. 113].

Новым инструментом стал закон США о банковской тайне [4]. Впервые в мировой финансовой практике без решения суда банкам предписывалось фиксировать информацию обо всех операциях с наличными средствами в сумме 3 тыс. долл. и выше. Информацию об операциях и их участниках на сумму 10 тыс. долл. и выше банки должны были передавать в специальный уполномоченный орган. Полученные сведения легли в основу ряда громких расследований против незаконного оборота наркотиков. Это воодушевило ООН и Европейский союз на включение данного инструмента в ряд международных конвенций, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, отмывание преступных доходов, транснациональной организованной преступностью, коррупцией [5]. Добровольно взяли на себя такие обязательства только страны с наиболее развитой финансовой системой, в первую очередь, страны ОЭСР. Тогда как в формировании преступных доходов и в схемы уклонения от налогообложения все больше вовлекались развивающиеся страны и офшорные зоны. Новый этап контроля за движением денег начался с создания в 1989 году FATF (Financial Action Task Force (on Money Laundering)), Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, ФАТФ). За истекшие 30 лет антиотмывочное движение обрело глобальный характер и кардинально изменило структуру и состояние мировой финансовой системы.

В условиях беспрецедентно деструктивного поведения США, стран G7 и ЕС по отношению к России, резко ухудшившегося с марта 2022 года, создаются риски усиления давления на нашу страну через механизмы, которыми располагает FATF. Что экономисты могут этому противопоставить? Формирование ответа на этот вопрос предполагает понимание причин происходящего. Для этого необходимо разобраться в том, что накоплено исследователями об антиотмывочном движении, насколько оно эффективно в противодействии ОД/ФТ, с оглядкой на специфические аспекты ее воздействия на финансовую систему России, и в каком формате двигаться вперед?

Обзор трудов о международной антиотмывочной системе, ее структуре, FATF и ее эффективности проведен с использованием системного подхода. Сначала были исследованы содержащиеся в базе электронных библиотек e-library, ResearchGate, Academia научные публикации, имеющие в наименовании, аннотации или ключевых словах выражение «легализация (отмывание) преступных доходов» (money laundering), FATF (ФАТФ). Наудно 3676 публикаций в библиотеке e-library, 1249 – в Academia BasicSearch, 200 – в ResearchGate. После первоначального анализа этих публикаций изучены труды, указанные в цитируемых ссылках к ним, путем проведения поиска в Google Scholar (382 публикации).

Результаты обзора позволили сформулировать основные направления научных исследований о международном взаимодействии в сфере ПОД/ФТ и роли в нем

России, а также выявить малоисследованные вопросы в данном направлении, важные в новых реалиях, в которых российская финансовая система находится с весны 2022 года. Анализ научных публикаций, попавших в выборку, позволил выделить в исследуемом вопросе следующие основные темы: базис мировой системы ПОД/ФТ; эффективность глобальной системы ПОД/ФТ; региональные подходы к ПОД/ФТ. Мы рассмотрим их подробнее.

БАЗИС МИРОВОЙ СИСТЕМЫ ПОД/ФТ

С момента опубликования FATF международных антиотмывочных стандартов – 40 Рекомендаций FATF [6] – все внутренние инструменты регулирования в интересах национального финансового сектора, новые финансовые технологии и продукты вводятся и применяются с оглядкой на мнение FATF, возглавившей международное движение по ПОД/ФТ.

В основу современной архитектуры глобального антиотмывочного движения положены принципы самоорганизации, всеобщности и взаимного контроля. Принцип самоорганизации «реализуется на двух уровнях. Первый представляет собой базирующийся на принципе всеобщности механизм вовлечения всех без исключения стран в систему ПОД и контроль за полнотой и своевременностью выполнения ими процедур ПОД. Второй уровень действует внутри страны и представляет собой механизм вовлечения национальных финансовых посредников в выполнение процедур по сбору сведений об операциях (сделках), связанных с отмыванием денег, и передаче их в подразделение финансовой разведки... Принцип взаимного контроля реализуется путем проведения взаимных оценок в странах-участницах на предмет соответствия национальных законодательств и действующей практики в области борьбы с отмыванием денег рекомендациям ФАТФ» [7, с. 112-113]. Потребность во всеобщности авторы публикаций обосновывают: 1) открытостью мирового финансового рынка, которую активно используют преступники; 2) ограниченностью возможностей одной страны влиять на происходящее за ее пределами, особенно в отношении транснациональной преступности [8,9]; 3) различиями в национальных подходах к финансовому контролю и реализации международных стандартов FATF, которые, в свою очередь, определяются неравномерным воздействием преступности на различные государства и недостатком ресурсов для борьбы с негативными явлениями [10].

Принцип самоорганизации базируется на стремлении США и примкнувших к ним стран к сокращению бюджетного дефицита, вызванного уклонением от налогообложения состоятельных граждан и корпораций, ограничению доступа организованных преступных групп к незаконно полученным деньгам, а также к тотальному контролю над мировыми финансовыми потоками. Действующей силой глобального движения ПОД/ФТ выступает мощь финансовых систем его инициаторов – G7 и ЕС, использующих к нарушителям антиотмывочных стандартов финансовые санкции вплоть до полной финансовой изоляции. Как показала практика движения, санкции FATF являются самым жестким из известных механизмов давления на суверенное государство. Международные финансовые санкции использовались и ранее. Так, в отношении Южной Родезии, объявившей независимость от Великобритании, в 1966 г. резолюцией Совета безопасности ООН наряду с военными, экономическими и транспортными, были установлены ограничения в отношении любых денежных переводов в эту страну [11]. Введенные санкции вызвали неоднозначную оценку. Критики настаивали на их неэффективности и контрпродуктивности [12]. Практически всегда финансовые санкции являлись элементом комплекса мер принуждения, направленных на смену политического режима. По мере глобализации санкции «покинули морскую и военную сферы и переместились в неосязаемую сферу финансов» [13]. Это привело к нарастанию угроз наци-

ональным финансовым системам и привлекло внимание ученых к изучению влияния санкций на финансовую систему, экономику и общество в целом.

Юристы классифицируют антиотмывочные санкции на международные и односторонние. Международные вводят в отношении финансовых организаций и финансовых активов из стран, внесенных FATF в список юрисдикций со стратегическими недостатками в сфере ПОД/ФТ. С 2012 года в списке две страны – Иран и КНДР. Наряду с международными применяются односторонние санкции, среди которых выделяют: 1) вводимые в отсутствие с резолюциями Совета Безопасности ООН; 2) вводимые в дополнение к санкциям Совета Безопасности ООН с изменением объема применяемых ограничений; 3) вводимые во исполнение санкционных резолюций ООН [14]. Влияние санкций, введенных в 2012 г. против Ирана и КНДР, сложно оценить, так как их действие наложилось на санкции ООН, США и Европейского союза. За 2011-2015 гг. экономика Ирана сократилась почти на 20%, на 20% вырос уровень безработицы, мировые банки покинули Иран и не вернулись из-за опасений возвращения санкций со стороны США и невозможности использовать доллар в расчетах с Ираном. Курс иранского риала по отношению к доллару США снизился в 2,6 раза, темп инфляции вырос до 60% годовых. Однако главная цель санкций – сдерживание государственной ядерной программы – достигнута не была. Наоборот, страна увеличила темп разработки собственного ядерного оружия [15].

Еще один пример – Латвия. На протяжении многих лет банки этой страны специализировались на отмывании преступных доходов из стран Европы и США перед их переводом в офшорные финансовые организации. Официальных санкционных мер ни со стороны FATF, ни органы власти конкретных стран введено не было. Однако в ходе реализации национальных антиотмывочных мер крупнейшие банки планеты разорвали корреспондентские отношения с латвийскими банками, тем самым отрезав латвийским кредиторам доступ к долларам. «Теперь, когда латвийским банкам нужно вести бизнес в долларах, они должны проходить через промежуточные банки в таких странах, как Польша или Испания, что приводит к задержкам» [10]. Антиотмывочные меры вынудили власти Латвии покончить с получением доходов от отмывания денег, в короткий срок провести серьезные законодательные и административные мероприятия, в том числе замену высших лиц в центральном банке и национальном подразделении финансовой разведки; приостановку деятельности, взыскание штрафов и самоликвидацию к разным банкам страны, относящимся к разряду крупнейших. В результате стране избежать внесения в «серый» список, в который FATF вносит страны со слабым антиотмывочным режимом. Однако отрицательная репутация все еще сохраняется за финансовым сектором страны, возвращение к прежним отношениям потребует времени на проверку серьезности и долгосрочности проведенных реформ [16].

Политическая воля не всегда нацелена на углубление антиотмывочных методов. В качестве вектора развития международного антиотмывочного движения указывается политическая воля. «Попытки отдельных национальных лидеров сохранить нейтральную позицию или использовать тактику «молчаливого уклонения» или «имитации интенсивной деятельности при фактическом полном бездействии» приведут к катастрофическим последствиям в ближайшем будущем в большинстве слаборазвитых и развивающихся стран... в условиях централизации глобальной финансовой системы и растущих угроз терроризма и экстремизма во всем мире успех режима ПОД/ФТ во многом зависит от определения разумного баланса между строгой институционализацией ... и демократизацией основ сотрудничества между государствами-членами и неприкосновенностью их суверенитета», – считают Fomenko et al. [8, p.28].

Идею демократизации и суверенитета в вопросах ПОД/ФТ поддерживают авторы не всех публикаций, идея мировой унификации законодательства и мер ПОД/ФТ имеет своих сторонников [17, с. 84].

Немногочисленные критики антиотмывочного движения делают акцент на его асимметричности. «Глобальный режим борьбы с отмыванием денег в значительной степени является созданием и заботой богатых стран. Борьба с отмыванием денег находится в самом низу списка приоритетов большинства развивающихся стран. В частности, в беднейших странах строгий режим борьбы с отмыванием денег является дорогостоящим предметом роскоши. Отсюда следует, что богатые страны должны не только устанавливать глобальные стандарты ПОД и оказывать техническую помощь в их распространении и внедрении в странах по всему миру, но они также должны оказывать финансовую помощь беднейшим странам для укрепления их режимов и, таким образом, улучшения международного режима, о котором так заботятся богатые страны» [18, p. 60]. Помимо высоких затрат на антиотмывочные процедуры, расширение ПОД/ФТ ставит под угрозу доходы, которые ряд стран получает от попустительства в отмывании денег. По оценке Reuter, Truman, антиотмывочный «режим сделал немногим больше, чем заставил лиц, занимающихся отмыванием денег, изменить свои методы. Жизнь преступников усложнилась, и еще несколько человек были пойманы, но масштабы и характер отмывания денег или лежащих в их основе преступлений практически не изменились...» [18, p. 60]. Дискуссия о затратах и выгодах глобальной системы ПОД/ФТ определяет актуальность вопроса об ее эффективности.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОД/ФТ

Вслед за правительствами и частным финансовым сектором, усвоившими уроки, преподнесенные многим банкам, в том числе крупнейшим, и ряду стран за невыполнение рекомендаций FATF, ученые приступили к исследованию путей снижения рисков попадания в зону негативных мер. Публикаций, посвященных результативности антиотмывочной системы, не много. В первую очередь, исследователи сталкиваются с проблемой методологии такой оценки. Методика FATF, базирующаяся на периодических взаимных проверках национальных антиотмывочных систем, уравнивает их эффективность с полнотой и точностью исполнения 40 Рекомендаций FATF. При таком подходе страной с наиболее эффективной национальной системой ПОД/ФТ регулярно признаются США, тогда как именно на США, наряду с Каймановыми островами, Италией и Китаем, приходится основной объем отмывания денег в мире [19]. Эта дисгармония не осталась незамеченной экономистами. Они предлагают свои взгляды на оценку эффективности антиотмывочного движения.

Так, Takáts [20] математически проверил собственную гипотезу о том, что чем выше размер штрафа, тем больше банки тратят ресурсов на выявление подозрительных транзакций. Он также предположил, что с усилением мониторинга все больше операций начинают вызывать сомнения у банка, и у него появляется все больше оснований для направления сообщений в уполномоченный орган. Учитывая высокие трудозатраты на углубленное изучение поступивших сведений, уполномоченный орган не в состоянии проводить полноценное расследование по каждому сообщению. Поэтому с ростом объема сообщений доля «необработанных» будет увеличиваться. На этом основании Takáts «ставит под сомнение общепринятое мнение в области корпоративных финансов о том, что большее раскрытие информации подразумевает более качественную информацию» [20, p.13] и рекомендует: 1) по мере роста антиотмывочных затрат в финансовом секторе снижать размеры штрафов за ошибки в сфере ПОД/ФТ; 2) взимать в пользу уполномоченного органа комиссию с банков при по-

лучении от них сообщений в целях ПОД/ФТ.

Еще один подход к оценке эффективности мер по ПОД/ФТ предложили Бричка и др. Экономисты исследовали динамику трех показателей: количество террористических актов в мире как критерий возможности снижения объемов финансирования терроризма; объемы конфискованных наркотических препаратов и психотропных веществ, а также количество жертв современного рабства или принудительного труда в качестве критерия воздействия ПОД/ФТ на организованную преступность» [21, с. 12]. Сопоставление собранных статистических данных показало, что на фоне расширения и углубления ПОД/ФТ происходит сокращение объемов финансирования террористов. Однако показатели, характеризующих нелегальные рынки наркотиков и рабочей силы, не уменьшаются, а продолжают свой рост.

Оригинальный взгляд на оценку эффективности антиотмывочного режима предложили Reuter, Truman [18]. Ученые сопоставили такие показатели, как рост затрат преступников на процедуры отмывания денег (с 5 до 10% от суммы «грязных» денег) и вызванное этим ростом повышение розничной цены на наркотические вещества (1,25 %). Основываясь на этих данных, Reuter, Truman высказывают сомнение в эффективности расходов в сумме 7 млрд долл. в год, осуществляемых правительством, частными финансовыми и нефинансовыми организациями, а также населением США на антиотмывочные меры. Еще одним критерием оценки эффективности глобальной антиотмывочной системы, по мнению Reuter, Truman, могла бы стать «защита целостности основной финансовой системы» (там же). Однако и по этому критерию состояние эффективности антиотмывочных мер оценивается неоднозначно. Из-за антиотмывочных процедур «крупные банки в основных финансовых центрах в настоящее время редко являются портом первого захода для отмывания денег... (отмывание денег перенаправлено ими – Т.Н., И.Э.) в другие, менее регулируемые каналы и учреждения» [18, р. 60].

С этими выводами согласна Шашкова: «Чем эффективнее действия по отмыванию денег в одной из стран, тем более негативные последствия падают на соседние страны, куда перенаправляются денежные потоки для их отмывания», во времена кризисов правительства могут попустительствовать притоку преступных доходов в страну, «дабы экономика страны не потерпела крах, а население не вышло на улицы» [22, с. 16-17].

Вопрос попустительства правительствами отмыванию денег в своей стране исследовал Masciandaro. Он поставил перед собой задачу смоделировать поведение ответственного за формирование политики в стране лица в отношении вопроса: «следует ли отмывать деньги и в каком объеме? Т.е. экономист попытался определить оптимальный уровень «нераскрытости» информации о проводимых операциях по отмыванию денег [23, р.9]. Разработанная им эконометрическая модель показала повышение склонности такого лица к вовлечению своей страны в отмывание денег в случае проблем с экономическим ростом. Чем больше приток иностранных финансовых ресурсов, тем выше темп роста ВВП на душу населения и отдача от использования земель. Выводы Masciandaro сводятся к следующему: насколько реально вовлечена страна в отмывание денег или финансирование терроризма, не влияет на риски применения к ней антиотмывочных санкций и не является стимулом к повышению эффективности антиотмывочных мер.

Научная дискуссия ведется не только в вопросах методологии оценки антиотмывочного движения в целом, но и в вопросах эффективности разных подходов ее практической реализации. По мнению Пайковича, в ведущих финансовых странах (США, Франция, Великобритания, Италия, Германия, Австрия, Швейцария) государственные органы доверяют банкам в вопросе изучения своих клиентов и понимания сути проводимых ими операций больше, чем финансовой разведке и надзорным орга-

нам. Поэтому в этих странах финансовые организации направляют в органы финансовой разведки уже «отфильтрованную» информацию о подозрительных операциях, которая с большой долей вероятности будет использована правоохранительными и надзорными органами для расследования предикатных преступлений, там «наиболее высок уровень противодействия финансовым преступлениям» [5, с.85-86]. Однако в результате анализа национальных антиотмывочных правовых норм стран G20 установлено, что ответственность за реализацию мер по ПОД/ФТ переносится на банковский сектор не только в странах, в которых законодатели доверяют эффективно контролируемому финансовому сектору (Япония), но и в странах с высоким уровнем коррупции (Аргентина, Саудовская Аравия, Турция) [24].

Как видим, обзор публикаций показал, что эффективность антиотмывочных мер в стране напрямую не связана с введением санкций, сам вопрос оценки такой эффективности до сих пор не имеет однозначного решения. Как используемая методика FATF, так и предлагаемые экономистами методы не отвечают задаче по оценке эффективности глобального антиотмывочного движения в векторе той главной цели, ради которой оно было создано – борьбе с организованной преступностью, масштабным уклонением от налогов и финансированием терроризма. В условиях широкомасштабных санкций, в том числе угроз со стороны FATF, России следует искать новые пути развития ПОД/ФТ. В этом вопросе интерес представляют международные специализированные региональные структуры.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОД/ФТ

Архитектура мировой системы ПОД/ФТ наряду с FATF включает в себя девять региональных организаций, которым передан ряд функций: взаимные проверки, разработка типологий схем ОД/ФТ в своих регионах, образовательные программы. Важность региональных структур в антиотмывочном движении отмечается авторами многих публикаций. В качестве причин перехода на региональный формат ученые указывают, как правило, на общие черты в экономике, национальном менталитете народов соседних стран, устойчивые экономические и политические связи, помогающие им более эффективно использовать ресурсы при вхождении в международную систему [25, 26]. Однако есть и иной взгляд на региональную архитектуру ПОД/ФТ, в соответствии с которым FATF испытывает потребность уйти от прямого взаимодействия со странами, которые активно используются для ОД/ФТ [27, с.61]. Исследователи региональных антиотмывочных организаций единодушны во мнении, что «любые интеграционные объединения и государства при построении организационно-правовых основ ПОД/ФТ/ФРОМУ обязаны опираться на Рекомендации FATF» [25, с. 47; 28, 29].

Число публикаций, затрагивающих региональные антиотмывочные организации, в которых состоит Россия, невелико. Их авторы редко выказывают осведомленность в работах друг друга, гораздо чаще строят выводы и рекомендации на толковании официальных документов FATF и иных международных организаций. Например, Иванов убежден в том, что «РФ следует придерживаться международных стандартов, поскольку РФ стала членом этих международных и европейских организаций, чем подтвердила приверженность общему мировому и европейскому курсу по преобразованию национальных законодательств согласно указанных рекомендаций, ... международное и Европейское право вобрало в себя все прогрессивные преобразования и достижения развитых стран» [30, с. 235]. Сорокин и др., не сопоставляя эффективность антиотмывочных мер в Европейском союзе, настаивают на необходимости копирования государствами, входящими в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС), организационных подходов ЕС. Региональная антиотмывочная унификация должна начинаться с «приведения экономик государств ЕврАзЭС

к относительно равному уровню развития» [25, с. 69], создания Центрального банка ЕАЭС и надзорных органов по типу органов ЕС, принятия Договора о ПОД/ФТ, обязательного к исполнению всеми странами-участниками союза. То есть в целях «гармонизации национальных систем» ПОД/ФТ [25, с.2] предлагается провести в Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии и России полную перестройку политических и экономических систем, отказавшись от большей части суверенитета в пользу принципа верховенства права Союза над национальным правом.

Вместе с тем, как отмечается в публикациях, верховенство права ЕС де-юре не гарантирует равной эффективности де-факто. Несмотря на сложившуюся у ЕС репутацию эталона региональной интеграции в сфере ПОД/ФТ, ученые отмечают неоднозначность исполнения разными странами единых требований. «Некоторые государства ЕС становятся слабыми звеньями, через которые преступники могут осуществлять свою незаконную деятельность... Пока существует хотя бы одно слабое место, вся система ПОД/ФТ находится под угрозой» [31, с.64].

Сторонники унификации антиотмывочных норм и процедур в региональных организациях с участием России видят перспективы в следующем векторе: «С учетом того что Российская Федерация является бесспорным лидером на постсоветском пространстве, институциональные основы ПОД/ФТ в других странах СНГ (и ЕврАзЭС) и в рамках патронируемых российской стороной субрегиональных структур будут дублироваться, на наш взгляд, преимущественно по российскому образцу», - пишет Сорокин и др. [25, с.92]. С ними согласна Мирзоян: «Институциональные основы противодействия легализации преступных доходов в государствах - членах Евразийского экономического союза имеют, на наш взгляд, существенное сходство с российским аналогом, что существенно облегчает взаимодействие и содержит потенциал дальнейших интеграционных процессов в ЕАЭС» [32, с.269]. Пакет предложений Сорокина и др. противоречив. С одной стороны, организация регионального взаимодействия в сфере ПОД/ФТ должна ориентироваться на Европейский союз, с другой – следовать российскому образцу.

Предлагая серьезные усилия по нововведениям в международном сотрудничестве ЕАЭС, авторы не приводят аргументы их целесообразности, не задаются вопросом: зачем ЕАЭС новый функционал? За исключением Армении, входящей в MONEYVAL, остальные страны ЕАЭС уже взаимодействуют в вопросах ПОД/ФТ в рамках Евразийской группы по типу FATF (ЕАГ). ЕАГ характеризуют как «самую крупную по населению и территории группу FATF, которая охватывает страны, разные по культуре, религии, политическому устройству и степени развития» [33, с.353]. «Несмотря на ряд проблем технического характера, создание ЕАГ обеспечило политическое сотрудничество в сфере ПОД/ФТ, задействовав все уровни взаимодействия, и способствовало объединению потенциала для снижения угрозы терроризма, с одной стороны, и повышения прозрачности, надежности и безопасности финансовых систем государств региона, с другой стороны, - пишет Мелкумян, - ... предпринятые меры ЕАГ в отношении стран-членов позволили снять с режима особого мониторинга Кыргызстан, Китай, Узбекистан и Туркменистан и исключить из «черных» списков ... Узбекистан, ... Туркменистан ..., Таджикистан ... и Кыргызстан» [33, с. 355]. К достижениям ЕАГ относят не только появление у стран, не являющихся прямыми членами FATF, перспективы «включиться в общую борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма через механизмы взаимодействия внутри группы...», но и возможность сыграть «незаменимую роль в повышении доверия среди участников, снижения информационной асимметрии, конструировании иерархии ценностей государств в рам-

ках борьбы с финансированием терроризма, продвижении стандартов FATF за его пределы с учетом специфики Евразийского пространства с точки зрения его вовлеченности в зону исламского банковского финансирования и рисков легализации доходов от афганского наркотрафика», на долю которого в 2021 г. приходилось 86% всего незаконного производства опиума [33, с. 355].

Однако критикам ЕАГ этого недостаточно. «В настоящее время сложились необходимые предпосылки для существенного продвижения вперед в области дальнейшей гармонизации и даже унификации в рамках ЕАЭС национального законодательства о противодействии отмыванию незаконно полученных доходов и финансированию терроризма, - пишет С.О. Шохин. - В рамках ЕАЭС необходим качественно иной, гораздо более углубленный уровень сотрудничества. Между государствами ЕАЭС нет таможенных границ, идет работа по унификации банковских технологий, поставлен целью единый финансовый рынок. Подобных процессов не происходит у России с Китаем или Индией. Нужны другие, более углубленные механизмы и инструменты ПОД/ФТ» [34, с.53]. В том, что «уровень развития законодательной базы системы ПОД/ФТ в странах ЕАЭС очень разный» [34, с.54], С.О. Шохин видит свои плюсы в виде возможности идти к унификации последовательно, разработав и приняв: 1) концепцию развития и унификации законодательства по ПОД/ФТ в рамках ЕАЭС; 2) модельный закон ЕАЭС «О противодействии легализации незаконно полученных доходов и финансированию терроризма», в котором определить цели, принципы организации и функционирования, задачи, функции и полномочия соответствующих национальных органов, используемые ими методы и инструменты; 3) интегральную синхронизированную «дорожную карту» практических мер по гармонизации и унификации национальных законодательств по ПОД/ФТ в сфере банковского контроля, административной и уголовной ответственности; 4) единую унифицированную информационную базу данных о финансовых операциях, подпадающих под систему контроля в рамках ПОД/ФТ; 5) совместные усилия по распространению знаний о правовом регулировании ПОД/ФТ как среди экономических субъектов, так и среди населения.

Отсутствие внятных преимуществ от предлагаемых сложных и дорогостоящих нововведений в условиях беспрецедентного по масштабам и глубине кризиса международных отношений говорит о том, что Россия приступает к переосмыслению своей новой роли в мировом антиотмывочном движении.

ВЫВОДЫ

Целью проведенного исследования ставилось выявление общим моментов и оригинальных идей по дальнейшему развитию в России мер по ПОД/ФТ. Обзор показал, что введение странами G7 и ЕС против российской финансовой системы санкций в 2014 году в связи с присоединением Крыма, и их беспрецедентное ужесточение в начале 2022 года из-за специальной военной операции в Донбассе еще не нашли свое отражение во взглядах исследователей в сфере ПОД/ФТ.

Эти меры несоизмеримо шире и глубже санкций, когда-либо применявшихся FATF и действующих ныне в отношении Ирана и КНДР. Угроза антиотмывочных санкций до недавних пор являлась движущей силой жизнестойкости и прогресса в глобальном движении ПОД/ФТ. Стойкость российской финансовой системы в условиях рестрикций со стороны ЕС и G7 свидетельствуют не столько о спорной эффективности антиотмывочных движущих сил, сколько о новых ее векторах и формах. Применительно к России, актуальность приобретает новый взгляд на исполнение страной взятых на себя антиотмывочных обязательств, требующий детального научного осмысления роли международных актов в сфере ПОД/ФТ (принципов, стандартов, рекомендаций) в отечественной финансовой системе, путей развития

финансового мониторинга и форм международного сотрудничества в этой сфере с учетом национальных особенностей, стратегических целей и задач государства [35, 36].

У авторов научных публикаций нет единодушия в вопросе дальнейшей роли России в региональных организациях по ПОД/ФТ. Ряд ученых настаивают на копировании организационной структуры и подхода Европейского союза к построению Россией взаимоотношений в рамках таких организаций. Иные видят сильные стороны российской антиотмывочной системы и предлагают странам ЕАЭС взять их за основу. При этом все рекомендации базируются на двух положениях: во-первых, полное и безоговорочное исполнение 40 Рекомендаций FATF; во-вторых, унификация национальных антиотмывочных норм если не в глобальном, то в региональном охвате. Однако глубоких, детальных исследований в этом направлении не выявлено. Тогда как время выбора уже пришло. Задача ученых – дать законодателям аргументы для самоопределения России в новых реалиях, в которых страна сумеет сохранить все сильные стороны и максимально результативно выстраивать отношения с зарубежными партнерами по взаимодействию в сфере ПОД/ФТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *The Interest Equalization Act of 1963*. Joint Committee on Taxation. US Congress. 1964. URL: <https://archive.org/details/theinterestequal1064unit>.
2. Neely C.J. *Introduction to Capital Controls*. St. Louis Fed. Review, November/December 1999. URL: https://www.researchgate.net/publication/5047182_An_Introduction_to_Capital_Controls
3. Shaxson N. *Treasure Islands: Uncovering the Damage of Offshore Banking and Tax Havens*. Palgrave MacMillan. 2011. 272 p.
4. *Bank Secrecy Act, Anti-money laundering, and office of foreign assets control* (31 U.S.C. 5311 et seq.). 1970. URL: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm/>.
5. *The Forty Recommendations of the Financial Action Task Force on money laundering*. 1990. FATF. URL: <https://www.fatfgafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%201990.pdf>.
6. Тянущева Н.Ю. Финансовые аспекты методологии противодействия отмыванию «грязных» денег // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 366. С. 112-116.
7. Fomenko A., Sydorov O., Marchenko E., Zhuravlov D. *International regime of counteraction to laundering of proceeds of crime and financing terrorism: two vectors of evolution* // *Економічний часопис-XXI*. 2020. Т. 181. № 1-2. С. 28-43.
8. Левакин И.В., Морозов Н.В. *Международное сотрудничество в области противодействия легализации доходов от преступной деятельности* // *Право и современные государства*. 2016. № 3. С. 13-18.
9. Ewing J. *Sanctions on Russia and North Korea Put Tiny Latvia in U.S. Cross Hairs*. *The New York Times*. 2019. July 17.
10. *Resolution 232*. 16 December 1966. *The Security Council UN*. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/227/55/PDF/NR022755.pdf?OpenElement>.
11. Minter W., Schmidt E. *When sanctions worked: The case of Rhodesia reexamined* // *African Affairs*. 1988. V. 87. N. 347. Pp. 207-237.
12. Newville T.F.De.La. *Lessons from applying sanctions and blockades* // *Review of Business and Economics Studies*. 2021. Т.9. № 4. Pp. 23-31.
13. Гландин С.В., Панов Ф.Ю. *Ограничительные меры и санкции в праве Соединенного Королевства: до и после brexit* // *Закон*. 2020. № 6. С. 142-158.
14. *Iran Sanctions*. Updated February 2, 2022. *Congressional Research Service*. 93p. URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS20871.pdf>.
15. Gise-Sprole I., Liodorova J., Murniece K., Voronoya I. *Money laundering investigation: the case of Latvia* // *Soci,lo Zin,tUu VAtmesis*. 2020. 2 (31). Pp. 137-155.
16. Кассаб М.С.Х. *Международно-правовые основания противодействия легализации преступных доходов* // В сборнике: *Правовые и экономические аспекты устойчивого развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции*. Петрозаводск, 2022. С. 77-86.
17. Reuter P., Truman E. M. *Chasing Dirty Money: The Fight Against Money Laundering*. Peterson. 2004. 248 p.
18. Петухова Н.В. *Противодействие отмыванию денежных средств* // *Научные записки молодых исследователей*. 2017. №1. С. 15-23.
19. Takáts E. *A Theory of "Crying Wolf": The Economics of Money Laundering Enforcement*. IMF Working paper. 2007. WP/07/81. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp0781.pdf>.
20. Бричка Е.И., Захарченко Е.С., Жаркова Ю.С. *Международная система противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма: анализ общемировых показателей* // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика*. 2020. № 4. С. 8-15.
21. Шапкова А.В. *Международные и внутригосударственные*

аспекты борьбы с коррупцией как частный случай противодействия легализации преступных доходов // *Право и управление*. XXI век. 2011. № 1 (18). С. 16-21.

22. Masciandaro D. *Combating black money: Money laundering and terrorism finance, international cooperation and the G8 role*. Working paper no. 56/26. *Universita di Lecce Economics*. 2004.

23. Пайкович П.Р. *Международная система противодействия легализации преступных доходов* // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. 2021. № 3 (53). С. 80-87.

24. Тянушчева Н.Ю. *Количественные параметры антиотмывочного регулирования* // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2021. Т. 14. № 1 (355). С. 21-43.

25. Сорокин К.Г., Понаморенко В.Е., Ковалева С.Е., Карпов Л.К. *Актуальные вопросы развития национальной системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма в государствах – членах ЕвразЭС*. Москва. 2014. URL: vodeystviya_legalizacii_prestupnyh_dohodov_i_finansirovaniyu_terrorizma_v_gosudarstvah_chlenah_evrazes_konstantin_sorokinbook.ab.pdf.

26. Садошовская М.Е. *Эволюция правовых основ Европейского союза в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем: исторический обзор* // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 164-175.

27. Сапрыкина О.А. *Развитие национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма* // В сборнике: *Денежная система России: история, современность и перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции*. Под научной редакцией Н.В. Фадейкиной. 2019. С. 59-66.

28. Simon Y.S. *Money laundering in the Middle East: exposing the role of financial institutions in terror financing*. University of Liverpool. 2018.

29. Kukkuk L. *The invisible threat: money laundering in Eastern and Southern Africa*. Institute for Security Studies. 2010.

30. Иванов А.В. *Взаимодействие России с международными и европейскими организациями по противодействию легализации (отмыванию) преступных доходов*. В сборнике: *Развитие науки и образования в условиях мировой нестабильности: современные парадигмы, проблемы, пути решения. Материалы Международной научно-практической конференции*. В 2-х частях. Ростов-на-Дону. 2021. С. 222-236.

31. Кузнецова С.А. *Европейский опыт в сфере борьбы с отмыванием доходов, полученных преступным путем* // 2021. *Панорама*. № 38. С. 58-65.

32. Мирзоян Р.Э. *Финансовые органы в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в странах ЕАЭС* // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3 (163). С. 269-276.

33. Мелкумян К.С. *Эффективность региональных групп, созданных по типу ФАТФ (РГТФ), на примере Евразийской группы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ)* // *АНИ: экономика и управление*. 2017. Том 6. №2 (19). С. 352-356.

34. Шохин С.О. *Проблемы правового обеспечения борьбы с легализацией незаконно полученных доходов в Евразийском экономическом союзе* // *Юрист*. 2018. №1. С. 52-57.

35. Кужиков В.Н., Жабский В.А. *Международные стандарты по противодействию легализации преступных доходов* // В сборнике: *Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях*. сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский экономический институт». Москва. 2020. С. 410-419.

36. Сухова В.С. *Международно-правовые основы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма и их влияние на отечественную правовую систему* // *Наукосфера*. 2021. № 5-1. С. 316-324

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests

Received date: 02.11.2022

Revised date: 15.11.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 330.01
DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_06



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПОНЯТИЕ ФЕНОМЕНА И ПРОЦЕСС ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

© Автор(ы) 2022

ЛЕБЕДИНСКАЯ Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики и управления
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, Yuliya.Lebedinskaya@vvsu.ru

SPIN: 9717-8530
AuthorID: 764379
ResearcherID: H-7665-2018
ORCID: 0000-0002-7573-1372
ScopusID: 57209417099

НИГАЙ Евгения Антоновна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, Evgeniya.Nigay@vvsu.ru

SPIN: 9372-0442
AuthorID: 612808
ResearcherID: ABQ-2522-2022
ORCID: 0000-0003-0858-5835
ScopusID: 57213829625

Аннотация. Бюджетные учреждения разных сфер деятельности перешли на эффективный контракт, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597. [1] Основная цель эффективного контракта - повышение заработной платы сотрудников бюджетных организаций, при помощи результативных показателей качества и количества оказываемых услуг. Большая часть руководителей бюджетных учреждений обладают когнитивными знаниями в области перехода на эффективный контракт. Исходя из выше сказанного авторы научной статьи видят проблему теоретического характера, основанного на нехватки определенных знаний в данной области и предлагают разработать уточненное авторское определение «эффективный контракт», схему процесса эффективного контракта и алгоритм выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта в бюджетных учреждениях. Авторские разработки помогут решить рассматриваемую проблему, что скажется на корректных показателях системы оплаты труда в эффективном контракте государственных учреждений, которые носят прикладной практический результат в деятельности бюджетных учреждений, а также внесут научный вклад в области теоретических знаний, используемых для изучения экономических и управленческих дисциплин в образовательных учреждениях и дальнейших научных разработок научными деятелями в данном направлении.

Ключевые слова: эффективный контракт, бюджетные учреждения, система оплаты труда, определение, показатели, алгоритм, процесс, феномен, понятие, реализация.

EFFICIENT CONTRACT IN STATE INSTITUTIONS: THE CONCEPT OF THE PHENOMENON AND THE PROCESS OF ITS IMPLEMENTATION

© The Author(s) 2022

LEBEDINSKAYA Yuliya Sergeevna, candidate of economic sciences, associate professor
of Department of Economics and Management
Vladivostok State University
690014, Russia, Vladivostok, Yuliya.Lebedinskaya@vvsu.ru

NIGAY Evgeniya Antonovna, candidate of economic sciences, associate professor
of Department of Economics and Management
Vladivostok State University
690014, Russia, Vladivostok, Evgeniya.Nigay@vvsu.ru

Abstract. Budgetary institutions of various fields of activity switched to an effective contract, in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012 No. 597. [1] The main goal of effective contact is to increase the wages of employees of budgetary organizations, using effective indicators of the quality and quantity of services provided. Most of the heads of budgetary institutions have cognitive knowledge in the field of transition to an effective contract. Based on the foregoing, the authors of the scientific article see a problem of a theoretical nature based on the lack of certain knowledge in this area and propose to develop a refined author's definition of "effective contact", a scheme for the process of an effective contract and an algorithm for choosing indicators of the efficiency of remuneration of an effective contract in budgetary institutions. Author's developments will help to solve the problem under consideration, which will affect the correct indicators of the remuneration system in an effective contract of state institutions, which have an applied practical result in the activities of budgetary institutions, and will also make a scientific contribution to the field of theoretical knowledge used to study economic and managerial disciplines in educational institutions. institutions and further scientific developments by scientists in this direction.

Keywords: effective contract, budgetary institutions, remuneration system, definition, indicators, algorithm, process, phenomenon, concept, implementation.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами

Бюджетные учреждения разных сфер деятельности перешли на эффективный контракт, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597. [1] Основная цель эффективного контракта - повышение заработной платы сотрудников бюджетных организаций, при помощи результативных показателей качества и количества

оказываемых услуг. Большая часть руководителей бюджетных учреждений обладают когнитивными знаниями в области перехода на эффективный контракт. Исходя из выше сказанного авторы научной статьи видят проблему теоретического характера, основанного на нехватки определенных знаний в данной области.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразре-

шенные раньше частей общей проблемы

В настоящее время к изучению понятия эффективный контракт посвящены научные исследования следующих авторов: Саликовой Н.М. [2], Диденко А.В. [3], Черновой В.В. [4], Чирцевой В.В. [5], Дозорцевой О.Е. [6], Фирсовой С.А., Певухиной С.А. [7], Белавиной Ю.Г. [8], Никулиной И.Е. [9], Кузнецовой А.А., Никишиной В.Б. [10], Роговой К.А. [11].

Обосновывается актуальность исследования

В настоящее время рассматриваемая тема актуальна для бюджетных учреждений, которые закрепляют трудовые отношения с сотрудниками. Главной целью эффективного контракта является взаимосвязь между заработной платой и эффективными результатами работы сотрудников. Исходя из выше сказанного бюджетным учреждениям необходимо разрабатывать критерии к результатам деятельности сотрудников, которые основываются на государственных требованиях к деятельности этих учреждений, регламентируемые законодательством. Для разработки корректных критериев, влияющих на систему оплаты труда руководителям учреждений необходимы знания о сущности феномена и процесса реализации эффективного контракта.

МЕТОДОЛОГИЯ (МЕТОДЫ)

Формирование целей статьи

Цель научной статьи – уточнить определение понятия «эффективный контракт» и разработать модели процесса реализации эффективного контракта в государственных учреждениях.

Используемые методы, методики и технологии

Авторы для написания научной статьи воспользовались методом исследования контент-анализом, который показал, что на сегодняшний день такие научные деятели как: Кузьминова Я. [12], Бесс Дж. Л. [13], Боровская М.А., Масыч М.А., Шевченко И.К. [14], Долгий В.И. [15], Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. [16], Лоурел Э. [17] в своих работах дали определение понятию «эффективный контракт», также данное понятие представлено в распоряжении Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р. [18]

Также в работе применён категориальный метод двухуровневой триадической дешифровки исследуемого понятия. Алгоритм данного метода заключается в том, что на 1 этапе дешифровки исследуемый феномен раскрывается тремя понятиями, которые характеризуют полную его функциональную составляющую.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов

Для уточнения определения понятия «эффективный контракт» авторы научной статьи выделяют три фундаментальных характеристики данного понятия, исходя из существующих определений в настоящее время, выявленных посредством проведённого контент-анализа.

Авторы выделяют три фундаментальных характеристики данного понятия используя категориальный метод двухуровневой триадической дешифровки:

- законодательная база;
- субъекты эффективного контракта;
- система оплаты труда.

Рассмотрим подробно данные характеристики.

1) Законодательная база. Реализация всей деятельности в отношении эффективного контракта осуществляется на основании законодательной базы РФ. Невыполнение каких-либо требований законодательства влечет за собой различные формы ответственности: трудовую и административную.

2) Субъекты эффективного контракта. В процессе трудовых отношений главную роль играют субъекты данных отношений.

3) Система оплаты труда. Она является важным элементом в эффективном контракте, которая должна разрабатываться с учетом таких принципов, как объективность (размер выплат должен определяться на основе объективной оценки результатов его труда); предска-

зуемость (работник должен знать какое вознаграждение получит за свою результативную деятельность); адекватность (вознаграждение должно адекватно соответствовать трудовому вкладу каждого сотрудника); своевременность (вознаграждение должно следовать за полученными результатами); прозрачность (правила определения вознаграждения должны быть понятны каждому работнику).

После проведения авторской дешифровки первого уровня, перейдем непосредственно к дешифровке второго уровня, используя также категориальный метод двухуровневой триадической дешифровки.

Понятие «законодательная база» может быть дешифровано следующими понятиями: Правительство РФ, Минтруд РФ, Трудовой кодекс РФ. Правительство РФ издало распоряжение в виде программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных учреждениях. Минтруд РФ осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере демографии, труда, уровня жизни и оплаты труда. Трудовой кодекс РФ регулирует все отношения, которые возникают в процессе трудовой деятельности между ее участниками.

Понятие «субъекты эффективного контракта» может быть дешифровано следующими понятиями: государственное учреждение, персонал учреждения, служба управления персоналом. Государственное учреждение является работодателем для работников организации. Служба управления персоналом является связующим звеном и помогают руководителям всех уровней решать вопросы, которые связаны с наймом, перемещением, увольнением, обучением, социальным обеспечением персонала. К персоналу учреждения относятся сотрудники, которые являются основной рабочей силой организации.

Понятие «система оплаты труда» может быть дешифровано следующими понятиями: трудовой договор, критерии эффективности оплаты труда, показатели эффективности оплаты труда. Трудовой договор – это соглашение между работником и работодателем, которое устанавливает взаимные права и обязанности. Критерии эффективности оплаты труда – это признаки, на основании которых может быть сделан вывод о результатах сотрудника или структурного подразделения. В практической деятельности чаще всего будут использоваться не сами критерии, а созданная на их основе определенная система показателей. Показателем эффективности оплаты труда является количественная или качественная характеристика свойств объекта или процесса, которая позволяет выполнить проверку его состояния или провести сравнение плановых и фактических результатов.

На основе категориального метода двухуровневой триадической дешифровки авторами разработана модель определения понятия «эффективный контракт», представленная на рисунке 1. [19,20]

Авторская модель позволяет сформулировать следующее определение: эффективный контракт – это отношения, возникающие между государственным учреждением и его персоналом, которые официально оформляются службой управления персоналом и регламентируются законодательной базой Российской Федерации, а именно Правительством РФ, Минтрудом РФ, Трудовым Кодексом РФ, ориентированные на новую систему оплаты труда, позволяющую в трудовом договоре отразить показатели и критерии эффективности оплаты труда.

Разработанное определение отражает новые характеристики, которые не представлены в определениях других авторов, но точно отражающие понятие «эффективный контракт», такие как: законодательная база, субъекты эффективного контракта, система оплаты труда. Используемый метод в постановки определения позволяет выделить точные его характеристики, которые играют определенную роль в эффективном контракте.

Уточнённое авторское определение понятия «эффек-

тивный контракт» обладает точными характеристиками, которые позволяют понять сущность феномена и позволяют бюджетным учреждениям разрабатывать корректный эффективный контракт для сотрудников.

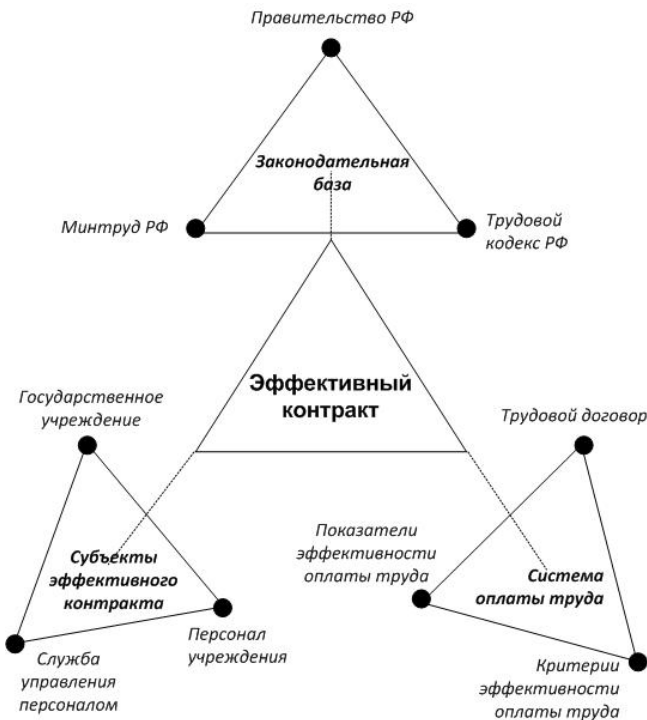


Рисунок 1 - Модель определения понятия «эффективный контракт»

Основная цель эффективного контракта заключается в создании новой системы оплаты труда, которая будет основываться на результатах работы бюджетной организации. Создание новой системы оплаты труда является повышение таких показателей, как производительность труда в бюджетной сфере, заработной платы. Также все эти изменения помогут привлечь в бюджетную и муниципальную сферу высококвалифицированных специалистов. Система оплаты труда работников учреждения должна основываться на следующих принципах: не допускается снижение размеров выплат или ухудшение условий труда работника; необходимость создания зависимости заработной платы каждого работника от его квалификации, сложности всей выполняемой работы, количества и качества затраченного труда; обеспечение равной оплаты труда равной ценности; обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы работников государственных и муниципальных учреждений. На уровне государственного учреждения нормативными локальными актами должны быть утверждены следующие моменты с учетом мнений представительных органов в учреждении: создание системы нормирования труда в организации; любые изменения в положение об оплате труда (установления окладов, показателей и критериев оценки деятельности труда); дополнительные соглашения к трудовым договорам для уточнения показателей, критериев и условий труда работников; процедура дифференциации оплаты труда сотрудников различной квалификации, сложности труда работников. Также возникает необходимость создания единой системы требований к работникам, которая в свою очередь основывается на требованиях к деятельности учреждения, которые предусмотрены государственным заданием. До того, как внедрить «эффективный контракт», необходимо подготовить: положение о рабочей комиссии по введению эффективного контракта, создать локальный акт об установлении норм труда. Также внести изменения в правила внутреннего

распорядка, положение об оплате труда, должностные инструкции. Изменение условий труда работодатель должен направить работнику письменное уведомление не позднее чем за два месяца и если сотрудник согласен, то заключить с ним соответствующее дополнительное соглашение к трудовому договору. Если сотрудник не согласен работать в новых условиях труда, то работодатель должен предложить ему другую имеющуюся в учреждении работу.

Для того, чтобы разработать результативные показатели эффективности труда, необходимо создать определенную схему процесса, позволяющую выстроить определенную цепочку последовательности. На основе разработанной авторами модели определения понятия «эффективный контракт», разработана схема процесса эффективного контракта, который представлен на рисунке 2.

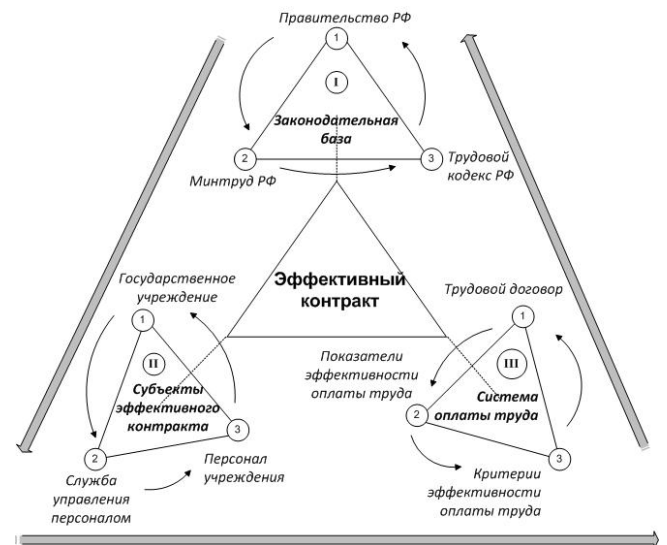


Рисунок 2 - Схема процесса эффективного контракта

Первым этапом процесса эффективного контракта будет изучение законодательной базы, а именно Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2190-р от 26.11.2012 г. [18], которое предлагает государственным бюджетным учреждениям программу поэтапного совершенствования оплаты труда или, иными словами, «дорожную» карту, в которой определены ключевые показатели достижения за определенный период. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации и Трудовой кодекс РФ контролируют трудовые отношения работодателя и работника, чтобы не было нарушений.

Вторым этапом процесса эффективного контракта будет определение субъектов эффективного контракта. В лице работодателя выступает в данном процессе государственное учреждение, которое заключает трудовые отношения с персоналом учреждения. Служба управления персоналом оформляет эффективный контракт. [21,22,23,24]

Третьим и заключительным этапом в процессе эффективного контракта является создание абсолютно новой системы оплаты труда. Должен разрабатываться трудовой договор, в котором конкретизированы показатели и критерии эффективности оплаты труда от которых будет зависеть, как и заработная плата работника, так и достижение стратегических целей государственно-го учреждения. [25,26,27,28,29].

В работе предложена блок-схема алгоритма выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта, представленная на рис. 3.

Блок-схема показывает, что процесс разработки по-

казателей эффективности трудовой деятельности персонала должен разрабатываться таким образом, чтобы были определены наиболее результативные показатели эффективности трудовой деятельности сотрудников с максимальным использованием потенциала и компетенций. Также учреждению необходимо наладить обратную связь с персоналом учреждения в процессе выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта.

Данная блок-схема показывает логически выверенную процедуру выбора показателей эффективности оплаты труда работников учреждения эффективного контракта. Каждый элемент в блок-схеме представляет собой законченную последовательность процедур, встроенных в общую систему процесса эффективного контракта.



Рисунок 3 - Блок-схема алгоритма выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях

Обзор исследований, посвященных понятию определений «эффективный контракт» позволил выявить, что недостаточно малое количество исследований посвящено данному научному направлению. Поэтому разработанные авторские результаты являются востребованными не только в научной среде, но и в практической деятельности государственных учреждений. Поведенный контент-анализ в данном исследовании позволил разработать модель определения понятия «эффективный контракт» и схему процесса эффективного контракта, основанные на категориальном методе двухуровневой триадической дешифровки рассматриваемого феномена. А также разработать блок-схему алгоритма выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта для государственных учреждений, основанную на обратной связи с персоналом бюджетных учреждений.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования

Авторы научной статьи решили на их взгляд проблему когнитивности знаний руководителей бюджетных учреждений о эффективном контракте. Разработали уточненное авторское определение понятия «эффективный контракт», схему процесса эффективного контракта и алгоритм выбора показателей эффективности оплаты труда эффективного контракта в бюджетных учреждениях. Авторские решения помогут осуществить корректный процесс разработки эффективного контракта в государственных учреждениях.

В целом система управления в государственных учреждениях обеспечивает выполнение стратегических целей на основе показателей эффективности труда, направленная на развитие управления трудовыми ресурсами. Внедрение эффективного контракта в бюджетные учреждения способствует повышению результативности деятельности их и к достижению определенных стратегических целей, а также к привлечению квалифицированных специалистов, которые повышают качество оказываемых услуг государственными учреждениями.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении

В дальнейших исследованиях авторы предлагают рассмотреть процесс применения эффективного контракта, его преимущества и недостатки, а также его влияние на оплату труда в образовательных и медицинских учреждениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/docs/president/ukaz/37>
2. Саликова Н.М. «Эффективный контракт»: проблемы внедрения и практика применения // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 25. – №1. – С. 99–104.
3. Диденко А.В. Специфика перехода управления персоналом в условиях перехода на эффективный контракт // Оригинальные исследования. – 2020. – Т. 10. – №4. – С. 82–91.
4. Чернова В.В. Эффективный контракт на государственной службе // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – №14 (32). – С. 222–224.
5. Чирцева В.В. Государственный контракт как эффективный способ обеспечения государственных нужд // Закон. Право. Государство. – 2018. – №1 (17). – С. 62–65.
6. Дозорцев О.Е. «Эффективный контракт в государственных и муниципальных учреждениях нужд // Охрана и экономика труда. – 2018. – №1 (30). – С. 15–20.
7. Фирсова С.А., Первухина Н.А. Эффективный контракт: преимущества и недостатки // Аллея науки. – 2018. – Т. 7. – №6 (22). – С. 770–776.
8. Белашина Ю.Г. Методические аспекты перехода на эффективный контракт // История и перспективы развития транспорта на севере России. – 2018. – №1. – С. 101–103.
9. Никулина И.Е. Эффективный контракт в вузе как драйвер повышения качества труда научно-педагогических работников. – 2018. – Т. 27. – №5. – С. 9–19.
10. Кузнецова А.А., Никишина В.Б. Эффективный контракт как технология управления результативностью профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза // Иннов: электронный научный журнал. – 2018. – №4 (37). – С. 4.
11. Рогова К.А. Вопросы качества образования: эффективный контракт // Молодежь и наука. – 2018. – №4. – С. 110.
12. Кузьминов Я. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Издательство дом Высшей школы экономики. – 2013. – №5. – С. 17–23.
13. Бесс Дж. Л. Контракты, бюрократия и мотивация преподавателей: возможные эффекты отсутствия постоянного найма // Издательство дом Высшей школы экономики. – 2013. – №6. – С. 5–9.
14. Боровская М.А., Масыч М.А., Шевченко И.К. Эффективный контракт в системе стимулирования научно-педагогических работников // Высшее образование в России. – 2013. – №5. – С. 14–17.
15. Долгий В.И. Оплата труда на основе эффективного контракта: перспективы и проблемы // Инновационные технологии управления предприятиями наукоемких отраслей: теория, методология, практика. – 2015. – №11. – С. 46–50.
16. Фуруботн Э. Г., Рихтер П. Институты и экономическая теория // Издательский дом Санкт-Петербурга. – 2016. – №7. – С. 57–67.
17. Lawler E.E. From job-based to competency-based organizations // Journal of Organizational Behavior. – 2015. – April 21. – PP. 13–18.
18. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р «О программе поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 - 2018 гг. (с изменениями и дополнениями)» – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70269234/>
19. Лебединская Ю.С. Региональный туристский кластер: понятие и специфические черты // Научное обозрение. – 2015. – № 12. – С. 360–364.
20. Лебединская Ю.С., Шушакова А.А. Банковский кластер: понятие и специфические черты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2016. – № 3 (26). С. 59–63.
21. Seoyoung, L.R. The effects of Korean Medical Service Quality and Satisfaction on Revisit Intention of the United Arab Emirates Government Sponsored Patients / L.R.Seoyoung, K. Eun-Kyung // Asian Nursing Research. – 2017. – Vol. 11 (2). – P. 142–149.
22. Vanbrabant, L. Simulation of emergency department operations: A comprehensive review of KPIs and operational improvements / L. Vanbrabant, K. Braekers, K. Ramaekers I.V. Nieuwenhuysse // Computers & Industrial Engineering. – 2019. – Vol. 131. – P. 356–381.

23. Wang C.-Sh. *An integrated data analytics process to optimize data governance of non-profit organization* / C.-Sh. Wang et al. // *Computers in Human Behavior*. — 2019. — Vol. 101. — P. 495-505.
24. Zhu, T. *A hybrid multi-criteria decision-making model for elective admission control in a Chinese public hospital* / T. Zhu, L. Luo, H. Liao et al. // *Knowledge-Based Systems*. — 2019. — Vol. 173. — P. 37-51.
25. Roldán-García M. *Ontology-driven approach for KPI meta-modelling, selection and reasoning* / M. Roldán-García, J. García-Nieto, A. Maté et al. // *Int. J. Inf. Manage.* — 2019. — P. 102018.
26. Pishnamazzadeh, M. *An assessment model for hospital resilience according to the simultaneous consideration of key performance indicators: a system dynamics Approach* / M. Pishnamazzadeh, M.M. Sepehri, B. Ostadi // *Perioper. Care Oper. Room Manag.* — 2020. — Vol. 20. — P. 100118.
27. Rahman, H. *A grey approach to predicting healthcare performance*
28. H. Rahman, T.J. Tumpa, S.M. Ali, S.K. Paul // *Measurement*. — 2019. — Vol. 134. — P. 307-325.
29. Manoj, K.K. *Improved monitoring of human embryo culture conditions using a deep learning-derived key performance indicator (KPI)* / K.K. Manoj, P. Thirumalaraju, R. Gupta et al. // *Fertil. Steril.* — 2019. — Vol. 112 (3). — P. e70-e71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

The authors declare no conflicts of interests

Received date: 02.09.2022

Revised date: 23.09.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 332.142.2, 336.152

DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_07



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ

© Автор(ы) 2022

МОХНАТКИНА Лейла Булатовна, кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов
Оренбургский государственный университет
460018, Россия, Оренбург, leilamohn@mail.ru

SPIN: 7847-2753

AuthorID: 388814 336.152

ResearcherID: Y-6464-2019

ORCID: 0000-0001-5396-9438

ScopusID: 57221816626

Аннотация. *Цель:* оценить степень регионального неравенства по показателям программно-целевого финансирования расходов федерального бюджета в субъектах РФ. *Методология:* определено понятие прямых программных расходов федерального бюджета на реализацию государственных программ и национальных проектов в субъектах РФ; рассчитаны удельные показатели финансирования программных расходов федерального бюджета, применен метод группировки и проведено ранжирование субъектов РФ. *Результаты:* выявлено значительное неравенство субъектов РФ по исполнению программных расходов федерального бюджета: удельный вес регионов варьирует от 0,09% (Ненецкий АО) до 21,2% (г. Москва); в расчете на душу населения максимальное значение превышает минимальное в 36 раз. Доказано отсутствие связи между удельными объемами программных расходов и целевыми показателями государственной программы, что противоречит самой сути программно-целевого финансирования. *Научная новизна:* реализован авторский подход к оценке степени регионального неравенства, дополняющий механизм межтерриториального перераспределения в части учета прямых программных расходов в регионах; оценена связь между объемами программно-целевого финансирования расходов федерального бюджета и достигаемыми показателями в субъектах РФ (на примере реализации жилищной политики); сформулированы выводы и предложения относительно повышения эффективности реализации государственных программ в субъектах РФ на основе учета региональной специфики. *Практическая значимость:* выводы и предложения, представленные в статье, могут быть использованы органами власти при выработке решений в части совершенствования механизмов межтерриториального перераспределения на основе учета региональных различий при реализации национальных проектов и государственных программ.

Ключевые слова: программно-целевое финансирование, государственная программа, межтерриториальное перераспределение, федеральный бюджет, субъект РФ, регион, прямые программные расходы, федеративные отношения.

ASSESSMENT OF REGIONAL INEQUALITY BY INDICATORS OF PROGRAM-TARGETS FINANCING OF PUBLIC EXPENDITURES

© The Author(s) 2022

MOKHNATKINA Leyla Bulatovna, candidate of economic Sciences,
associate Professor of Finance
Orenburg State University
460018, Russia, Orenburg, leilamohn@mail.ru

Abstract. *Objective:* assess the degree of regional inequality in terms of program-targeted financing of federal budget expenditures in the constituent entities of the Russian Federation. *Methodology:* the concept of direct program expenditures of the federal budget for the implementation of state programs and national projects in the constituent entities of the Russian Federation is defined; the specific indicators of financing program expenditures of the federal budget were calculated, the grouping method was applied, and the ranking of the constituent entities of the Russian Federation was carried out. *Results:* a significant inequality of the RF subjects in the implementation of the federal budget program expenditures was revealed: the share of regions varies from 0.09% (Nenets Autonomous Okrug) to 21.2% (Moscow); per capita, the maximum value exceeds the minimum by 36 times. It has been proved that there is no connection between the specific volumes of program expenditures and the target indicators of the state program, which contradicts the very essence of program-targeted financing. *Scientific novelty:* the author's approach to assessing the degree of regional inequality has been implemented, which complements the mechanism of inter-territorial redistribution in terms of accounting for direct program costs in the regions; the relationship between the volume of program-targeted financing of federal budget expenditures and the indicators achieved in the constituent entities of the Russian Federation was assessed (on the example of the implementation of housing policy); conclusions and proposals are formulated for improving the efficiency of the implementation of state programs in the subjects of the Russian Federation on the basis of taking into account regional specifics. *Practical significance:* the conclusions and proposals presented in the article can be used by the authorities in making decisions regarding the improvement of the mechanisms of inter-territorial redistribution based on the consideration of regional differences in the implementation of national projects and government programs.

Keywords: target-oriented financing, state program, inter-territorial redistribution, federal budget, constituent entity of the Russian Federation, region, direct program expenditures, federal relations.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Оценка регионального неравенства является необходимым элементом эффективной системы федеративных отношений. При этом встают вопросы разграничения и исполнения расходных обязательств публично-правовых образований, в том числе – на основе программно-целевого финансирования расходов бюджетов. В Российской Федерации исполнение национальных проектов и госу-

дарственных программ по субъектам РФ осуществляется неравномерно в силу объективных социально-экономических факторов. В то же время конечным результатом реализации проектов и программ является качество и доступность государственных и муниципальных услуг, предоставляемых всем гражданам страны. В этой связи представляется актуальным и обоснованным выравнивание условий программно-целевого финансирования в регионах.

Анализ последних исследований и публикаций, в ко-

торых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранней частью общей проблемы. Измерению регионального неравенства посвящены множество научных трудов отечественных и зарубежных авторов. Как правило, дифференциация оценивается на основе анализа основных социально-экономических показателей, а также с учетом ресурсной (в т.ч. – бюджетной, доходной) обеспеченности регионов за счет межбюджетных трансфертов и налоговых доходов [1-8]. Авторы применяют различные индексы и модели для измерения межрегионального неравенства [5, 9-12]. В отдельных иностранных публикациях встречается обсуждение вопросов территориального равенства при финансировании социальных и экономических проектов и программ [13-15], а также влияние федеральной политики на региональные диспропорции [16].

Что касается программно-целевого финансирования, то здесь отечественными авторами рассматриваются преимущественно отраслевые аспекты и общие проблемы эффективности реализации национальных проектов и государственных программ [17-21]. Региональная специфика анализируется на примере реализации проектов и программ в отдельно взятых субъектах РФ [18]. В отдельных публикациях финансовое обеспечение и результаты реализации национальных проектов и государственных программ рассматриваются во взаимосвязи с механизмами межбюджетного выравнивания [22-24]. В публикациях зарубежных авторов представляется интересным исследование соотношения неравенства и эффективности при финансировании государственных расходов [25, 26], а также рассмотрение вопросов управления и межрегионального сотрудничества [27-30] при реализации проектов и программ.

Таким образом, в литературе не встречаются примеры межрегиональных сравнений и оценки уровня регионального неравенства в части эффективности применения программно-целевых инструментов в территориальном аспекте. Желание восполнить этот пробел и побудило автора к написанию данной статьи, которая является частью более масштабного исследования вопросов межтерриториального перераспределения, представленных, в частности, в ранее опубликованной статье [31].

Обосновывается актуальность исследования. Программно-целевое финансирование государственных расходов должно быть нацелено на повышение качества и доступности государственных и муниципальных услуг в равной степени во всех субъектах РФ. Это определяет необходимость оценки регионального неравенства в системе оценки эффективности реализации национальных проектов и государственных программ в регионах. По нашему мнению, данный аспект измерения региональной дифференциации в России является малоизученным, вследствие чего не применяется в деятельности органов власти всех уровней. Кроме того, средства федерального бюджета, направляемые на финансирование государственных программ и национальных проектов, напрямую расходуются в регионах минуя бюджеты субъектов РФ; в совокупности с межбюджетными трансфертами бюджетам субъектов РФ эти федеральные средства дополняют систему финансовой поддержки территорий, оказывая влияние на потребление и экономический рост в регионах.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи. Цель исследования – оценить неравенство субъектов РФ по показателям программно-целевого финансирования расходов федерального бюджета. Задачи исследования: рассчитать удельные показатели исполнения прямых программных расходов федерального бюджета и провести ранжирование регионов; оценить степень регионального неравенства во взаимосвязи с оценкой эффективности реализации государственных программ в регионах; сформулировать выводы и предложения относительно повышения

эффективности программно-целевого финансирования расходов федерального бюджета на основе учета региональной специфики.

Используемые методы, методики и технологии.

В качестве объекта исследования мы вводим понятие «прямые программные расходы» – это расходы федерального бюджета на финансирование государственных программ в субъектах РФ. Анализ этих расходов позволяет расширить подходы к оценкам межтерриториального перераспределения федеральных ресурсов, которые в настоящее время традиционно ограничиваются анализом межбюджетных трансфертов бюджетам субъектов РФ. В исследовании применен метод группировки и ранжирования субъектов РФ, рассчитаны коэффициенты вариации по каждой группе; для обеспечения корректности межрегиональных сравнений рассчитаны показатели: удельный вес субъекта РФ в общем объеме финансирования государственной программы, %; программные расходы федерального бюджета в субъекте РФ в расчете на душу населения с использованием данных Росстата о численности населения субъектов РФ, руб./чел. На примере государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» оценена корреляционная связь между удельными объемами финансирования и целевыми показателями государственной программы в субъектах РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Прямые программные расходы федерального бюджета составляют в настоящее время около 80% всех расходов федерального бюджета [32]. По последним официальным данным [33] расходы федерального бюджета на реализацию государственных программ в субъектах РФ составили в 2019 году сумму 5277,7 млн. рублей (37% от общего объема программных расходов). На рисунке 1 представлена обобщенная информация о распределении этих средств по федеральным округам в расчете на душу населения с ранжированием округов по удельному весу в общей сумме программных расходов федерального бюджета.

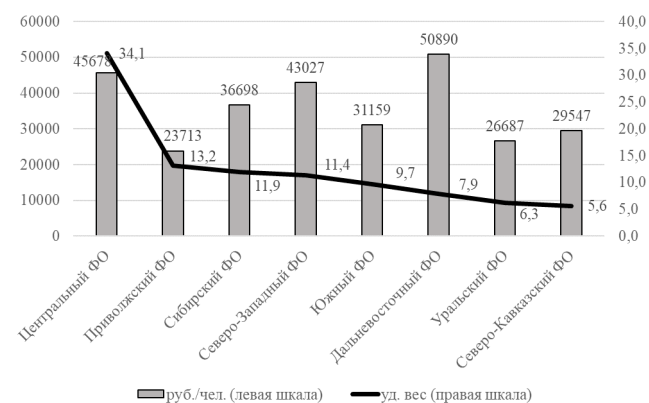


Рисунок 1 – Распределение программных расходов федерального бюджета по федеральным округам в 2019 году (составлено автором по данным ГАИС «Управление» [33])

Наибольший объем программных расходов федерального бюджета приходится на Центральный ФО (34,1%, в т.ч. на г. Москву – 21,2%); на втором месте – Приволжский ФО (13,2%); наименьшую долю имеет Северо-Кавказский ФО (5,6%). Между анализируемыми показателями по субъектам РФ корреляционная связь не наблюдается (коэффициент корреляции составляет 0,054). По нашему мнению, это объясняется разной плотностью населения территорий, различиями в стоимости государственных услуг в регионах, а также –

различиями в приоритетах расходования бюджетных средств (тематикой государственных программ).

Одновременно отмечается неравномерность распределения программных расходов по субъектам РФ. В среднем по Российской Федерации в расчете на душу населения программные расходы составляют 35964 руб./чел.

Наибольшее превышение над средней величиной (на 14926 руб./чел. или на 42%) имеет Дальневосточный ФО; ниже всех относительно среднероссийского уровня находится показатель Приволжского ФО – на 12251 руб./чел. или на 34%; коэффициент вариации составляет 27%.

Более глубокую дифференциацию показывают данные по субъектам РФ. Так, по показателю программных расходов в расчете на душу населения выше среднероссийского уровня находятся 37 субъектов РФ из 85; соответственно ниже средней – 48. Имеет место значительный разрыв между максимальным (Чукотский АО, 586180 руб./чел.) и минимальным (Ленинградская обл., 16264 руб./чел.) значениями показателей – в 36 раз. Коэффициент вариации составляет 141%. В таблице 1 представлено ранжирование регионов по удельному весу в общем объеме программных расходов федерального бюджета в 2019 году.

Таблица 1 – Ранжирование субъектов РФ по удельному весу в общем объеме прямых программных расходов федерального бюджета в 2019 году*

Интервал показателя (в % к итогу)	Субъекты РФ		Вариация расходов (руб./чел.), %
	Наименование	Количество	
21,2	г. Москва	1	-
3,7	г. Санкт-Петербург	1	-
3,3	Московская область	1	-
2,0-2,9%	Краснодарский край, Свердловская обл., Р-ка Крым, Красноярский край, Хабаровский край	5	49,18
1,0-1,9%	Ростовская обл., Иркутская обл., Р-ка Татарстан, Калининградская обл., Новосибирская обл., Нижегородская обл., Р-ка Башкортостан, Челябинская обл., Ставропольский край, Приморский край, Пермский край, Р-ка Саха (Якутия), Чеченская Р-ка, Мурманская обл., Самарская обл., Кемеровская обл., Алтайский край, Вологодская обл., Забайкальский край, Воронежская обл., Пензенская обл., Волгоградская обл., Р-ка Дагестан	23	55,63
0,6-0,9%	Саратовская обл., Архангельская обл., Омская обл., Р-ка Бурятия, Тамбовская обл., Оренбургская обл., Р-ка Карелия, Калужская обл., Сахалинская обл., г. Севастополь, Амурская обл., Брянская обл., Белгородская обл., Ханты-Мансийский АО-Югра, Орловская обл., Владимирская обл., Кировская обл., Камчатский край, Тюменская обл., Р-ка Северная Осетия-Алания, Тверская обл., Удмуртская Р-ка, Ленинградская обл., Р-ка Коми, Рязанская обл., Томская обл., Тульская обл., Чукотский АО	28	185,35

0,1-0,5%	Ярославская обл., Курская обл., Новгородская обл., Ульяновская обл., Липецкая обл., Чувашская Р-ка, Смоленская обл., Кабардино-Балкарская Р-ка, Ямало-Ненецкий АО, Курганская обл., Р-ка Мордовия, Астраханская обл., Псковская обл., Ивановская обл., Костромская обл., Р-ка Ингушетия, Карачаево-Черкесская Р-ка, Р-ка Тыва, Р-ка Хакасия, Р-ка Марий Эл, Магаданская обл., Р-ка Адыгея, Р-ка Алтай, Р-ка Калмыкия, Еврейская АО, Ненецкий АО	26	59,99
	Всего субъектов РФ	85	141,15

*составлено автором по данным ГАИС «Управление» [33]

Преобладающий объем средств федерального бюджета на реализацию государственных программ (21,2%) расходуется на территории г. Москвы. Еще 7 регионов выделяются из выборки с удельным весом 2-4%. На долю 26 субъектов РФ приходится от 0,1 до 0,5% от общего объема программных расходов федерального бюджета; 28 субъектов РФ имеют удельный вес в пределах 0,6-0,9%; 23 субъекта РФ – 1-1,9%. Внутри каждой группы отмечаются также значительные различия регионов по объему программных расходов на душу населения, о чем свидетельствуют соответствующие коэффициенты вариации.

Неравномерность программно-целевого финансирования в регионах обнаруживается и при анализе отдельных направлений расходования средств. Для примера мы рассмотрели программно-целевое финансирование жилищной политики в регионах при помощи госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», которая реализуется в рамках национального проекта «Жильё и городская среда» и направлена на достижение соответствующих целей и целевых показателей в субъектах РФ.

Общий объем финансирования госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в 2019 году составил 195093 млн. руб., в том числе по субъектам РФ распределены 145539 млн. руб. (75% от общего объема финансирования). На рисунке 2 приведены данные об исполнении госпрограммы в субъектах РФ в 2019 году.

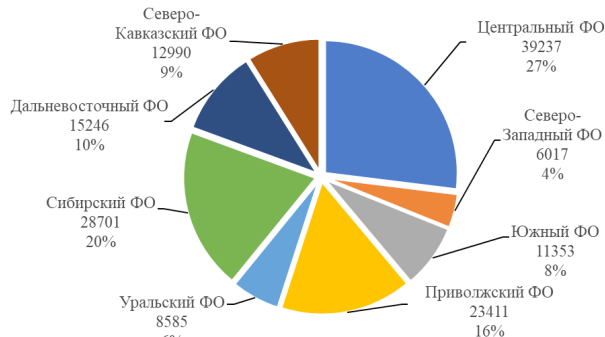


Рисунок 2 – Исполнение государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в субъектах РФ в 2019 году (составлено автором по данным ГАИС «Управление» [33])

Наибольший удельный вес в объеме финансирования госпрограммы приходится на Центральный ФО – 20,1%;

на втором месте – Сибирский ФО (14,7%) и Приволжский ФО (12%); 7-10% приходится на Дальневосточный ФО, Северо-Кавказский ФО и Южный ФО; наименьший объем финансирования программы отмечается по Северо-Западному ФО (4%) и по Уральскому ФО (6%).

В разрезе субъектов РФ наибольший удельный вес в общем объеме финансирования госпрограммы приходится на г. Москву (8,8%) и Иркутскую обл. (8,2%); значительно выделяется из всех регионов Чукотский АО (4,1%); 82 субъекта РФ имеют значительно меньший удельный вес: 2 региона (Московская обл., Чеченская Р-ка) – 2,1-3%; 16 регионов (18,8% от общего количества) – 1,1-2%; 25 регионов (29,4%) – 0,5-1%; 31 регион (36,5%) – 0,2-0,4%; 8 регионов (9,4%) – до 0,1%. Существует значительный разрыв между максимальным (8,82%, г. Москва) и минимальным (0,01%, Ямало-Ненецкий АО) значениями удельного веса регионов в объеме финансирования госпрограммы.

Ранжирование субъектов РФ дало следующие результаты: наибольший подушевой объем финансирования отмечается по Чукотскому АО – 161474 руб./чел.; значительно лидируют по данному показателю Ненецкий АО (6896 руб./чел.), Иркутская обл. (6670 руб./чел.), Камчатский край (6620 руб./чел.), Карачаево-Черкесская Р-ка (6014 руб./чел.), Р-ка Адыгея (3329 руб./чел.), Чеченская Р-ка (2912 руб./чел.) и Р-ка Ингушетия (2395 руб./чел.); 77 субъекта РФ имеют значительно меньший подушевой объем финансирования госпрограммы: 16 регионов – 1001-2000 руб./чел.; 22 – 701-1000 руб./чел.; 20 – 501-700 руб./чел.; 17 – 200-500 руб./чел.; 2 – до 100 руб./чел. Минимальное значение показателя отмечено для Ямало-Ненецкого АО (45 руб./чел.), что несопоставимо с максимальным значением (для Чукотского АО). В среднем по России подушевой объем финансирования госпрограммы составляет 1329 руб./чел. Выше среднего находятся 12 субъектов РФ; соответственно ниже среднего – 73 региона. Таким образом мы выявили значительное неравенство регионов по показателями финансирования рассматриваемой госпрограммы в 2019 году.

Одним из важнейших показателей, по которому оценивается реализация госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» в субъектах РФ, является индекс качества городской среды [34]. Сопоставление этого показателя с подушевым финансированием госпрограммы в регионах выявило отсутствие связи между этими показателями – коэффициент корреляции составил $-0,016$, т.е. с увеличением объемов финансирования госпрограммы в расчете на душу населения, к сожалению, не наблюдается соответствующего повышения качества условий проживания населения в городах.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях. Проведённое исследование доказывает тот факт, что программные расходы федерального бюджета распределяются по регионам крайне неравномерно. Сама по себе неравномерность финансирования государственных программ в регионах ожидаема и гипотетически объясняется вышеописанными факторами. С другой стороны, бесспорным аргументом в пользу выравнивания удельных программных расходов в регионах является необходимость обеспечения равной доступности и одинаково высокого качества государственных и муниципальных услуг населению на всей территории РФ.

В исследованиях отечественных авторов традиционные методики и подходы к оценке регионального неравенства и оценке эффективности программно-целевого финансирования ограничиваются, как правило, показателями исполнения региональных бюджетов и показателями реализации государственных программ субъектов РФ. Результаты данного исследования расширяют область исследований за счет учета федеральных бюджет-

ных ресурсов, расходуемых на территории регионов и оказывающих существенное влияние на потребление в регионах. Программно-целевое финансирование рассматривается нами как инструмент балансирования интересов публично-правовых образований в системе федеративных отношений.

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. Выявленное значительное региональное неравенство по объемам финансирования государственных программ за счет средств федерального бюджета не соотносится в должной мере с различными социально-экономическими условиями и разной стоимостью предоставления государственных услуг в территориях. Программно-целевое финансирование расходов федерального бюджета реализуется преимущественно в Центральном ФО, главным образом – на территории г. Москвы. Расчеты на примере госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» показали, что необходимая корреляционная связь между подушевым объемом программно-целевого финансирования и целевым показателем реализации жилищной политики отсутствует. Таким образом, можно констатировать, что при определении приоритетов федерального программно-целевого финансирования аспекты регионального неравенства не принимаются во внимание.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

По нашему убеждению, значительная неравномерность распределения прямых программных расходов федерального бюджета не может быть объяснена без проведения глубоких исследований и подробных расчетов и обоснований потребностей регионов с учетом стоимости государственных и муниципальных услуг и их востребованности населением. Принятию финансовых решений по государственным программам должно предшествовать построение рейтингов регионов по нуждаемости населения в тех или иных государственных и муниципальных услугах. Одним из решений могло бы стать федеральное подушевое нормирование программных расходов: разработка и внедрение в регионах нормативов финансовых затрат на реализацию отдельных мероприятий государственных программ и национальных проектов, в основе которых должны лежать требования к качеству и доступности государственных и муниципальных услуг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Морковкин Д. Е., Строев П. В., Шапошников А. И. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 4(112). С. 57-68.
2. Loseva O.V., Abdikeev N.M., Stroeve P.V. *Assessment of efficiency of scientific and innovative activity of regions* New York, 2020.
3. Таштамиров М.Р. Идентификация дотационности территориальных бюджетов и их типологизация // *Финансы и кредит*. 2020. Т. 26. № 5 (797). С. 1099-1117.
4. Таштамиров М.Р. Факторы, детерминирующие высокую дотационность региональных бюджетов России // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27. № 10 (814). С. 2219-2241.
5. Городничев А.В., Кулакова Т.В., Моисеева М.А. Динамика бюджетной автономии российских городов в условиях перехода к многоуровневому управлению // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13. № 1. С. 39-57.
6. Веприкова Е.Б., Новицкий А.А. Государственные расходы регионов: состояние и проблемы (на примере анализа реестров расходных обязательств дальневосточных субъектов российской федерации) // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13. № 6. С. 117-131.
7. Арлашкин И.Ю. Межбюджетные инструменты стимулирования регионального экономического роста в России // *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 6. С. 54-68.
8. Строев П. В., Мильчаков М. В., Пивоварова О. В. *Опорные регионы пространственного развития России: бюджетный аспект // Финансы: теория и практика*. 2021. Т. 25. № 2. С. 53-75.
9. Бухарский В.В. Бюджетная децентрализация и стимулы местных органов власти в Российской Федерации // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13. № 2. С. 114-130.
10. Михайлова А.А., Тимухин Е.Н. Концепция вертикальной небалансированности при анализе бюджетной устойчивости на региональном уровне // *Финансовый журнал*. 2021. Т. 13. № 6. С. 98-116.
11. Алехин Б.И. Вертикальный бюджетный дисбаланс и регио-

нальный экономический рост // Финансовый журнал. 2020. Т. 12. № 6. С. 39-53.

12. Nadezhda Mikheeva *Qualitative Aspect of the Regional Growth in Russia: Inclusive Development Index* // *Regional Science Policy & Practice*. Volume 12. Issue 4. August 2020. Pages 611-626. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12289>

13. Ren Cong, Alex Y.Lo, Wei Yu. *The distribution and regional determinants of nationally financed emissions-reduction projects in China* // *Energy Policy*. Volume 152. May 2021. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112215>

14. Joanne Fitzgibbons, Carrie L. Mitchell. *Inclusive resilience: Examining a case study of equity-centred strategic planning in Toronto, Canada* // *Cities*. Volume 108. January 2021. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102997>

15. Mirgorodskaya, E.O., Wiegand, D., Novoselova, I.V. *Comparative inter-country analysis of assessment of the effectiveness of state housing policy: statistical instruments* // *Real Estate: Economics, Management*. 2021. № 3. Pages 35-40.

16. Geert Jennes *Interregional fiscal transfers resulting from central government debt: New insights and consequences for political economy* // *Kyklos*. Volume 74. Issue 2. May 2021. Pages 196-223. <https://doi.org/10.1111/kykl.12258>

17. Мастеров А.И. Проблемы и пути совершенствования программно-целевого бюджетирования в России // *Финансы: теория и практика*. 2019. Т. 23. № 2 (110). С. 44-57.

18. Езангина И.А., Громышова О.С. Направления совершенствования системы мониторинга государственных программ социально-экономического развития России // *Финансы: теория и практика*. 2020. Т. 24. № 5. С. 112-127.

19. Самков К.Н. Финансирование реализации национальных и региональных проектов: проблемы и направления устойчивого развития // *Финансы: теория и практика*. 2021. Т. 25. № 4. С. 24-36.

20. Глушакова О.В. О взаимосвязи национальных целей развития России с бюджетными расходами и о возможностях достижения целей в условиях COVID-19 // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27. № 7 (811). С. 1444-1475.

21. Костин А.И. Организация программно-целевого финансирования научных исследований в Российской Федерации // *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 1. С. 27-40.

22. Барбашова Н.Е. Создает ли методика межбюджетного выравнивания отрицательные стимулы для инфраструктурного развития регионов? // *Финансы: теория и практика*. 2021. Т. 25. № 1. С. 22-34.

23. Мильчаков М.В. Особенности финансовой поддержки регионов при реализации национальных проектов // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. 2019. № 3 (49). С. 22-37.

24. Мильчаков М. В. Реализация национальных проектов в регионах в условиях противодействия коронавирусной инфекции // *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12. № 3. С. 28-47.

25. Parantap Basu, Yoseph Getachew *Redistributive innovation policy, inequality, and efficiency* // *Journal of Public Economic Theory*. Volume 22. Issue 3. June 2020. Pages 532-554 <https://doi.org/10.1111/jpet.12386>

26. Sezer Yaşar *Budget flexibility, government spending, and welfare* // *Journal of Public Economic Theory*. Volume 20. Issue 6. December 2018. Pages 874-895 <https://doi.org/10.1111/jpet.12309>

27. Oliveira E., Hersperger A.M. *Disentangling the governance configurations of strategic spatial plan-making in European urban regions* // *Planning Practice & Research*. 34 (1). 2019. Pages 47-61. <https://doi.org/10.1080/02697459.2018.1548218>

28. Thomas Thaler, Ralf Nordbeck, Lukas Löschner, Walter Seher *Cooperation in flood risk management: understanding the role of strategic planning in two Austrian policy instruments* // *Environmental Science & Policy*. Volume 114. December 2020. Pages 170-177 <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2020.08.001>

29. Anna M. Hersperger, Simona Grădinaru, Eduardo Oliveira, Sofia Pagliarin, Gaëtan Palka. *Understanding strategic spatial planning to effectively guide development of urban regions* // *Cities*. Volume 94. November 2019. Pages 96-105 <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.032>

30. Ryusuke Shinohara *Interregional negotiations and strategic delegation under government subsidy schemes* // *Journal of Public Economic Theory*. Volume 23. Issue 3. June 2021. Pages 551-582 <https://doi.org/10.1111/jpet.12494>

31. Мохнаткина Л.Б. Оценка неравенства регионов в формировании доходов федерального бюджета на основе критерия Парето // *Экономика региона*. 2020. Т. 16. № 4. С. 1377-1392.

32. Расходы: Госпрограммы. Федеральное казначейство РФ. Витрины данных ИАС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://datamarts.roskazna.ru/razdeby/rashody/>

33. ГАИС «Управление». Государственные программы РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gasu.gov.ru/infopan-el?id=11847>

34. Индекс качества городской среды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://индекс-городов.рф/#methodology>

Received date: 04.11.2022

Revised date: 23.11.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 323.2

DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_08



©2022 Контент доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

НЕСИСТЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПТА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» И «ПЯТАЯ КОЛОННА»

© Автор(ы) 2022

ВЕРЕЩАГИН Сергей Григорьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного и административного права
Владивостокский государственный университет
690014, Россия, Владивосток, vladsereg2007@mail.ru

AuthorID: 287427

SPIN: 8160-6600

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с развитием такого актуального политического института в России, как несистемная оппозиция. Основное внимание в исследовании уделено рассмотрению этого общественно-политического явления через призму концепта «свой – чужой» и «пятая колонна». Известно, что устойчивость любой политической системы в демократических государствах напрямую зависит от эффективности функционирования механизмов обратной связи, к которой, однозначно относится и политическая оппозиция. Автор отмечает, что к сожалению в российском политическом дискурсе институализация оппозиции в полной мере не состоялась по сравнению с большинством западных демократий. Отмечено, что в постсоветский период Власть в борьбе с политической оппозицией стала использовать в своих политических практиках такие деструктивные политизированные и идеологизированные понятия как: «так называемая» несистемная оппозиция, «пятая колонна», агенты влияния (Запада), политические маргиналы, экстремисты и др. Подход со стороны власти в действующей несистемной оппозиции через призму концепта «свой – чужой» и «пятая колонна» привёл к крайней поляризации политических отношений и, в конечном счете, к использованию в отношении неё необоснованных репрессивных мер. В статье подчеркивается, что в России между властью и несистемной оппозицией четко просматривается дисбаланс политических интересов, но как свидетельствует история, политический климат в обществе во многом зависит от того, насколько диалог правящей и оппозиционных партий носит конструктивный характер.

Ключевые слова: власть, несистемная оппозиция, Курбский, концепт «свой – чужой», «пятая колонна», КПСС, культурный архетип, экстремизм, несогласованные акции, коллаборационизм.

NON-SYSTEMIC POLITICAL OPPOSITION IN RUSSIA THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPT “FRIEND OR FOE” AND “FIFTH COLUMN”

© The Author(s) 2022

VERESHCHAGIN Sergey Grigorievich, Doctor of Political Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
Vladivostok State University
690014, Russia, Vladivostok, vladsereg2007@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems associated with the development of such an actual political institution in Russia as a non-systemic opposition. The main attention in the study is paid to the consideration of this socio-political phenomenon through the prism of the concept of “friend or foe” and “fifth column”. It is known that the stability of any political system in democratic states directly depends on the effectiveness of the functioning of feedback mechanisms, which clearly includes the political opposition. The author notes that, unfortunately, in the Russian political discourse, the institutionalization of the opposition did not fully take place in comparison with most Western democracies. It is noted that in the post-Soviet period, in the fight against political opposition, the authorities began to use in their political practices such destructive politicized and ideological concepts as: the “so-called” non-systemic opposition, the “fifth column”, agents of influence (of the West), political outcasts, extremists, etc. The approach of the authorities in the current non-systemic opposition through the prism of the concept of “friend or foe” and the “fifth column” led to extreme polarization of political relations and, ultimately, to the use of unreasonable repressive measures against it. The article emphasizes that in Russia there is a clear imbalance of political interests between the authorities and the non-systemic opposition, but as history shows, the political climate in society largely depends on how constructive and positive the dialogue between the ruling and opposition parties is.

Keywords: power, non-systemic opposition, Kurbsky, the concept of “friend or foe”, “fifth column”, CPSU, cultural archetype, extremism, uncoordinated actions, collaborationism.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В современных демократических государствах всегда существует политическая оппозиция и, естественно, конфликты между ней и действующей властью. Отсутствие или бездействие оппозиции может спровоцировать в социуме политическую нестабильность, привести к усилению авторитарных начал в управлении политико-социальными процессами и институтами в обществе. К сожалению, в российском политическом дискурсе институализация оппозиции в полной мере не состоялась по сравнению с большинством западных демократий. Поэтому интерес российских ученых к проблеме противостояния власти и оппозиции не только не ослабевает, но и наоборот усиливается с появлением новых форм и методов, применяемых политическими акторами в борьбе за власть.

МЕТОДОЛОГИЯ

Формирование целей статьи (постановка задания). Методологическую основу исследования составили такие методы, как анализ и синтез научной информации по политологии, институциональный, сравнительно-

исторический и структурно-функциональный методы, а также изучение таких источников по теме исследования, как политические декларации и выступления политических лидеров, официальные интервью с политиками, исторические источники, законы и иные документы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Известно, что в России политическая оппозиция в классическом понимании появилась в начале XX века после обнародования Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором было указано: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Царское правительство признало наличие в обществе политической оппозиции и институционализировало ее [1].

Революция 1917 года и Гражданская война в России привели к крайней поляризации в стране общественно-политических сил: вооруженная и политическая борьба большевиков с оппозицией стала важным фактором

противостояния в гражданской войне. Но после окончания военных действий политическое противостояние не только не уменьшилось, оно даже усилилось: но не между большевиками и внешней оппозицией (ее в процессе Гражданской войны в России практически всю уничтожили), а внутри самой партии. В 20-х годах XX века в рядах ВКП (б) началась активная фракционная борьба между различными «течениями», «платформами», «уклонами», которая с разной интенсивностью продолжалась вплоть до XVII съезда ВКП (б), так называемого «съезда победителей» (1934 г.), на котором Сталин заявил о том, что впервые за всю историю партии в ней больше нет никаких оппозиций. Этот период политической стабильности в СССР продолжался до смерти И.Сталина в марте 1953 года.

Первая, со времён «съезда победителей» 1934 года оппозиционная группа в КПСС образовалась в 1957 году, в связи с принятым XX Съездом КПСС курсом на десталинизацию. Группа бывших соратников Сталина, в первую очередь Каганович, Маленков и Молотов попытались путем голосования в Президиуме ЦК КПСС снять с должности Первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущёва. Но при поддержке маршала Г.К.Жукова Хрущёву удалось настоять на созыве Пленума, на котором группа Кагановича, Маленкова, Молотова и Шепилова была обвинена во фракционной деятельности, выведена из состава ЦК и затем исключена из партии.

Серьезная попытка создания легальной оппозиции в СССР, в рамках единственной политической партии (КПСС), была предпринята на XXVII съезде КПСС (1986), на котором был принят курс на легализацию внутрипартийных фракций, усиление роли Советов как центров принятия решений, введение в стране многопартийной системы. Но официально в СССР была разрешена оппозиционная политическая деятельность только после отмены 6 статьи Конституции СССР (о руководящей роли КПСС) в марте 1990 года на III Съезде народных депутатов СССР.

После распада СССР в 1991 году в российском государстве возникли условия для создания политического плюрализма и многопартийной системы. В 1991 - 1993 годах, в первые годы после распада СССР в Российской Федерации было зарегистрировано сразу несколько оппозиционных партий: КП РСФСР (позже КПРФ), ЛДПР, Аграрная партия России и др.

В 1991 - 1992 годах в постсоветской России начался политический кризис, проявившийся в открытом противостоянии Президента России Б.Ельцина, правительства РФ и их сторонников с парламентом страны — большинством депутатов Съезда народных депутатов СССР и членами Верховного совета России и их сторонниками. Этот конституционный кризис закончился вооруженными столкновениями в Москве в октябре 1993 года. Последствиями этих событий стало принятие 12 декабря 1993 года новой Конституции РФ, закрепившей, в том числе, политическое и идеологическое многообразие в России, что в значительной степени стабилизировало политическое поле в стране и не привело в 1993 году к гражданской войне. Как свидетельствует история Российского государства, если со стороны политических и иных оппонентов (военные, чиновники) были попытки свержения законной власти, то это приводило к угрозе распада России как единого государства. Смуты и крестьянские восстания в XVI –XVII вв., революции и гражданские войны, вооруженное противостояние политических оппонентов в 1993 году – наглядное тому подтверждение. В этих условиях наступает хаос, льется кровь, возникает угроза самому существованию российскому государству и национальному единству [2].

Противоречивость и поляризация социально-политических отношений в современной России, а также выбор оптимального пути развития страны сближают первые десятилетия XX и XXI веков, побуждая нас задуматься над историческими примерами произошедших полити-

ческих потрясений и их негативных последствий [3].

Можно предположить, что политическая апатия граждан как советского, так и современного российского общества в значительной степени обусловлена особенностями становления советской политической истории: это введение большевиками на политическом поле СССР однопартийности, использование ими в борьбе с оппозиционными партиями и группами широких мер политического насилия и открытого террора и др. Поэтому считаем, что изучение процесса ликвидации большевиками политического плюрализма помимо научного и познавательного, имеет важное политическое и социальное значение, особенно в период становления политической оппозиции в конце XX начале XXI вв. [4].

Россия, в постсоветский период пыталась и пытается преодолеть негативные последствия функционирования советской политической системы и вернуться к демократическому транзиту, который в нашей стране впервые, на короткое время, был обозначен в начале XX века. Одновременно, были предприняты попытки легализовать новые политические принципы путем реализации их в новом политическом дискурсе, в рамках единой концепции «Нации-государства». Как ни странно, но до настоящего времени в России не решен вопрос о законодательном закреплении понятия – «российская нация». В проекте закона «О российской нации» указано, что: «Российская нация — гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью». Позже, указанный проект закона был переименован в проект закона «Об основах государственной национальной политики» («О проекте Федерального закона N 369190-3 «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации» (об установлении правовых основ деятельности органов государственной власти Российской Федерации, общественных объединений и граждан в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации //Собрание законодательства РФ, 16.07.2012, N 29, ст. 4004). Это было связано с тем, что ученые, разработчики закона, на основе опросов населения страны выявили, что российская идентичность («мы - россияне») стоит на первом месте среди всех других форм коллективной идентичности и патриотизма, т.е, сущность понятия «Российская нация» - это не гражданско-политическая общность россиян (как в проекте закона «О российской нации»), а в первую очередь, национальная идентичность российского народа – нация наций [5].

Понятно, что решение подобных национально-государственных задач реализуемо лишь в условиях общенационального консенсуса и внутриполитической стабильности. Факторы, которые непосредственно влияют на политическую стабильность в России, достаточно разнообразны и, зависят от особенностей принятия политических решений, уровня легитимности верховной власти, сущности политического режима, структуры российской политической элиты и т.д.

В тоже время нужно помнить, что сама по себе демократическая система в определенных условиях (например, крайний плюрализм партийной системы в стране), даже при условии ее динамичного развития, в определенный момент может стать крайне неустойчивой. То есть, наличие конкурентной политической борьбы может служить как признаком демократии, так и причиной политической нестабильности, которую провоцируют такие факторы, как экономическое неравенство индивидов, слабость институтов гражданского общества, маргинализация социума и др. [6].

Известно также, что устойчивость политической

системы и всего государства напрямую зависят от эффективности функционирования механизмов обратной связи, к которой, однозначно относится и политическая оппозиция. Она является важнейшим институциональным образованием в структуре государства, без которого верховная власть недостаточно полно владеет информацией не только в сфере политических отношений, но и в социуме в целом. К сожалению, в российском политическом дискурсе институализация оппозиции в полной мере не состоялась, по сравнению с большинством западных демократий. Можно предположить, что это закономерные последствия 18-ти летней деятельности партии власти, политического доминирования консервативных политических сил с использованием административного ресурса и правоохранительной системы.

Развитие современной политической мысли показывает, что интерес ученых к проблеме противостояния власти и оппозиции не только не ослабевает, но и наоборот, усиливается с появлением новых форм и методов, применяемых для разрешения политических конфликтов (независимые печатные и электронные СМИ, Интернет-ресурсы и др.).

Все чаще, начиная с 2000-х годов, в борьбе с политической оппозицией, основу которой составляют демократы и «левые» либералы, власть стала использовать такие политизированные и идеологизированные термины и понятия как: «так называемая» несистемная оппозиция, «пятая колонна», агенты влияния (Запада), политические маргиналы, асоциальные элементы, экстремисты и, либералы – лакеи [7].

Вышесказанное вполне укладывается в политико-социологический концепт «свой – чужой». Как отмечает доктор филологических наук Е.И.Шейгал: «... современный политический дискурс представляет собой «непрекращающийся диалог - поединок между «партией власти» и «оппозицией», в котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление». Большую роль в этом процессе играют базовые для данного вида коммуникации концепты, в частности универсальная оппозиция «свой — чужой» [8].

Известный немецкий мыслитель Карл Шмитт считает противоречие, полемику, оппозицию основным критерием политического. По его мнению, оппозиционность всегда сопровождается анализом политической действительности и предполагает открытое выражение «положительного» и «отрицательного» в различных формах. Политическая оппозиция в своей практической деятельности всегда реализует оценочные суждения о степени объединения (ассоциации) или разъединения (диссоциации) граждан и применяет концепты «свой – чужой» [9].

Похожий подход к исследуемой проблеме высказывает и профессор О.С.Иссерс, которая считает, что концепты «свой – чужой» являются базовыми применительно к политической сфере отношений. Признаки, положенные в основу поляризации «свой – чужой», могут быть весьма разнообразны, например: «Россия – Запад», «русский – нерусский», «рабочие – чиновники», «либералы – патриоты» и т.д. [10].

Часто, дихотомия «свой – чужой» в политическом дискурсе приобретает фундаментальный характер, когда это непосредственно касается борьбы за власть между властной элитой и, противостоящей ей политической оппозицией. Политические акторы в борьбе за власть в рамках политического дискурса вынуждены делить политическое поле на сферы «свое – чужое» в рамках политико-государственного и партийного строительства, предполагающего не только противостояние, но и, в необходимых случаях, «условное» взаимодействие. Как пример, это возможность выбора (эвентуальность) «третьей» политической партии по объединению с одной из двух «чужих», основных партий, претендующих на политическую власть в стране. Известный политолог Ж.

Блондель предложил называть такие системы - системами двух с половиной партий, так как для них характерен коалиционный потенциал с третьей партией. Для системы двух с половиной партий характерна конкуренция двух основных крупных партий, но ни одна из них не может получить большинство в Парламенте без коалиции с «третьей» партией, которая получила на выборах меньшее количество мест в Парламенте, чем первая и вторая основные партии. Эта «третья» партия и есть классический случай в политике, когда перед формированием коалиции с одной из ведущих партий она «чужая» по отношению к двум основным партиям. Однако когда одна из двух основных партий создает коалицию с «третьей» («чужой») партией, то вместе они становятся «своими» и получают большинство мест в Парламенте, доступ к политической власти и формированию правительства, но одновременно «чужими», по отношению к третьей основной партии, которая переходит в оппозицию. Другими словами, «третья» партия выполняет на политическом поле роль баланса для обеспечения перевеса одной ведущей партии над другой. Подобная система партийного строительства и взаимодействия имеет место в Канаде, Австралии и других странах, где «третьи» партии выступают в качестве баланса на политическом поле, примкнув к одной из двух основных партий, которая получает всю полноту власти в стране.

Примеры дихотомии «свой – чужой», которых много в философии, лингвистике, логике, политике, культурологии и искусстве формируют особенности социокультурных кодов (архетипов), заложенных в матрицу социального поведения представителей различных этносов. Думается, что в каждой отрасли знаний со временем формируется свой особый архетип, которым и оперируют ученые в своих исследованиях [11].

Если обратиться к политологии, то в ней под архетипом понимается поведенческий код, «наследуемый» человеком в процессе политической социализации. В процессе реализации политическими акторами своих интересов, формы архетипов остаются практически неизменными и оказывают существенное влияние на формирование политического сознания личности. Понятие архетипа в политологии всегда включает в себя политические традиции и ценности, особенности политического поведения и политической культуры, уровень согласованности групповых интересов и политическую стабильность в конкретном политическом пространстве.

Еще, в качестве примера можно рассмотреть культурный архетип в контексте предмета исследования в настоящей статье. Как известно, в современной культурологии и философии культуры активно применяется понятие «культурный архетип», под которым понимают «... базисные элементы культуры, формирующие модели духовной жизни» [12].

Так, если рассматривать культурный архетип русской цивилизации в более широком смысле, то его сущность включает в себя памятники религиозной культуры, литературные произведения, мифологию, сказки, басни, идеи русской философии и др. В тоже время, национальные культурные архетипы часто взаимодействовали с политической сферой в форме политико-правовых обычаев и традиций, как правило, на уровне российских субъектов (губерний) и органов местного самоуправления. При этом основными объектами литературных исследований стала власть в целом, а также справедливость законов, защита правды, совести и свободы для простого народа. Но доминирующим, на наш взгляд, русским архетипом, включающим в себя символически глубинное и «бессознательное» (К.Юнг) стали такие категории, как: «святое царство», «неведомый град», «русская правда», «праведная жизнь», которые, с точки зрения простого народа, в конечном счете, должны были трансформироваться в доброе государственное устройство, свободу и справедливость для всех [13].

Уверены, что такие культурные архетипы имеют ме-

сто быть не только в отдельных государствах, но и на территориях стран, объединенных, например, одним языком или общей историей. Так, в Великобритании – США – Австралии – Новой Зеландии к таким культурным кодам можно отнести литературные произведения, названия которых стали нарицательными: «Унесенные ветром» - Маргарет Митчелл, «Властелин колец» - Джона Толкина, «Гарри Поттер и философский камень» - Джоан Роулинг, «Десять негрятят» - Агаты Кристи, которые были изданы только в англоязычных странах тиражом в сотни миллионов экземпляров. Во Франции к таким культурным константам можно отнести: «Собор Парижской Богоматери» - Виктора Гюго, «Маленький принц» - Антуана де Сент-Экзюпери и др.; в Испании и испаноговорящих странах: «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса Сааведры, «Сто лет одиночества» - Габриэля Гарсиа Маркеса и др.; в России: «Евгений Онегин» А.С.Пушкина, «Война и мир» - Л.Н.Толстого; «Палата №6» - Чехова А.П. и др.

И за рубежом, и в России многие литературные произведения затрагивали политические проблемы, связанные с несправедливым государственным устройством, социальным неравенством людей, невозможностью реализовать свои знания на благо Отечества. Это легендарный роман «И вся королевская рать» Роберта Уоррена о политических играх на выборах президентов в США; «Невидимая сила» Уильяма Бёрнса о методах работы американской дипломатии; «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинса об экономическом порабощении со стороны США целых стран и народов и др. В России это: «Россия и Европа» Д.Н.Данилевского; «Воскресение» Л.Н.Толстого; «Колымские рассказы» В.Шаламова и много других [14].

Одним из известнейших произведений в XIX веке в России стала повесть А.П.Чехова «Палата №6». Свое произведение Чехов называл откликом на жесткий политический режим правления Императора Александра III, который утвердил 29 апреля 1881 года «Манифест о незыблемости самодержавия». Это привело к практически полному умалению в России гражданских прав и свобод и резко усилило полицейско-административное давление на интеллигенцию и инакомыслящих.

Знаменитый русский писатель Николай Семенович Лесков после публикации повести написал: «В палате №6 в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду - палата № 6... Палата его - это Русь!».

Попытаемся исследовать сущность повести А.П.Чехова «Палата №6» через призму концепта «свой» – «чужой» с позиции политического: не свободный индивид в не свободной стране и свободный человек в палате №6.

В повести А.П.Чехова «Палата №6» читателям представлен главный врач городской больницы, умный и честный человек - Андрей Ефимыч Рагин. Поначалу он работает усердно, однако скоро начинает скучать и понимает, что в таких плохих условиях лечить больных бессмысленно. Но у него, как у всякого русского интеллигента нет воли и веры в то, что жизнь изменится к лучшему. Он практически забрасывает служебные дела и ходит в больницу уже не каждый день. Немного поработав, больше для вида, он идет домой и читает: больше всего он любит философию и историю. Читая, чувствует себя счастливым.

В один из скучных вечеров Рагин невзначай навещает палату № 6 для душевнобольных пациентов. Там он втягивается в продолжительную и интересную беседу о философии с бывшим судебным приставом Громовым. Визиты доктора во флигеле становятся ежедневными, разговоры на философские темы с Громовым производят на Андрея Ефимыча глубокое впечатление: оказывается в стране, где запрещено любое инакомыслие о справедливости и свободе публично можно говорить только в палате для душевнобольных, а за ее пределами за такие высказывания человека ждет или тюрьма, или

палата №6.

По больничному корпусу разносится слух о частых посещениях доктором палаты № 6 для душевнобольных пациентов, что крайне негативно отразилось на его дальнейшей судьбе.

Рассмотрим перевод Властью (начальством) главного героя повести из «своего в чужого» в связи с изменением его социального статуса:

- он «свой» в отношениях с начальством в городской управе и коллегами по работе;

- он «чужой» в отношениях с младшим медицинским персоналом и пациентами больницы;

- он «другой» после разговора комиссии с Рагиным в городской управе на предмет определения его умственных способностей (читай – психического здоровья) он, после признания его начальством и коллегами «чужим», лишен должности главного врача и помещен его в палату №6 для душевнобольных на принудительное лечение [15].

- он стал «чужим» в отношениях с начальством в городской управе и коллегами по работе и он остался «чужим» в отношениях с младшим медицинским персоналом и пациентами больницы.

В итоге, незаконное изменение социального статуса Рагина на «чужой» ко всему окружающему его социуму, привело к применению к нему необоснованного насилия со стороны Никиты, сторожа больницы, что спровоцировало смерть Андрея Ефимыча на следующий день после заключения его в палату №6.

Продолжая тему нашего исследования, попытаемся раскрыть сущность концепта «свой – чужой» через призму политического конфликта («власть – оппозиция», что в настоящее время является важной проблемой российского политического дискурса. Публичный дискурс представляет собой вербальное общение с неопределенно широкой массой адресатов, в тоже время сущностью политического дискурса является борьба за власть [16].

Политический дискурс между властью и системной (парламентской) и несистемной (внепарламентской) оппозицией - новый для России вид политической коммуникации, устанавливающей иные политические ценности, идеалы и цели в политическом пространстве постсоветской России в конце XX – начале XXI веков.

В политической жизни России оппозиция стала играть заметную роль только на рубеже XX-XXI веков, когда демократические процессы и гласность в общественной жизни привели к созданию различных политических партий и общественных движений. В этот же период, они стали трансформироваться (распадаться или объединяться) не только по идеологическим, но и политическим причинам, например по признанию или непризнанию легитимности парламентских выборов. И та часть политических сил, которая по разным причинам покинула партии и общественные движения, вынуждена была образовать лагерь внепарламентской, т.е. несистемной оппозиции.

Впоследствии, попытки несистемной оппозиции встроиться в легальную российскую политическую систему посредством электоральных механизмов потерпели неудачу. Тогда она, реализуя свои политические устремления посредством агрессивного политического дискурса, стала открыто выступать за изменение существующей политической системы в России, часто используя при этом формы легальных и нелегальных методов политической борьбы, вплоть до экстремистских.

Как известно, ученые-политологи появление политической оппозиции объясняют причинами, связанными, в первую очередь, с конфликтами политических элит, разочарованием граждан в эффективности действующей власти, национально-этническими проблемами, отсутствием ротации во власти политических лидеров и т.д.

Учитывая вышеизложенное, согласимся с точкой зрения политолога Л.Н. Тимофеевой, утверждающей, что основной причиной конфликтности политического

дискурса в России является «недостаток, конечность и неравномерность распределения ресурсов власти» [17]. Объектом воздействия для оппозиции всегда являются институты государства, с которыми она конкурирует в борьбе за власть, а к предмету политического дискурса оппозиции относятся власть и ее ресурсы, политическая идеология и другие политические ценности, от сохранения или утраты которых зависит стабильность и безопасность государства. Несомненно, политическая коммуникация имеет свою ярко выраженную специфику и это достаточно просто объясняется: субъектами политической коммуникации движет политический интерес, который, с одной стороны, может реализоваться в сотрудничестве с действующей политической властью, либо в конфронтации с ней и попытке ее завоевать [18].

В качестве специфических характеристик, применимых именно к оппозиционному политическому дискурсу, ученые выделяют конфликтность (безальтернативная оценочность «свой – чужой»), критичность, разоблачительность, иррациональность и субъективность (то «враг народа»), то «диссидент», то «совесть нации», то «жертва режима» и т.д.) [19].

К сожалению, структура политической системы России в XXI веке включает в себя совокупность политически неблагоприятных последствий для оппозиционной деятельности. Концентрация властных полномочий в руках властной элиты резко снизила привлекательность других политических институтов: общественных движений и блоков, политических партий, оппозиции всех видов и т.д. Это привело к конституционному доминированию партии власти и Президента на политическом поле России и, в конечном счете, трансформации его полномочий в моносубъектность, т.е. в усилении контроля над основными политическими игроками: общественными организациями, партиями, СМИ, региональными элитами и бизнес-структурами. Сформировавшаяся система политических институтов получила в исследовании ученых название «персоналистский режим» – «... несбалансированное сосредоточение властных прерогатив, как явных, так и скрытых, в руках института-личности при формальном сохранении принципов и институтов, свойственных конституционному строю» [20].

В связи с этим невозможно не согласиться с либерально настроенной, но очень точной в своих оценках Л. Щевцовой: «Система персоналистской власти выстроена так, что внутри нее вообще не может быть альтернативы. Реальная либеральная (и любая другая) оппозиция в России может быть только внесистемной» [21].

В этих условиях политически ресурснослабые субъекты (как правило, системная оппозиция) предпочитают демонстрировать лояльность к действующей политической элите и Президенту РФ. Соответственно, институциональный климат функционирования политической системы России и её сущностные характеристики развивались только в одном направлении - в сторону ужесточения правовых норм и политических правил, максимально сузив поле политической конкуренции для всех субъектов, кроме доминирующего [22].

Но безальтернативность, как отмечал известный немецкий социолог Р. Дарендорф «... ведет к скрытому накоплению в обществе вовремя неразрешенных противоречий, которые начинают метастазировать и разрушать здоровые ткани общественной системы. Именно поэтому политические изменения в будущем могут быть только деструктивными, радикально делегитимирующими «партию власти», не реформирующими, а взрывающими статус-кво...».

Как свидетельствует опыт развитых демократий, предоставление оппозиции возможности конкурировать с правящей партией на политическом поле оказывает стабилизирующее воздействие на всю политическую систему, служит демпфером при возникновении в обществе острых социальных конфликтов и кризисов. Отстранение от электорального участия в выборах и, со-
ГРНТИ: 110000; ВАК: 5.5.2.; 5.5.4.

ответственно власти, серьезное испытание для любой партии или общественного движения, ее лидеров, рядовых членов и сторонников.

Но вертикаль власти, выстроенная сегодня в форме жесткой политико-правовой иерархии и максимально сжатой оппозиции привела к политической апатии не только политической партийной верхушке и обслуживающей ее бюрократии, но и большей части потенциального электората России. Здесь ярко проявляется концепт «свой – чужой», когда действующая власть однозначно воспринимает несистемную оппозицию как «Чужого» и, соответственно в этом ракурсе выстраивает с ней политическую коммуникацию по принципу – «Свой» - это «власть в образе справедливого Отца (нации) и «Чужой» - это «оппозиция в образе непослушного ребенка», которого в нужный момент можно строго наказать.

Это становится возможным не только в силу того, что несистемная оппозиция часто использует нелегальные способы политической борьбы, но и потому, что сама политическая элита намеренно создает искусственные препятствия, чтобы не допустить ее к легальному участию в политической борьбе за власть. Основной причиной отстранения оппозиции от участия в политической борьбе с властью является опасение последней, что она реально может претендовать на власть под лозунгами борьбы с коррупцией, авторитаризмом, изоляционизмом, неспособностью победить противника в военном конфликте [23].

К примеру, когда 4 июня 2013 года прозвучало заявление действующего мэра Москвы Сергея Собянина о досрочной отставке, известный оппозиционер А. Навальный сразу же включился в избирательную кампанию с целью выиграть выборы на пост мэра Москвы. Однако ресурсов, которыми обладали провластные кандидаты, Навальный не имел: единственным его преимуществом в избирательной кампании был раскрученный имидж оппозиционера, активно борющегося с коррупцией на всех фронтах, а также объединившийся вокруг него лояльный пул журналистов.

Созданные А. Навальным Интернет-платформы стали важным ресурсом мобилизации электората и повышения эффективности работы политических субъектов за счет возможностей сети Интернет. Можно утверждать, что А. Навальный сумел объединить в Интернете, как на онлайн, так и офлайн платформах: 1) социальные сети, блоги, интернет-рекламу; 2) уличную агитацию (массовые митинги, кубы, пикеты); 3) производство и распространение агитационных материалов; 4) финансовое обеспечение (краудфандинг и привлечение спонсоров).

Непредсказуемый успех кампании Навального, набравшего 27% голосов избирателей Москвы, не имея административного ресурса, продемонстрировал, что продуманная пиар-кампания в Интернете способна охватить значительную часть потенциальных избирателей. Именно за счет использования данных ресурсов Навальному удалось продемонстрировать на выборах хороший итоговый результат [24].

При исследовании феномена политической оппозиции, по-нашему мнению, следует отталкиваться от сущности самой политики, которая по своей сути является конфликтным полем, так как имеет дело с межгрупповыми конфликтами, затрагивающими «общие условия» совместной жизни и способами их разрешения. В России в 2011–2012 гг. (массовые выступления оппозиции на Болотной площади в Москве и в других городах страны) население осознало несправедливость того, что продолжалось десятилетиями – игру в выборы органов власти. Новые коммуникационные возможности (Интернет) позволили оппозиционным силам эффективно и в короткие сроки самоорганизоваться, и вовлечь в политическую деятельность те слои населения, которые до этого времени оставались инертными в политическом пространстве.

Но власть восприняла массовые выступления оп-

позиции не как классический политический конфликт, который имеет право на существование в демократическом обществе, а как угрозу своему существованию в целом. Результатом такого искаженного восприятия политической реальности стали агрессивные действия всех ветвей власти по вытеснению оппозиции из сферы публичной политики в область смысловой и языковой политической деструкции. Деструктивные изменения смыслов языка политики характеризуются пересимволизацией и обостренной борьбой символов старого и нового. Подобные проявления рассматриваются как языковые маркеры агрессии политических текстов и выступлений, которые мы часто встречаем в реальной политической практике. Для политической коммуникации современности характерна вербальная агрессия как проявление языковой инвективы, которая считается первым шагом на пути к агрессии физической и явлением, создающим у человека агрессивный подход к политической реальности.

В нашем случае, смысловая и языковая политическая деструкция проявляется в том, что действующая власть оценивает любые выступления оппозиции и иных недовольных как провокации, маргинализацию поведения, политическую незрелость и ангажированность оппонентов. В освещении официальных СМИ политические противники оказываются либо молодежью, которая не доросла еще до «взрослой политики», либо политическими маргиналами и асоциальными элементами, агентами влияния, экстремистами или упорствующими в своих заблуждениях фанатиками, с которыми бессмысленно вступать в диалог. Их нужно или лечить, или наказывать (советский вариант: помещение диссидентов и политических оппонентов в закрытые психиатрические больницы, на якобы, необходимое для них лечение) [25].

Одной из предпосылок агрессивности и деструктивности политической коммуникации является современная тенденция идентификации и разделения на «своих» и «чужих». Под «своими», как указывалось уже выше, понимается Власть, под «чужими» подразумеваются все те, которые угрожают или могут угрожать Власти и государству - террористы, иммигранты, преступники, маргиналы или религиозные фанатики.

Как отмечают Я.А. Волкова и Н.Н. Панченко: «Специфика проявлений деструктивности в политическом дискурсе предопределяется сущностными признаками данного типа дискурса, а именно его мотивационно-интенциональной направленностью (борьба за власть) и доминированием манипулятивной функции. Деструктивная интенция направлена на ниспровержение оппонента и/или понижение его политического статуса» [26].

В этой ситуации перед несистемной оппозицией стоит дилемма: в какой форме продолжать свою политическую деятельность? Либо это длительная легальная политическая деятельность по привлечению своих сторонников и участие в выборных кампаниях, либо это неконвенциональные формы участия в политике, включая несанкционированные митинги, шествия, пикетирование, забастовки и т.д.

Нелегальные способы политической борьбы, которые часто вынуждена использовать несистемная оппозиция и иные не согласные с властью, отражаются на статусе этих политических сил, которые зачастую носят нелегальный или полунелегальный характер. Известно, что в период стабильного развития общества популярность таких политических оппозиционных сил невелика, но во время кризисов и общественных потрясений она начинает стремительно расти. Как правило, эти политические силы декларируют курс на радикальные изменения в обществе, а в определенной политической ситуации, вплоть до применения насильственных средств борьбы с целью смены политического режима страны или захвата власти.

В настоящее время, как свидетельствуют российские

политические практики, агрессивные действия власти и политической элиты по вытеснению несистемной оппозиции и других, не лояльных режиму граждан из сферы публичной политики, либо максимальному сжатию политического поля для несистемной оппозиции, привело к непредсказуемому для власти политическому сценарию.

Несистемная оппозиция, не имея законных оснований для участия в политической деятельности и в электоральных процессах с целью прихода к власти, вынуждена была напрямую обращаться за политической (возможно и финансовой) поддержкой к мировому демократическому сообществу и, соответственно, трансформирываясь, по мнению действующей власти, на российском политическом поле в «пятую колонну».

Тему, связанную с деятельностью в России «пятой колонны», российские СМИ стали часто затрагивать после массового выступления оппозиционных сил на Болотной площади в Москве в 2012 году. Даже В.В. Путин в своем выступлении перед Федеральным собранием в марте 2014 года заявил: «Западные политики страшат нас не только санкциями, но и обострением внутренних проблем. Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны, разного рода национал-предателей.... Рассматриваем подобные заявления как безответственные и явно агрессивные, и будем соответствующе на это реагировать».

Известно, что устойчивое выражение «пятая колонна» появилось в республиканском Мадриде во время гражданской войны в Испании в 1936 – 1939 годах и приписывалось испанскому генералу Эмилио Мола, который осенью 1936 г. возглавил наступление франкистов на Мадрид. Он якобы сказал: «Я брошу на Мадрид четыре колонны, но только пятая начнет наступление (имелось в виду, что за стенами внутри Мадрида существовала «пятая колонна», состоящих не из регулярных войск националистов, а из предателей в республиканской армии)».

Эти слова генерала Эмилио Мола повторила известный деятель испанского и международного коммунистического движения Долорес Ибаррури 3 октября 1936 году: «Пятая колонна находится внутри Мадрида и, в первую очередь, надо разгромить ее», а на митинге народного фронта в Мадриде 14 октября 1936 г. она заявила: «Никогда не надо забывать, что вражеская “пятая колонна” существует и действует». Функционирование, якобы затаившейся в городе «пятой колонны», стало основанием для проведения испанскими коммунистами и республиканской армией массовых политических репрессий. С 7 ноября 1936 года в Мадриде начались регулярные расстрелы политических заключенных без суда и следствия. К началу декабря было расстреляно не менее 5 тыс. «подозрительных лиц» - по большей части священников, предпринимателей и представителей интеллигенции. Также, популярности этого выражения поспособствовала пьеса Э. Хемингуэя «Пятая колонна» (1938 г.) о республиканской контрразведке в Мадриде.

Коллизия не нова: у «пятой колонны» длительная история: еще Демосфен (384 – 322 г. до н.э.) говорил о «врагах внешних и внутренних» в своей публичной речи против политического противника Эсхина. Позже, данную проблему попытался рассмотреть В.Шекспир в своей пьесе «Кориолан», описывая события римской истории в 63—62 гг. до н.э., известные как заговор военного трибуна Луция Катилины против Рима. Негодование Катилины против римских властей подвело его к такому рубежу в политической карьере и в жизни, когда для продолжения борьбы он вынужден был объединиться с вольсками – народом, одним из самых опасных внешних врагов Рима, т.е. объединиться с врагом не правительства, а страны и своего народа [27].

В XIX во время Франко-прусской войны 1870-1871 гг., когда прусские войска готовились к разгрому Наполеона III, знаменитый писатель Проспер Мери

писал теще французского императора, графине Марии Монтижо: «Увы, даже если бы вторжение было отражено, опасность еще не была бы предотвращена. Существует четвертая армия господина Бисмарка и находится она в Париже».

В России во все времена существовало рассматриваемое явление в политической и общественной деятельности. Изучение истории нашего Отечества позволяет достаточно объективно выявить причины политических предательств внутри властной элиты, которые весьма негативно сказывались на состоянии государственного управления и благополучии населения в целом. Считаем, что изначально, основными факторами возникновения «пятой колонны» были: огромная территория России, на которой проживали сотни народов и племен (большая часть которых была покорена русскими), средневековая раздробленность Руси и постоянная борьба за власть, коалиция внешних врагов (Королевство Швеция, Королевство Польское, Великое княжество Литовское, вассал Османской империи - Крымское ханство и др.), а в некоторых случаях, неадекватное поведение верховной власти (великий князь, царь, император) по отношению к политической элите, что провоцировало политическую измену в их ближайшем окружении.

Классическим примером политического предательства в России в Средние века можно назвать побег русского полководца, политика и приближенного царя Ивана Грозного князя Андрея Курбского в Великое княжество Литовское в 1564 году. Считается, что основными причинами государственной измены А.Курбского и перехода его на службу к польскому королю Сигизмунду II стали: царский указ от 15 января 1562 года об ограничении вотчинных прав русской знати и репрессии со стороны царя, которые могли последовать за поражение русских войск под командованием князя Курбского под Невелем.

Предательство князя Курбского и бегство его под покровительство польского короля могло бы остаться в анналах русской истории рядовым случаем, если бы не одно но, уже осенью 1564 года Курбский воюет против Москвы. Поскольку он прекрасно знал систему обороны западных рубежей, при его участии войска Великого княжества Литовского неоднократно устраивали засады на русские отряды. В октябре 1564 года Андрей Курбский принял участие в осаде польско-литовским войском города Полоцка. Зимой 1565 года он активно способствовал, будучи командиром литовских подразделений, в захвате и разграблении Великолукской области, а в 1579 году, под предводительством Стефана Батория участвовал в походе с целью захвата города Полоцка.

Знаменитый русский историк Н.М.Карамзин писал о Курбском следующее: «Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: спасаться от мучителя, но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!». И далее: «Юный, бодрый Воевода, в нежном цвете лет, озаменованный славными ранами, муж битвы и Совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, Герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг Царя, возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников. То был Князь Андрей Курбский» [28].

Продолжая тему исследования, предлагаем обратиться к более известным лицам в истории России и сопоставить их политическую деятельность с понятием и сущностью «пятой колонны», например В.Ленина. Мы не будем рассматривать его деятельность как создателя и лидера первого социалистического государства в мире. Этот отрезок его жизненного пути хорошо изучен и в комментариях не нуждается. Речь о другом, можно ли определить его активное участие в дореволюционной деятельности как предательство и поражение

по отношению к своему Отечеству. Думается – да. И не только как активного участника (плюс его революционное окружение), но и организатора «пятой колонны» в Российской Империи. Хорошо известно, что когда в 1914 году началась Первая мировая война, Ленин написал статью «О национальной гордости великороссов», где указал, что истинный российский патриот в этой грабительской, несправедливой войне должен желать поражения своему правительству. Результат такой подрывной деятельности – октябрьская революция 1917 года, затем унижительный Брестский мир (сепаратный мирный договор, подписанный 3 марта 1918 года в городе Брест-Литовск представителями Советской России и Центральных держав) и последующая разрушительная Гражданская война.

В 1956 году в США вышла монография, написанная сотрудником Амстердамского Государственного института военной документации Луи де Йонгом. Автор назвал книгу «Немецкая пятая колонна во второй мировой войне». Он отметил, что при написании этого научного труда не нашел материалов о том, что в Советском Союзе во время войны существовала «пятая колонна». Да, в Советском Союзе действительно не оказалось ни судетских генлейнов (Конрад Генлейн - политический деятель Судетской области в Чехословакии. Лидер чехословацких фольксдойче и с 1938 года прямо действовавшей в интересах нацистской Германии. Покончил с собой в американском плену в 1945 году), ни словацких тиссо (Йозеф Тисо - словацкий римско-католический священник, президент государства-сателлита нацистской Германии - Первой Словацкой республики. Казнен после войны), ни бельгийских дегрелей (Леон Дегрель - бельгийский военный деятель, ультраправый политик и коллаборационист. Один из основателей и лидер Рексистской партии Бельгии, командир 28-й добровольческой дивизии СС «Валония». Умер в Испании в 1994 году) или норвежских квислингов (Видкун Абрахам Лауриц Йонссон Квислинг - норвежский политик и глава правительства Норвегии во время немецкой оккупации в период Второй мировой войны. Ещё при жизни его имя стало нарицательным, а слово «квислинг» стало синонимом таких понятий как «предатель» и «коллаборационист»). Казнен после войны). Все народы Советского Союза единым патриотическим фронтом выступили на защиту своей социалистической родины, в их рядах не было места «пятой колонне».

Луи де Йонг в указанной монографии феномен «пятой колонны» объяснил следующим образом: «Под влиянием сильного, но безотчетного чувства страха, под влиянием раздражения, в обстановке беспомощности и неуверенности нарастает внутреннее напряжение. Возможность разрядить такое напряжение появляется в том случае, если люди могут найти в своей собственной среде тех, кого можно было бы заклеймить словом «враги». Тогда страх обычно теряет свой таинственный и неопределенный характер; вместо беспомощности и неуверенности возникает непосредственная задача: бить врага в своих собственных рядах». И, что немаловажно, «... отпадает необходимость искать настоящие глубокие причины своих неудач и поражений» [29].

Как уже отмечалось выше, после революции 1917 года в Советской России и, позже в СССР, была репрессирована в различных формах вся внешняя и внутренняя политическая оппозиция, о чем с гордостью сообщил на XVII съезде ВКП (б) в 1934 году тов. Сталин. В том или ином виде этот период политической стабильности продолжался до распада СССР. И только в постсоветский период в 1991 году в России возродился на законных основаниях политический плюрализм и многопартийная система. Когда же на постсоветском пространстве объективировался такой политический институт как несистемная оппозиция? Думается в тот момент, когда несистемная оппозиция начала расходиться во взглядах на будущее России с другими политическими силами,

т.е. после избирательных кампаний в Государственную Думу РФ в 2003, 2007 и 2011 гг. С 2003 года в России де-факто установился однопартийный режим, так как на выборах 7 декабря 2003 года партия «Единая Россия» получила 225 депутатских мандатов в Государственной Думе РФ, что составило парламентское большинство.

В тоже время, по результатам названных думских выборов, разрозненные политические силы, которые позиционировали себя как представители оппозиции, не смогли ни разу получить депутатские места в российском Парламенте (даже после нескольких попыток объединения с другими партиями и общественными движениями). И тогда, с 2011 года, не имея необходимой электоральной поддержки граждан на выборах и, соответственно невозможности победить на части избирательных округов для вхождения в состав Государственной Думы РФ, несистемная оппозиция, с целью реализации своих политических устремлений, стала организовывать в Москве и других городах России незаконные массовые акции протеста, использовать нелегальные методы политической борьбы, вплоть до экстремистских.

В мае 2012 года, в связи с массовыми беспорядками на Болотной площади в Москве и ужесточением наказаний за нарушения законодательства о митингах, ряд оппозиционных активистов были арестованы и привлечены к различным видам ответственности, а некоторые из них были вынуждены покинуть Россию.

Новая стратегия власти в борьбе с несистемной оппозицией по принципу «оппозиции больше нет, а есть власть, и есть бунтовщик» - это попытка обеспечить полный контроль над политической ситуацией в стране, в том числе с помощью масштабной информационной кампании, ключевой идеологемой которой стало использование в отношении несистемной оппозиции понятия - «пятая колонна».

В 2014 году В.Путин на эту тему сказал следующее: «Грань между оппозиционерами и «пятой колонной» внутренняя, ее трудно увидеть внешне. В чем она заключается? Оппозиционер, даже очень жесткий, в конечном итоге до конца борется за интересы своей родины, а «пятая колонна» – это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, и их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей» [30].

19 апреля 2022 года на пленарном заседании Государственной Думы выступил Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме Г.А. Зюганов, который сказал: «Уважаемые коллеги! Хочу обратить ваше внимание на высказывание Президента Путина относительно «пятой колонны». Его беспокойство на сей счет мне абсолютно понятно. И я прошу, чтобы вы внимательно меня послушали. Ведь вопрос касается и некоторых из сидящих в зале. Когда фашисты развязали войну против СССР, посла США в Москве Джозефа Дэвиса спросили: что вы скажете относительно «пятой колонны» в Советском Союзе? Он ответил: здесь таких нет, их расстреляли. В противном случае СССР проиграл бы войну». Я не за расстрелы, но я за то, чтобы мы сделали выводы из обращения Президента» [31].

Далее, лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов в своем интервью от 16 апреля 2022 года заявил: «Сегодня «пятая колонна» - это те, кто на информационном, бытовом и на публичном фронте прямо стреляет по своим. Самая опасная ее часть - это люди, которые идеологически стоят на вражеских позициях и которые себя не обнаруживают, скрывают свои настроения. Более того, до поры до времени они на словах полностью лояльны и поддерживают политику Президента.....» [32].

В связи с высказыванием С.Миронова по поводу «пятой колонны» вспоминается речь Жозефа Камбона в 1793 году, главы комитета финансов в Конвенте после Великой французской революции о взимании принудительных революционных налогов с дворян – сторонни-

ков короля в размере 1 млрд. ливров. Решение о проведении чрезвычайного займа было принято под давлением Парижской коммуны и Жозеф Камбон согласился с тем, что налог нужен и он должен взиматься с «...врагов Республики, эгоистов и людей, равнодушных к революции» [33].

Подобных высказываний со стороны представителей власти и лидеров системной (парламентской оппозиции) в последние годы в СМИ было достаточно много и, некоторые из них, возвращают в современную политическую действительность идеологемы периода 1937 – 1938 годов. К примеру, Глава Чеченской республики Рамзан Кадыров заявил на встрече с журналистами в Грозном в канун Дня российской печати: «Люди, о которых раньше никто ничего не слышал, из кожи вон лезут, чтобы прославиться тем, что противопоставляют себя Президенту России Владимиру Путину. Представители так называемой внесистемной оппозиции пытаются нажиться на сложной экономической ситуации. К таким людям надо относиться как к врагам народа, как к предателям...», - заявил Кадыров [34].

Как указывалось выше, стратегия действующей власти в отношении несистемной оппозиции – это попытка установить контроль не только над оппозицией, но и полный контроль на всём политическом пространстве в России. Но власть прекрасно понимает, что нельзя допустить, чтобы оппозиция объединилась в единый политический фронт, как это случилось весной 2008 года. Тогда в состав оппозиционного парламента «Национальная Ассамблея» вошли 500 политических деятелей от 85 различных организаций. В этой ситуации Власть считает своей основной целью в противостоянии с оппозицией - это ее дальнейшую маргинализацию либо полное исчезновение.

В тоже время, методы, используемые властью по преодолению «несистемности» многократно поляризуют политическое поле и может привести к тому, что истинно политическим в современной России может стать только «несистемное», так как ее политическое и идеологическое разнообразие намного шире, чем спектр системных политических акторов.

Характерно, что сама несистемная оппозиция рассматривает свою деятельность как возврат «настоящей политики». В этом понимании за пределами политического процесса оказывается как раз системная политика, которая в трактовке несистемной оппозиции представляет собою имитацию деятельности демократических институтов и выполняет функцию легитимации авторитарной власти [35].

ВЫВОДЫ

Выводы исследования. С учетом изложенного, можно констатировать, что хотя между действующей властью и несистемной оппозицией в России, а демократических государствах и системной оппозицией, всегда существует дисбаланс интересов на политическом поле, в целом, положительная роль этого института в обществе очевидна и в демократических обществах не оспаривается. Эффективная деятельность оппозиции ограничивает власть от различных злоупотреблений, нарушения гражданских и политических свобод индивидов, гарантирует поддержку социальной стабильности. От того, насколько диалог правящей и оппозиционных партий и общественных движений носит конструктивный характер, во многом зависит политический климат в обществе.

История свидетельствует, что всегда лучше для общества существование политического плюрализма, чем тоталитарный политический режим или диктатура. Политический плюрализм — это функционирование многообразных политических сил и конкуренция между ними за представительство в органах государственной власти. Политический плюрализм – это демократия, идеологическое многообразие, свобода слова и СМИ, многопартийная система, реальная политическая оппо-

зияция, честные и свободные выборы, независимые от государства институты гражданского общества.

В настоящее время в мире существуют системы крайнего (поляризованного) политического плюрализма, например во Франции, Италии и других странах. Во Франции на сегодня зарегистрировано 45 политических партий, которые участвуют в выборах. Все они объединены в следующие блоки: крайне правые – 5 партий; правые – 6 партий; центристские – 7 партий; левоцентристские – 4 партии; левые – 9 партий; крайне левые – 4 партии; регионалистские – 7 партий и другие – 3 партии. В этом списке есть партии, которые открыто выступают против существующей политической системы Франции и есть партии, которые между собой придерживаются полярно противоположных идеологий: от крайне правых (Национальное объединение - ультраправая националистическая партия) до коммунизма и троцкизма-маоизма (Марксистско-ленинская коммунистическая организация – маоистская организация, созданная в 1976 году). И как свидетельствуют, сложившиеся во Франции политические практики, система крайнего (поляризованного) политического плюрализма, реально действующая в стране, никоим образом не ущемляет основные политические и экономические права и свободы французских граждан.

Поэтому мы согласны с английским политическим философом З. Бауманом в том, что «... плюрализм современного цивилизованного общества - это хорошая вещь и благоприятное обстоятельство, так как он предлагает выгоды, намного превышающие причиняемые им неудобства и беспоконие, расширяет диапазон возможностей для человечества и делает жизнь в целом более привлекательной... что достигается... путем противоборства, спора, переговоров и соглашений о ценностях, предпочтениях, выбранном образе жизни и идентичности множества разных, но всегда самоопределяющихся членов полиса» [36].

На наш взгляд, в этом и заключаются значимость, ценность и инструментальные качества плюрализма, а игнорирование Властью демократических ценностей может привести любое государство к тоталитаризму или диктатуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Отв. ред. О.И. Чистяков. М., Юридическая литература, 1994. С.41.
2. Белозёров В. К. Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 4 (30). С. 109–113.
3. Трофимов А.В., Плюйко Д.В. Власть и оппозиция в годы Гражданской войны на востоке России: современная Российская историография // Известия УрГЭУ. №6(44). 2012. С.25-30.
4. Саламатова М.С. - Большевизм и оппозиционные партии на выборах в Советы: способы формирования однопартийной политической системы (1918 – 1923) // Genesis: исторические исследования. 2020. № 2. С.50- 68.
5. Емельяненко В. В. Нужен ли в России закон о российской нации // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2017/03/28/sociolog-o-tom-nuzhen-li-v-rossii-zakon-o-rossijskoj-nacii.html>.
6. Зелетдинова Э. Оппозиция и стабильность политического процесса в России // Власть. 2013. № 11. С.11- 16.
7. Интервью В.Путина журналисту Павлу Зарубину в эфире телеканала «Россия» от 14 ноября 2021 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ria.ru/20211114/putin-1758991941.html>.
8. Балашиха Л.В. Реализация концептов «свой-чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика 1 (47). 2014. С.40-50.
9. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С.35-67.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999. С.45.
11. Дихотомия - раздвоенность, последовательное деление на две части, более связанные внутри, чем между собой и это, в свою очередь, приводит к тому, что делимое понятие полностью делится на два взаимоисключающих понятия.
12. Моница Н.П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. № 6 (25) 2010. С.289-291.
13. Ищенко Н.С. Образный принцип интеграции культурных форм: дополнение к классификации П.А. Сорокина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. №

2. С. 6.
14. Подробнее см.: «Егоров В.К. Ещё раз об оппозиции «свой-чужой» // Communicology. 2020. Vol.8. №1. С. 138-154.
15. Феррони В.В. Три лица другого: «другой», «иной», «чужой» // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2012. № 1. С.112-130.
16. Балашиха Л.В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С.40-50; Карасик В.И. Адресатная специализация в разных типах дискурса // Языковые процессы в эпоху глобализации: Материалы Международного научного семинара (Москва, 22 декабря 2016 г.). М.: МГПУ, 2016. С. 79-86 и др.
17. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникация и ее генеральная пара: власть и оппозиция // Теория и практика общественно-научной информатики. Политологические науки. № 19. 2004. С.134-145.
18. Топольская И.А. Дискурс системной и несистемной оппозиции: к постановке проблемы // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», 2020.
19. Подробнее см.: Синельникова Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 10. С.34-38..
20. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С.8.
21. Шевцова Л. Деградация // Новая газета. 01.12.2010. № 135. С.8-9.
22. Подробнее см.: Савенков Р.В. Публичное оспаривание в политическом пространстве современного государства: автореф. дис... д-ра полит. наук: 23.00.02. Воронеж, 2022. 357 с.
23. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. С. 9.
24. Столяров А.А. Зарубежные пар-стратегии в предвыборной практике российской оппозиции // Политическая лингвистика. № 1 (47). 2014. С.191-200.
25. Молокова М.А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: проблемы и вызовы // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С.173-179.
26. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Деструктивность в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С.161-178.
27. Бугаева Н.В. Заговор Катилины в «Памятной книге» Луция Амеллия // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 2011. № 2. С.3-19.
28. См.: Карамзин Н.М. «История государства Российского. Том 9. Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1560-1584 гг.». - М., «Мир книги», 2003. 183 с.
29. Душенко К. Пятая колонна // Вестник культурологии. № 2 (85). 2018. С.93-97.
30. В.Путин объяснил разницу между оппозицией и «пятой колонной» // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/54926b0f39a79476474d006d8>
31. Зюганов Г. Дать отпор «пятой колонне»! // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rline.tv/news/2022-04-20-gennadiy-zuganov-dat-otpor-pyatoy-kolonne-/>
32. Лазарева Е. Интервью от 16.04.2022 г. «С.Миронов: кого Путин считает «пятой колонной» в России» // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ura.news/articles/1036284398>
33. Коротков С. Н. Буржуа-Монтаньяр в революции : взгляды и деятельность Жозефа Камбона; Политические деятели античности, средневековья и нового времени. Индивидуальные и социально-типические черты: межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 73-79.
34. Кадыров назвал внесистемную оппозицию врагами народа» Интерфакс от 12 января 2016 года // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.ru/russia/489275>
35. Кузнецова О. А., Михайлов Д. А. Российская несистемная оппозиция в контексте стратегии деполитизации // Развитие территорий. 2018. № 2 (12). С.27-32.
36. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С.191.

Received date: 01.12.2022

Revised date: 12.12.2022

Accepted date: 25.12.2022

УДК 327

DOI: 10.57145/27128482_2022_11_03_09



©2022 Content доступен по лицензии CC BY-NC 4.0
This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СООТНОШЕНИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ЕС

© Автор(ы) 2022

МОРОЗОВ Максим Константинович, аспирант,

Факультет международных отношений

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, morozovmax1711@yandex.ru

SPIN: 1325-3900

AuthorID: 1140760

ORCID 0000-0001-9666-4124

Аннотация. Пандемия коронавируса обнаружила как противоречия подходов игроков-членов ЕС к выходу из кризисной ситуации, так и разногласия их видения ряда основ европейской интеграции. В данной работе автор исследует связь антикризисного реагирования с основами внешней политики ЕС и его членов и выявляет на основе данной связи, на какие фундаментальные процессы внутри ЕС указывает эта связь. Составляются сценарии развития ЕС после пандемии и делаются выводы о перспективах его трансформации. Автором выделены такие проблемы, как роль используемой Европейским Союзом мягкой силы во внешней политике во время пандемии, следование государствами и наднациональными структурами Евросоюза принципу многосторонности во внешней политике, соотношение сил внутри ЕС между «центральными» и «периферийными» игроками в период пандемии коронавируса, противоречия между разными принципами регулирования и восстановления экономики в период кризиса, влияющие на сближение и размежевание государств ЕС, разное отношение европейских игроков к отношениям с партнёрами Евросоюза, процессы регионализации Европы. Автором выдвинуты сценарии координации внешних политик Евросоюза в условиях разных способов консолидации ЕС в период кризиса как одного из ведущих игроков и центров силы на международной арене.

Ключевые слова: европейская интеграция, внешняя политика, многосторонность, пандемия, регионализация, европейская солидарность, экономическая политика, наднациональное регулирование, центр влияния, периферия.

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE RATIO OF SUPRANATIONAL AND NATIONAL COMPONENTS OF EU FOREIGN POLICY

The Author(s) 2022

MOROZOV Maxim Konstantinovich, post-graduate student,

School of International Relations

Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, morozovmax1711@yandex.ru

Abstract. The coronavirus pandemic revealed both contradictions in the approaches of the EU states to overcoming the crisis situation, and differences in their vision of a number of foundations of European integration. In this paper, the author examines the relationship between the anti-crisis response and the European Union foreign policy framework and identifies on the basis of this relationship. The author makes an attempt to figure out which fundamental processes within the EU indicate this relationship. The author also draws up scenarios of the European Union's development after the pandemic. Conclusions are drawn about the prospects for the transformation of European Union. The author highlights issues such as the role of soft power used by the European Union in foreign policy during the pandemic, adherence by states and supranational structures of the European Union to the principle of multilateralism in foreign policy, the balance of forces within the EU between "central" and "peripheral" players during the coronavirus pandemic, contradictions between different principles of regulation and economic recovery during the crisis, affecting the rapprochement and the separation of EU states, the different attitudes of European players towards relations with EU partners, the processes of regionalization of Europe. The author has put forward scenarios for coordinating the EU's foreign policies in the context of different ways of consolidating the EU during the crisis as one of the leading players and centers of power in the international arena.

Keywords: European integration, foreign policy, multilateralism, pandemic, regionalization, European solidarity, economic policy, supranational regulation, center of influence, periphery.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема, поднимаемая автором статьи, заключается в следующем: реакция государств Евросоюза на события пандемии демонстрирует разнонаправленность ранее взаимосвязанных тенденций, проявившихся при развитии этой политической структуры до начала данных событий. Поэтому необходимо выявить, какие из этих тенденций могут возобладать при развитии политических процессов на европейском пространстве, и какие сценарии будущего Евросоюза после пандемии можно ожидать. Наиболее значимым аспектом проблемы является соотношение национального и наднационального во внешней политике стран ЕС при данных процессах.

Решение данной проблемы значимо потому, что помогает установить взаимосвязь между последними событиями пандемии, повлиявшими на политическую жизнь Евросоюза, и ключевыми трендами его политического развития, подчёркиваемыми как теорией международных отношений, так и изученным в научной литературе эмпирическим материалом, а значит, может помочь сделать выводы о том, как взаимодействовать с ЕС во время и после пандемии, исходя из структурных особенностей его развития. Кроме того, оно даст возможность выявить

направление развития Евросоюза в контексте последних и предстоящих событий на Украине.

Научная литература, посвящённая проблеме, особенно её анализа авторами научных публикаций

Среди работ, посвящённых данной теме, следует выделить работу А. Шумилина о роли фактора пандемии во внешней политике ЕС, где говорится о том, как пандемия отразилась на геополитических приоритетах членов Евросоюза; работу Цзинь Лин о влиянии пандемии на европейскую интеграцию, посвящённую разногласиям внутри ЕС, порождённым реакцией на пандемию, которые могут обостриться и после неё; работу А. Громько о взаимосвязи пандемии и основных тенденций развития международной системы, где говорится о возможной будущей регионализации ЕС; работу А. Колибасану о возможных особенностях развития Евросоюза после пандемии, в которой комплексно рассмотрены конкретные расхождения между европейскими игроками из различных регионов по поводу тех или иных политических проблем. В своей работе о роли Евросоюза в процессах пандемии Д. Мэтью даёт общую картину реакции органа Евросоюза на пандемию, делая акцент на том, как характер данной реакции был предопределён документа-

ми, регламентирующими работу институтов ЕС. Далее, следует отметить проанализированные М. Леонардом в статье о геополитике «Зелёной сделки» предпосылки имеющегося на данный момент как геополитического «сплочения» Евросоюза, так и разногласий внутри него, проявившихся в период пандемии. Важной является работа Яна Бонда о коронавирусной пандемии, делающая акцент на консолидированной внешней политике ЕС в период пандемии, которая в большей степени должна быть направлена на сотрудничество с другими регионами мира. На меньшую консолидированность внешних политик ЕС в период коронавируса указывает Цзинь Л., обращая внимание на противоречия «центральных» и «периферийных» стран ЕС. Тенденция регионализации в развитии ЕС в период пандемии подчёркнуто в статье А. А. Громыко о пандемии и кризисе системы международных отношений. Т. Самур в статье о вызове коронавируса для Европы делает акцент на углубившейся интеграции политик Евросоюза, правда, не во всех сферах. Н. Кавешников, описывая сценарии развития ЕС после пандемии, выделяет положительный и негативный прогнозы будущего европейской интеграции. С. Денниссон в своей статье об отношении населения ЕС к наднациональным структурам фиксирует колебания уровня доверия в период пандемии. Большую остроту вопроса о доверии к общей внешней политике ЕС поднимает и И. Крастев в работе о поляризации европейской политики в период пандемии. А. Дворкин в своём анализе внешней политики ЕС в статье о принципе многосторонности указывает на сохраняющуюся актуальность принципа многосторонности. Кристоф Мейер, исследуя влияние пандемии на оборонную политику ЕС, замечает большую степень её координированности, чем ранее. А. Э. Моравчик делает акцент на прагматизме и своевременности решений европейских наднациональных органов в статье «Почему Европа побеждает»? Наконец, М. Цаба в своей статье о выборе внешней политики ЕС после пандемии указывает на особую роль «центральных» акторов внешней политики ЕС в период пандемии, в частности, Германии. Общие тенденции для указанной выше литературы – в том, что в ней подчёркивается структурная взаимосвязь как между действиями отдельных акторов Евросоюза как целостного политического образования, внутри которого заключены динамические тенденции развития, так и между ЕС и внешними игроками международной системы: данная взаимосвязь рассматривается в контексте последних событий пандемии. Тем не менее, не было выявлено решение такой проблемы, как выявление перспектив трансформации Евросоюза, зависящих от способа разрешения фундаментальных противоречий, лежащих в основе внешней политики ЕС, в контексте событий пандемии. Также не были определены последствия этой трансформации именно для соотношения наднационального и национального во внешней политике единой Европы.

Актуальность исследования

Актуальность данного исследования заключается в том, что пандемия обнажила хрупкость европейского интеграционного проекта из-за сложившихся к настоящему моменту практик политического управления и особенностей европейской интеграции. Выходом из ситуации могут стать как углубление интеграции внешних и внутренних политик, так и усиление национального компонента внешней политики в ущерб наднациональному. При этом исход событий на Украине в значительной мере определит тот фактор, который для государств Евросоюза окажется предпочтительным в выборе стратегии общеевропейской внешней политики, и события пандемии заложили основу трансформации, которая завершится после «украинского кризиса». Евросоюз может трансформироваться в объединение государств, основанное не на наднациональном единстве, а лишь на общности стратегических интересов этих государств. Второй вариант – углубить трансна-

циональную интеграцию. Значение статьи – в том, что она предусматривает оба сценария и на основании этого предлагает комплексное рассмотрение разнонаправленных тенденций развития ЕС в различных их комбинациях. Практическое значение исследования заключается в следующем: проведённый анализ тенденций даёт возможность при взаимодействии с государствами ЕС учитывать самые разные представленные в статье варианты решения ими своих внешне- и внутривнутриполитических проблем, а значит, сделать стратегии взаимодействия с ЕС более вариативными. Общим для обоих сценариев является трансформация ЕС как международного актора, на которую повлияет пандемия и которая станет неизбежной тенденцией развития ЕС в будущем.

Вклад автора в науку: обозначены сценарии, перспективы и тренды развития европейской интеграции в области внешних политик в период пандемии коронавируса и в ближайшем будущем.

МЕТОДОЛОГИЯ

Цель исследования

Цель проведённой работы: выявить особенности влияния пандемии на внешнеполитический курс стран-членов ЕС, в частности, на их приверженность общеевропейскому и национальному компоненту внешней политики и сделать выводы об их вероятном соотношении в будущем.

Используемые методы, методики и технологии

Автором работы использован системный метод, причём объектом анализа является ЕС как субъект внешней политики, который одновременно рассматривается как система. На основании системного метода выявляются особенности внешнеполитического поведения данного субъекта в период пандемии. На эмпирических примерах автором выявляются проблемы, характерные для целостного ЕС, и делаются прогнозы о том, как данные проблемы повлияют на совместную корректировку внешнеполитического курса его отдельных игроков. Т. е. устанавливаются взаимосвязи между уровнями ЕС как системы: единой внешней политикой Евросоюза и внешней политикой его элементов.

Также автором используется метод построения сценариев. Автором выделены характеристики внешней политики ЕС и его членов и, на основании выделения вероятных способов объединения внешних политик стран ЕС и характеристики его будущей роли как центра силы в мире, построены 3 сценария развития внешней политики ЕС после пандемии.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изложение и обоснование основных положений авторского исследования

Результаты проделанной автором работы: определены единицы, приобретающие ключевую роль в мировой политике во время и после пандемии – государства, и выявлены направления структурной трансформации ЕС, которые могут возникнуть, и перспективы их развития.

Основная концепция, предложенная автором статьи – это рассмотрение «констант» внешней политики и особенностей действий Евросоюза и его членов, как акторов системы международных отношений, изученных в научной литературе, сквозь призму последних событий пандемии, а также определение перспектив и возможных сценариев или вариантов трансформации ЕС как внешнеполитического актора в результате этих событий.

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, НА КОТОРЫЕ УКАЗЫВАЕТ ПАНДЕМИЯ

Проблема соотношения национального и наднационального компонентов внешней политики Евросоюза во время событий пандемии касается двух основных аспектов: во-первых, отношения государств ЕС друг с другом и, во-вторых, общий вектор внешней политики Евросоюза. На обоих направлениях ЕС может дей-

ствовать двумя способами: координацией национальных политик стран-членов и решением внутренних и внешнеполитических проблем ЕС на наднациональном уровне. Для того чтобы определить, какие противоречия наднациональной и национальной европейской политики в период пандемии проявились наиболее остро и какие способы их решения следует ожидать, необходимо, во-первых, рассмотреть общие проблемы развития ЕС как целостной структуры в период пандемии; во-вторых, проанализировать, как пандемия повлияла на процесс согласования внешнеполитических интересов государствами-членами Евросоюза в отношении внешних партнёров ЕС; в-третьих, обратить внимание на то, как внутренние проблемы ЕС как регионального игрока влияют на внешнеполитические противоречия его членов. Указанные «уровни политики», анализ которых подтверждает, что именно на них проявляются одновременно и национальные, и наднациональные компоненты внешней политики ЕС, необходимо рассмотреть для комплексного видения политики Евросоюза как целостного объединения в период пандемии.

В первую очередь следует рассмотреть общие проблемы ЕС как целостной структуры в период пандемии. Следует перечислить следующие вызовы, появившиеся перед ЕС. Евросоюз не должен принести в жертву наднациональному управлению интересы ни одного из национальных государств; распределение собранных средств должно оборачиваться большей экономической эффективностью, чем их накопление индивидуальными участниками ЕС; все социальные структуры, существующие внутри государств-участников, должны выжить. Анализ показывает, что игроки не отказывают Брюсселю в доверии при решении этих задач, но, в то же время, пандемия обострила европейские внутрирегиональные противоречия. Поэтому в будущем это может привести к трансформации ЕС как внешнеполитического субъекта в сторону регионального блока либо просто союза государств, или к постепенному уменьшению изначальной роли Евросоюза как единого общеевропейского объединения при постепенном росте частных (т. е. не общеевропейских) региональных объединений. Главным результатом этого процесса может стать трансформация «мягкой силы» Европейского Союза и снижение степени активности её им применения с целью экспорта собственных норм во внешний мир. Сохранение же Евросоюза в текущем формате также возможно, но при двух условиях: сценарий с «мягкой силой» по-прежнему может играть значимую роль, а руководство Брюсселя найдёт ресурсы для продолжения интеграционных процессов, учитывающих интересы европейских игроков на новом уровне.

ЕС ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: КАК ИМЕННО МОГУТ БЫТЬ РАЗРЕШЕНЫ ПРОТИВОРЕЧИЯ?

Следующий проблема, на которую нужно обратить внимание: как государства ЕС согласовывают внешнюю политику в отношении к внешним игрокам мировой политики в период пандемии? Рассматривая фактор отношений стран ЕС с другими игроками, обратим внимание на то, что единый внешнеполитический потенциал ЕС использовался Брюсселем в период пандемии в соответствии с принципами солидарности и многосторонности. Так, Жозеп Боррель отметил, что первостепенной задачей для ЕС является оказание помощи различным государствам, как соседям, так и находящимся в отдалённых регионах (Боррель Ж. [1]). Такая стратегия направлена на укрепление и расширение самого ЕС, рост его авторитета посредством использования «мягкой силы», поскольку этот принцип более ценен для единого ЕС, чем для его членов по отдельности. Вместе с тем, государства-члены ЕС могут воспринять данную стратегию как укрепление их внешнеполитического влияния, так и как нецелесообразную растрату сил.

При этом пандемия усилила потребность Европы в

применении «мягкой силы» (Шумилин А. А. [2, с. 14]). Учитывая, что ключевые игроки ЕС, опирающиеся на мягкую силу – Германия, Франция, Италия – зависят от общеевропейской мягкой силы, маловероятен их отказ разделить общеевропейскую внешнеполитическую стратегию по предотвращению распространения COVID-19, но возможна попытка её корректировки для большего соответствия индивидуальным усилиям этих игроков. Что касается принципа солидарности, то он в целом не теряет своего значения в процессе пандемии, однако оказался частично поколеблен в свете развернувшихся событий пандемии в связи с усилившимся значением принципа локального регулирования (Оганисян Л. [3, с. 7]).

То, что пандемия коронавируса приобрела глобальный характер, повлияло на восприятие государствами Евросоюза частных геополитических проблем как более важных, чем некоторых глобальных, к которым относится пандемия. Причина этого – в том, что пандемия стимулировала государства ЕС сосредоточиться на фундаментальных вызовах безопасности, коими оказались вызовы частные. Приведённое выше суждение иллюстрируется участвовавшими в период пандемии внешнеполитическими разногласиями стран ЕС. Разное влияние геополитической нестабильности в соседних и иных странах на разных членов ЕС может вызывать разногласия по поводу того, кому из них следует оказывать поддержку. Возможность этого, с одной стороны, подтверждается тем, что подобные прецеденты уже были. Так, примером разногласий, которые могут обостриться в период пандемии и после неё, стала разная позиция Франции и Германии по поводу НАТО: стремление Франции к большей независимости от евроатлантического альянса породило тенденции формирования у Парижа позиции, согласно которой помощь традиционным союзникам НАТО должна была стать более умеренной. Предметом противоречий между этими игроками стала также ситуация в Ливии: Франция высказала симпатии фельдмаршалу Х. Хафтару, что не устраивало Берлин. Наконец, следует упомянуть разность позиций европейских государств по поводу Сирии: в то время как Франция и Германия высказали жёсткое неприятие режима Башара Асада, Италия, Чехия и Австрия заняли более мягкую позицию (Matthew D., Townend R. [4, с. 99]). Из-за этого пандемия может обострить противоречия крупнейших континентальных игроков, являющихся ядром евроинтеграции. Причиной этого стало то, что из-за обострения пандемии государства, в том числе и европейские, переключили свой «фокус внимания» на «ближайшую» проблему для акторов международных отношений – обеспечение безопасности населения государства-нации, в ходе чего выяснилось, что обеспечение интересов отдельных государств более значимо, чем до этого предполагалось. С другой стороны, проявившиеся на протяжении украинского кризиса тенденции международной поляризации и стремление ЕС интенсифицировать внешнеполитическое сотрудничество с США создаёт перспективу обновления процессов евроинтеграции и выхода их на новый уровень. Тем не менее, следует отметить, что и острота противоречий в таком случае станет большей, и хрупкость европейского проекта обнаружит себя вновь, что говорит о продолжении развития тенденций, заложенных при начале пандемии, в дальнейшем.

Сгладить противоречия способен принцип многосторонности, но следует учитывать, что он сам зависит от геополитической повестки дня, задаваемой ведущими игроками ЕС. Его конкретность тесно связана с геополитическими интересами этих игроков, и попытка трактовать данный принцип как знаменатель, общий для всех этих интересов, ведёт к росту аморфности ЕС, и потому европейские государства не торопятся сделать его исходной точкой соглашения хотя, вероятно, украинские события подтолкнули европейские элиты к работе в дан-

ном направлении. В пользу того, что помимо многостороннего подхода ЕС способен в будущем ориентироваться и на другие внешнеполитические стратегии, говорит приверженность руководства ЕС принципам «всеобъемлющего подхода» [5, с. 20], который является несколько более «абстрактным» для последовательного объединения усилий. Заключённое соглашение о правилах сотрудничества агентства Евросоюза Frontex с Молдавией [6] является показателем того, как страны ЕС готовы налаживать взаимодействие всего сообщества с отдельными игроками, являющимися традиционными партнёрами Евросоюза. Пандемия в силу естественных причин ограничила контакты ЕС с внешними игроками, и потому, проявив себя как неожиданно появившийся вызов безопасности нового типа, заставила ЕС «протестировать» новый подход к внешним связям, опыт использования которого может пригодиться при возникновении новых, до этого не рассматривавшихся, вызовов, а также неожиданных ситуаций политической турбулентности. Необходимость согласовывать оперативные планы действий демонстрирует, что ЕС стремится теперь не столько развить множественность контактов по различным вопросам, сколько сохранить и укрепить традиционные связи, а меняющаяся архитектура миропорядка и возможный экономический ущерб от пандемии и украинских событий определяют ту меру, в которой принцип многосторонности можно будет сочетать со стратегией укрепления связей.

Особенно значимой указанная проблема является в контексте того, что ЕС требуется выработать единый подход к реализации «Зелёной сделки» во взаимодействии с соседними государствами (Леонард М., Пизани-Ферри З. [7, с. 226]), и, следовательно, в процессе корректировки единого внешнеполитического курса ЕС появляется дополнительная трудность, разрешение которой может замедлить интенсивность евроинтеграции и временно поставить под вопрос геополитическую цельность ЕС. В период пандемии процесс реализации «Зелёной сделки» столкнулся с экономическими трудностями, которые ограничивают энтузиазм отдельных европейских государств в её реализации. Тем не менее, руководство ЕС по-прежнему не отказывается от следования принципу многосторонности (Bond I. [8, с. 1]).

Наконец, третья проблема, на которую нужно обратить внимание: обозначенные противоречия национального и наднационального касаются не только внешних связей ЕС, но и отношений между его членами, поскольку Евросоюз является игроком, сочетающим в себе черты межнационального и наднационального регулирования. Важно понимать, что попытки наднационального регулирования внутренних европейских проблем сталкиваются с желанием отдельных игроков ЕС извлечь наибольшие выгоды для себя из этого регулирования, иногда даже в ущерб «общим» интересам Евросоюза. Возникает и противоречие между наднациональным видением данных выгод и представлением отдельных европейских акторов о будущем Евросоюза. Европейский союз пытается ввести меры экономии для отдельных государств как условие предоставления помощи, что вызывает протест данных игроков, а также становится причиной раскола внутри ЕС, что, безусловно, подрывает европейскую солидарность. Пример – желание Германии предоставлять помощь южным странам ЕС на основе жёсткой экономии, чтобы уравновесить вклад различных членов Евросоюза во взаимную помощь. Это, естественно, вызвало протест южных стран (в том числе Италии, Испании) (Цзинь Л. [9]). Таким образом, пандемия вызвала формирование внутри ЕС двух позиций: вклад национальных государств в единые социальные фонды либо опоры на самостоятельное национальное экономическое развитие.

Среди проблем, которые обострила пандемия – взаимосвязь неолиберальной экономической глобализации с регулированием социальных проблем, возникающих в

результате распространения пандемии. С одной стороны, экономический коллапс, порождённый COVID-19, вызывает потребность быстрого экономического восстановления стран, от него пострадавших. В связи с этим, можно считать, что экономический неолиберализм, лежащий в основе политики ЕС, не будет исключён из текущей повестки дня рядом правительств, а потому может сыграть определённую роль в попытке восстановления экономики после кризиса. С другой стороны, именно кризисное регулирование не может обойтись без вмешательства государства в экономическую жизнь. Причина этого – в том, что разные игроки внутри ЕС характеризуются разным состоянием экономики в условиях пандемии, и потому требуют разных, в зависимости от национальных особенностей, мер реагирования на ситуацию. Тем не менее, в последнее время появляются признаки того, что происходит экономическая консолидация ЕС на наднациональной основе, в связи с появлением 3 марта 2022 г. решения специализированного Комитета по рыболовству об утверждении рабочей группы для обсуждения соответствующих вопросов между ЕС и Великобританией, что можно оценивать как одну из мер приготовления к вероятному предстоящему экономическому кризису, возникающему из-за последних событий на Украине [10], поэтому возникает противоречие между порождёнными пандемией разногласиями и порождённым «украинским кризисом» стремлением к единству. Поэтому ответ на вопрос о том, как одновременно поддержать социально незащищённые группы населения и избежать резкого экономического падения, может быть связан с тем способом, которым ЕС будет совмещать оба направления экономического регулирования. Уменьшившийся в связи с украинским кризисом объём внешнеэкономических связей, а также необходимость распределять резервные средства на сохранение и продолжение развития крупного производства на приемлемом уровне ведёт к укреплению торговых связей с традиционными партнёрами (о чём говорит продление экономического Плана действий ЕС – Израиль в марте 2022 г.) [11]. Что касается внутренних резервов ЕС, то неразрешённая при пандемии проблема теперь ещё больше усугубится, и в дальнейшем два этих фактора (коронавирус и последствия кризиса на Украине) совместно приведут к попыткам экономического объединения ЕС, которые могут обернуться сохранением и одновременным сокращением транснационального экономического пространства, в котором европейский капитал имеет влияние, а также логикой регионализации и раскола. То, что европейский фонд NextGeneration в качестве мер финансирования ЕС отводит одновременно и экономии в виде точечного выделения средств на конкретные проблемы [12, с. 4], и помощь всем возможным игрокам, говорит о том, что Евросоюз собирается совмещать в своей политике различные тенденции. Однако получится ли это сделать, учитывая то, что непредсказуемость пандемии может лишить Евросоюз такой возможности, и ключевые игроки ЕС, ответственные за возможность выделения подобных средств, откажутся продолжать делать это даже для решения наиболее значимых проблем ЕС? Наиболее богатые игроки Евросоюза будут испытывать меньше проблем с решением обоих проблем. Поэтому они вполне приемлют традиционные для Евросоюза меры, заключающиеся в помощи менее развитым акторам при условии соблюдения теми принципов жёсткой экономии. В свою очередь, последние будут стремиться добиться от Евросоюза большей помощи на более мягких условиях. Тот есть более развитые страны будут стремиться сохранить традиционный Евросоюз, в то время как менее развитые – трансформировать его. Таким образом, солидарность как взаимопомощь проявилась в ЕС достаточно ограниченно: системно значимую для каждого из государств экономическую взаимопомощь европейские государства оказались готовы применить в ограниченных масштабах, в отличие от не

обладающих таким системным значением медицинских поставок [13, с. 1].

В условиях пандемии Евросоюз стремился к обновлению экономики путём продолжения и углубления экономической интеграции и обновления экономик стран-членов. Основой данной стратегии стала ориентация на зелёный курс. Тем не менее, уже в начале этого года появились заявления экспертов и представителей европейских стран о негативных экономических последствиях ряда мер зелёного курса для сельского хозяйства [14]. Такого рода действия чреваты отсутствием учёта стремления национальных государств-членов Евросоюза стабилизировать свою социально-экономическую ситуацию и потому могут привести к протекционизму [13, с. 9]. В результате Евросоюз может потерять базу экономического единства, которая была основой предшествующей опоры национальных игроков на наднациональное управление, что может привести, по крайней мере, к временному нарушению европейского единства и солидарности. Следует отметить, тем не менее, и возрастающую консолидацию ЕС в связи с украинскими событиями, главным препятствием которой может стать, опять-таки, разная база восстановления экономик стран-членов: в плане восстановления экономики Швеции после пандемии [15], одобренный Еврокомиссией, сделан акцент на цифровой переход и зелёную повестку, но эти традиционные для Евросоюза темы могут перестать быть преобладающими для других, крупных государств ЕС.

Наряду с экономической сферой, в период пандемии стал актуален вопрос об интеграции в сфере здравоохранения, однако здесь разногласий между членами ЕС несколько меньше (Громыко А. А. [16, с. 2]).

Попытка сохранить преимущества от широкого оборота капитала в условиях пандемии, порождённые глобализацией, и одновременно привлечь государственные структуры к регулированию ведёт к регионализации (Samur T. [17, с. 8]), поскольку региональные союзы в большей степени отвечают логике политического реализма. В этом смысле, Европейский союз может стать жертвой логики регионализации (в случае, если сохранит традиционную внешнеполитическую субъектность), либо трансформироваться в сторону регионального объединения/ союза государств.

БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ ЕС: СЦЕНАРИИ И ТРЕНДЫ

После рассмотрения трёх главных проблем, которые наиболее важны в контексте отношений наднационального и национального аспектов внешней политики ЕС, приступим к освещению возможных трансформаций Евросоюза, которые могут возникнуть в результате реакции ЕС на данные проблемы. Главная проблема, на которую указывает пандемия – это усиление роли национального государства в системе международных отношений в целом и в ЕС в частности. Поэтому ЕС будет развиваться либо в сторону дальнейшей интеграции, учитывающей данный интерес в большей степени, либо в сторону размежевания отдельных национальных государств и опоре на блоковые принципы; как вариант, возможно сочетание обеих тенденций при некотором ограничении роли ЕС в глобальных процессах.

Общим для всех трёх сценариев является увеличивающаяся при наступлении пандемии роль государственного регулирования. Именно период пандемии обострил вопрос о доверии граждан Европы к своим правительствам (Krastev I., Leonard M. [20]), и последние получают шанс зарекомендовать себя в их глазах, поскольку государство должно стать ключевым игроком, ответственным за выход из кризиса. Различные сценарии основываются на том, какого рода структурам акторы, действующие внутри ЕС, отдадут предпочтение для обеспечения Евросоюзом международного влияния: отдельным национальным государствам, их региональным объединениям, транснациональным и наднациональным акторам. Решения внутренними силами ЕС, какие именно механизмы зарекомендовали себя лучше всего и, следова-

тельно, будут применяться в дальнейшем (Colibasanu A. [21]), определит характер данной трансформации после пандемии и будет иметь системное значение в мировой политике.

Первый сценарий	Второй сценарий	Третий сценарий
<p>Первый сценарий, который следует выделить – это консолидация ЕС при условии его регионализации как международного актора. Данный сценарий предполагает трансформацию ЕС при сохранении традиции европейской солидарности. Он означает, что это единство больше не будет обеспечено экспансией неоллиберальной модели глобализации вове, но будет сформировано посредством развития союзнических отношений между государствами. Наднациональные структуры при этом могут сохранить свою роль, однако изменится их целеполагание. Если до этого целью было формирование транснациональной системы, которое объединение государств только обслуживало, новой целью станет защита демократических государств Европы их совместными усилиями. Для этого необходима особая роль наиболее развитых государств Европы: они будут «задавать тон» во внешней политике, а обладающие меньшим потенциалом игроки будут следовать в их фарватере, не теряя при этом возможности оспаривать их решения. То есть сформируется система «ядра и периферии» Кавешников Н. [18]. То обстоятельство, что уже и население центральных игроков Евросоюза (например, Германии) в пандемийный период заметно понизило свой уровень доверия к институтам ЕС (Dennison S., Pугleirin J. [19]), может сыграть в пользу того, что эти центральные игроки могут взять на себя новую роль в Европейском регионе.</p>	<p>Второй сценарий – это разобщённый ЕС, подверженный региональной трансформации. Страны-члены ЕС имеют разную позицию по поводу распределения средств, а также готовы выстраивать отношения с разными игроками за пределами ЕС: часть из них ориентирована на традиционных союзников НАТО, часть – на игроков, представляющих альтернативные центры силы. Данные внешнеполитические ориентации затрудняют формирование единой наднациональной повестки дня. При этом сохраняются внутрирегиональные экономические связи, которые служат основанием некоторой координации внешних политик. При этом внутри ЕС разные игроки будут высказывать разные точки зрения о том, чем именно обеспечить это единое экономическое развитие, то есть посредством связей с какими игроками. В результате можно сказать, что ЕС будет представлять собой аморфный центр силы, наднациональный уровень внешней политики которого подвержен центробежным национальным и региональным тенденциям, а существование в качестве самостоятельного центра силы может продлиться в зависимости от того, насколько мировая динамика будет задавать обострение конкуренции центров силы и порождаемый этой конкуренцией рост их потенциалов, создающий баланс сил не в пользу ЕС.</p>	<p>Наконец, третий сценарий – сохранение единства ЕС в условиях закрепления за ним роли глобального центра силы, при этом его главной целью будет поддержание транснациональных экономических связей во всём мире в максимально доступном объёме. В этих условиях ЕС сохраняет за собой роль глобального центра силы. Но условием данного сценария является углубление интеграции с большим учётом национальных интересов стран-членов. Главным отличием от первого сценария является то, что Евросоюз станет своего рода транснациональной империей, а не региональным союзом государств.</p>

Пандемия также продемонстрировала, что ЕС не проявил намерения отказываться от принципа многосторонности (Dworkin A. [22]). Тем не менее, его направление может быть скорректировано, и объём связей предполагается несколько меньший, чем ранее. Этот принцип как объединяет, так и разъединяет игроков ЕС, и реакция на него является определяющей для того, по какому из указанных сценариев сложится его дальнейшее раз-

витие. Фактически, сохранение приверженности этому принципу в полной мере означает сохранение характера развития ЕС либо, по крайней мере, европейского единства, в то время как отказ от него означает либо трансформацию, либо разобщение.

ОБСУЖДЕНИЕ

Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.

Сравним полученные результаты с результатами в других исследованиях на нескольких примерах.

Аналитическая статья «Как кризис COVID-19» повлиял на безопасность и оборонительные аспекты Европейского Союза», написанная коллективом авторов, представляет собой рассмотрение влияния коронавирусной пандемии на различные аспекты европейской политики, причём для выявления этого влияния использовался прогностический метод (в частности, построение сценариев), а также, анализ документов. В статье Эндру Моравчика «Почему Европа побеждает» используются системный и сравнительный анализ для выявления того, какой внешнеполитический курс Евросоюза сформировался за последние годы. Э. Моравчик предполагает, что он сохранится, несмотря на развитие пандемии COVID-19.

В свою очередь, автор данной статьи для определения основных аспектов внешней политики как единого ЕС, так и отдельных его членов в контексте пандемии пользуется, как и авторы вышеуказанных статей, прогностическим методом, используя и системный анализ, и построение сценариев, что свидетельствует в пользу того, что данная методология является распространённой и вполне широко употребляемой для анализа данной проблемы. Главным отличием авторского подхода от вышеуказанных является то, что предметом анализа выступают не столько эмпирические данные о Европейской политике сами по себе, сколько ключевые дихотомии, вокруг которых группируются эти данные, что подчёркивает комплексно-теоретический характер статьи.

Что касается результатов исследования, то, как и в статье «Как кризис COVID-19» повлиял на безопасность и оборонительные аспекты Европейского Союза», автор данной статьи приходит к выводу о том, что координация внешних политик стран-членов в результате пандемии, вероятно, будет происходить в большей степени, чем до её начала (поскольку кризисные события всё-таки вынуждают Евросоюз сплотиться в качестве регионального центра влияния) (Meyer Christoph O. [23]), однако автор статьи хотя и допускает возможность этого, но предполагает, что геополитические противоречия европейских государств будут в большей мере сглажены событиями на Украине, чем фактором пандемии. Следующим различием является указание авторов коллективной статьи на то, что приверженность Евросоюза принципам глобального регулирования на основе участия в деятельности глобальных институтов после пандемии становится необходимостью (Meyer Christoph O. [23]), в то время как автор данной статьи рассматривает прогнозы, ставящие под вопрос роль мягкой силы ЕС в будущем глобальном регулировании. Рассматривая сходства и различия результатов автора данной статьи и исследования Эндру Моравчика, следует отметить, что последний предлагает комплексный взгляд на становление единой внешней политики ЕС к моменту пандемии, делая вывод о том, что Европа принимает последовательные и оправданные благодаря своему прагматизму политические решения (Moravcsik A. [24]), в то время как автор данной публикации ставит под вопрос последовательность будущей внешней политики ЕС за счёт предложения равновероятных взаимоисключающих сценариев её развития. Как и автор данной статьи, Молдич Цаба в своей работе «Выбор европейской внешней политики после пандемии COVID-19» указывает на то, что геополитическая позиция отдельных стран ЕС может повлиять на ли-

нию внешней политики в целом (например, Германии) (Csaba I. [25, с. 13]), однако автор данной статьи в большей степени делает акцент на том, что такой выбор может привести к противоречиям внутри ЕС.

Разъяснение результатов исследования

Очевидно, что Евросоюз выйдет из кризиса, порождённого пандемией, обновлённым. Старые противоречия во внешней политике, связанные с трактовкой принципа многосторонности, устойчивости европейской солидарности, выбором геополитических союзников и распределением общеевропейских средств среди стран-членов ЕС в период пандемии несколько обострились, и в настоящий момент на ключевых государствах ЕС в европейском регионе лежит ответственность за выбор вектора общеевропейской внешней политики. Поэтому возможны различные варианты развития европейской внешней политики после пандемии: вероятно объединение внешнеполитических ориентиров европейских государств вокруг ориентиров, предложенных наиболее весомыми европейскими акторами, что приведёт к усилению евроинтеграции; либо к расколу и регионализации ЕС, из-за чего вероятны расхождения между национальным и наднациональным. Смысл событий пандемии – в том, что она «заострила» этот выбор и потому приведёт к обновлению ЕС в качестве центра силы в международном системе.

Обобщить полученные результаты можно следующим образом. Пандемия дала понять, что Евросоюз – это политическое объединение, сочетающее в себе черты устойчивости и хрупкости, причём черты устойчивости ЕС проявляются благодаря общим геополитическим целям государств Европейского Союза, их региональной общности и приверженности мягкой силе, а черты хрупкости – за счёт несовпадения подходов к решению противоречий на национальном и наднациональном уровне. В ситуации после пандемии попытка разрешить противоречие между устойчивостью и хрупкостью может выразиться в объединении ЕС при приобретении им регионального либо глобального влияния, а также его разобщении, поскольку пандемия – это экзистенциальный вызов.

Оценка результатов

Выявлены особенности и противоречия внешней политики ЕС, которые заострила пандемия, проявляющиеся одновременно в стремлении ЕС учесть в максимально возможной степени интересы его национальных акторов в процессе трансформации, начало которой было положено пандемией, и с трудностью это сделать в связи с усилившейся ролью национального государства в кризисных условиях «на фоне» решения наднациональными органами Евросоюза базовых вызовов безопасности и процветанию.

Предложены сценарии будущего развития ЕС при пандемии; следовательно, особенности влияния пандемии на характер внешнеполитической трансформации Евросоюза определены;

В статье автор пользуется положениями других авторов, однако характер основных тенденций анализирует самостоятельно, следовательно, присутствует новизна, заключающаяся в выявлении общих тенденций развития ЕС, стоящих за традиционно рассматриваемой в научной литературе фактологией, и выдвигании сценариев развития Евросоюза;

Практическая значимость: можно руководствоваться результатами анализа направленности внешней политики ЕС для формирования стратегии взаимодействия с ним.

Поскольку результаты статьи – теоретические, оценить их достоверность можно так:

Утверждения автора характеризуют один предмет – совместная и самостоятельная внешняя политика государств европейского региона;

Достигнута высокая степень полноты исследования, так как комплексно описываются явления рассматрива-

емой области (внешней политики ЕС и его акторов в период пандемии), но перспективы достижения большей полноты также имеются;

Противоречия в излагаемых автором идеях отсутствуют;

Теория подкреплена необходимым эмпирическим содержанием;

Автором предложены сценарии развития ЕС, и поэтому теория может быть проверена будущими фактами внешней политики;

Место результатов в структуре знания: полученные результаты относятся к категории рационального научного знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выводы

Таким образом, ЕС, безусловно, сохранит после пандемии достигнутую до пандемии определённую степень внешнеполитического единства. Но происходящие события указывают на то, что неразрешённые противоречия могут трансформировать направленность его внешней политики, которая до пандемии, казалось бы, приобрела устойчивые очертания. Характер данной трансформации зависит от стратегии приспособления ЕС к изменениям международной системы после пандемии.

Ключевые особенности трансформации следует рассматривать в контексте соотношения наднационального и национального компонента во внешней политике стран ЕС. Необходимо выделить следующие из них:

- Увеличение роли национального государства в политических процессах на европейском пространстве не противоречит стремлению ЕС сохранить традиционные принципы сохранения европейского единства в процессе политической трансформации ЕС;

- В сфере внутренних отношений в ЕС сохраняется динамическое сосуществование национальных интересов отдельных государств и наднациональных принципов регулирования, в сфере внешних – наблюдается тенденция к сокращению объёма отношений с внешними игроками и можно было наблюдать торжество «реалистического» принципа превалирования частных интересов над общеевропейскими вплоть до украинских событий.

Объединение наднациональных и национальных компонентов внешней политики ЕС возможно при его последующей самоидентификации и зависит от принципов, на которых она может быть построена: становление региональным блоком, транснациональным центром глобализации или раскол.

Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении

Дальнейшим направлением исследования может быть рассмотрение того, как пандемия связана с кризисом сложившейся модели глобализации, на которую опирался Евросоюз, и как это отобразится на трансформации последнего. Также можно попытаться выявить особенности внешней политики одного из государств – членов ЕС после пандемии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Боррель, Ж. «Коронавирусный» марафон ЕС: забег по всем дорожкам / Боррель, Ж. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/moldova/78019%D0%BA%D0%0%D0%BC_ru. 2020. Европейская служба внешних связей (дата обращения 04.01.2022).
2. Шумилин А. А. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза / А. Шумилин // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 2. – с. 14-21.
3. Оганисян Л. Дилеммы сирийской политики ЕС / Л. Оганисян // Современная Европа. – 2020. – № 1. – с. 91-101.
4. Matthew D., Townend R. What is the Role of the European Union in the COVID-19 Pandemic? / D. Matthew, R. Dworkin // *Medicine and Law*. – 2020. – P.7.
5. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf (дата обращения 19.02.2022). Европейская Служба Внешних Связей. 2016. С. 1-39.
6. Agreement between the European Union and the Republic of Moldova on Operational Activities Carried out by the European Border and Coast Guard Agency in the Republic of Moldova. 18.03.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/>

PDF/?uri=CELEX:2022A0318(01)&from=EN.

7. Леонард М., Пизани-Ферри З. Геополитика «Зелёной сделки» Европейского Союза. // *Вестник международных отношений*. 2021. Т. 16. № 2. С. 226.

8. Bond, I. The COVID-19 pandemic: The EU must think and act globally / Centre for European Reform. 2020. P. 1-4.

9. Цзинь, Л. Европейская (дез)интеграция в зеркале пандемии / Цзинь, Л. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evropeyskaya-dez-integratsiya-v-zerkale-pandemii/> (дата обращения 05.05.2021).

10. Decision no 1/2022 of the Specialised Committee on Fisheries Established by Article 8(1)(q) of the Trade and Cooperation Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community, of the one Part, and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, of the Other Part, of 3 March 2022. 03.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:2022D0473&qid=1649616197321&from=EN>.

11. Recommendation No 1/2022 of the EU-Israel Association Council of 8 March 2022 approving the extension of the EU-Israel Action Plan (2022/412) 08.04.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:2022D0412&qid=1649152414726&from=EN>.

12. Commission Implementing Decision. Brussels, 14.4.2021. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/about_the_european_commission/eu_budget/c2021_2502_en_act_part1_v1.pdf. 2021. European Commission. P. 1-16.

13. Report from the Commission to the European Parliament. Brussels, 14.7.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=COM:2021:393:FIN&from=EN>. 2021. An official website of the European Union. EUR – Lex. EU Law.

14. «Зелёный» курс приведёт Евросоюз к голоду. Sputnik Латвия. URL: <https://lv.sputniknews.ru/20220127/zelenyy-kurs-privedet-evrosoyuz-k-golodu-20177661.html> (дата обращения 11.04.2022).

15. COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT Analysis of the recovery and resilience plan of Sweden Accompanying the Document Proposal for a COUNCIL IMPLEMENTING DECISION on the Approval of the Assessment of the Recovery and Resilience Plan for Sweden {COM(2022) 152 final}. 29.03.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022SC0102&qid=1649345581203&from=EN>.

16. Громыко А. А. Пандемия и кризис системы международных отношений / А. Громыко // *Контуры глобальных трансформаций*. – 2020. – Т.13. № 5. – с. 6-19.

17. Samur, T. The Coronavirus Challenge of the European Union and Theoretical Perspectives. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349164007_The_Coronavirus_Challenge_of_the_European_Union_and_Theoretical_Perspectives. ResearchGate.net. 2021 (дата обращения 16.02.2022).

18. Кавешников Н. Сценарии развития Европейского Союза/ Н. Кавешников URL: <http://mirperemen.net/2020/06/scenarii-razvitiya-evropejskogo-soyuza/> (дата обращения 07.02.2022).

19. Dennison, S., Puggleir, J. Crisis of Confidence: How Europeans see their place in the world. URL: <https://ecfr.eu/publication/crisis-of-confidence-how-europeans-see-their-place-in-the-world/>. European Council on Foreign Relations. 2021 (Дата обращения 13.02.2022).

20. Krastev, I., Leonard, M. Europe's invisible divides: How COVID-19 is polarizing European politics. URL: <https://ecfr.eu/publication/europes-invisible-divides-how-covid-19-is-polarising-european-politics/>. European Council on Foreign Relations. 2021 (Дата обращения 14.02.2022).

21. Colibasanu, A. Europe after the Pandemic / A. Colibasanu. URL: <https://geopoliticalfutures.com/europe-after-the-pandemic/> (дата обращения 07.05.2021).

22. Dworkin, A. Built to Order: How Europe Can Rebuild Multilateralism after Covid-19/ A. Dworkin. URL: <https://ecfr.eu/publication/how-europe-can-rebuild-multilateralism-after-covid-19/> (дата обращения 07.05.2021).

23. Meyer Christoph, O. How the COVID-19 crisis has affected security and defence-related aspects of the EU / Directorate-General for External Policies, Policy Department. 2021. P. 1-45.

24. Moravcsic, A. Why Europe Wins. URL: <https://www.tbsnews.net/analysis/why-europe-wins-137548> (дата обращения 10.02.2022).

25. Csaba, I. European Foreign Policy Choices in the Aftermath of the Covid-19 Pandemic / Chine-CEE Institute. 2020. P. 1-15.

Received date: 23.07.2022

Revised date: 15.12.2022

Accepted date: 25.12.2022

ТРЕБОВАНИЯ (краткие) К ПУБЛИКАЦИЯМ В ЖУРНАЛЕ:

Азимут научных исследований: педагогика и психология (коэффициент научной значимости К2)

(№ 145 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0,643

Сайт: <http://landrailpip.ru/>

Научные специальности:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки),
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Азимут научных исследований: экономика и управление (коэффициент научной значимости К2)

(№ 146 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0.615

Сайт: <http://landraileiu.ru/>

Научные специальности:

- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

Балтийский гуманитарный журнал (коэффициент научной значимости К2)

(№ 220 в Перечне ВАКа) – ИФ- 0,677

Сайт: <http://landrailbgz.ru/>

Научные специальности:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки),
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки),
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Карельский научный журнал (входит в РИНЦ) - ИФ- 0,992

Сайт: <http://landrailknz.ru/>

(отрасли науки: педагогические науки; психологические науки; экономические науки; филологические науки)

СТРУКТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ:

Статьи должны иметь элементы, отвечающие следующим параметрам:

1. Метаданные статьи на русском и английском языках (научная специальность, УДК, DOI, название статьи, знак копирайта (авторского права), научные индификаторы автора, ФИО автора полностью, должность, организация, адрес организации, личная электронная почта, аннотация и ключевые слова) – не проверяются на антиплагиат.

2. Тело статьи:

ВВЕДЕНИЕ

- Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами (кратко описывается проблема исследования и значение ее решения)
- Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных раньше частей общей проблемы.
(указаны общие тенденции в том, что уже было опубликовано, указано на отдельную проблему или на перспективу развития по данной тематике)

– Обосновывается актуальность исследования.

(подтверждена актуальность исследования, указано практическое значение статьи и ее вклад в науку)

МЕТОДОЛОГИЯ

- Формирование целей статьи.
(указывается цель статьи)
- Используемые методы, методики и технологии.
(а) описание методов, которые вы применяли конкретно для статьи, если теоретическая статья, то выбрать один метод и описать его методологию, теорию, историю, конкретно какие принципы этого метода применяли к данному исследованию, б) описание этапов эксперимента, в) описание участников эксперимента (возраст, пол, вузы и какие площадки были охвачены)

РЕЗУЛЬТАТЫ

- Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.
- (а) раскрыто новшество статьи, описаны авторские наблюдения и результаты, б) представленные результаты соответствуют заявленным целям и задачам статьи, в) описана идея, концепция, методика, которая нашла применение (конкретика), г) представлены результаты в виде таблиц и рисунков - названия таблиц и рисунков отвечают содержанию таблиц и рисунков)

ОБСУЖДЕНИЕ

- Сравнение полученных результатов с результатами в других исследованиях.
(а) сравнили различные методы, сравнили результаты исследования с аналогичными в других статьях, б) написали о различиях или сходстве (или и о различиях, и о сходстве), в) сделали разбор и разъяснение результатов, г) сделали обобщение и оценку результатов, сделали оценку достоверности полученных результатов, д) определили место полученных в ходе исследования результатов в структуре известных знаний)

ВЫВОДЫ

- Выводы исследования.
(подводится итог статьи, указываются результаты, к которым пришли в результате проведенного исследования)
- Перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.
(указываются направления, по которым необходимо провести дальнейшие исследования)

3. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (не проверяется на антиплагиат).

(в списке литературы 10 источников за последние 5 лет (в 2022 году - это статьи 2017-2021 годов) и в списке литературы 10 иностранных источников)

Технические параметры:

Названия файла:

•Фамилия_направление_город (например: Иваненко_право_Киев, Романов_психология_Анадырь и т.д.)

Стандарты: шрифт Times New Roman, кегль – 10, междустрочечный интервал – 1, абзацный отступ – 0,5 см (это сделано для того, чтобы автор точно знал сколько страниц текста у него будут в журнале), все поля – 2 см, литература – В ПОРЯДКЕ ПОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ (желательно не менее 20 наименований), редактор Word, тип файла – документ Word 97-2003 (обязательно).

Ключевые слова (три строчки) и аннотация (не менее 150-200 слов) на русском и английском.

Неразрывные пробелы между цифрами, инициалами и фамилией.

Не путать тире (–) и дефис (-).

Формулы оформляются через редактор формул «MathType» или «Microsoft Equation», размер символов - 10 (обязательно), длина формул не должна превышать 80 мм (обязательно), латинские символы

набираются курсивом, греческие – прямым шрифтом, КИРИЛЛИЦА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ).
Рисунки, выполненные векторной графикой, должны быть помещены одним объектом или сгруппированы. Сканированные рисунки исполнять с раздельной возможностью не менее 300 dpi.

Справочная информация:

1. Для определения УДК можно использовать следующие ссылки:

А) <http://teacode.com/online/udc/>

Б) <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

2. Для перевода на английский или другие языки можно использовать следующие ссылки:

А) <http://translate.yandex.ru/> (переводит отчества и ученые степени)

Б) <http://translate.google.com/>

Статью обязательно дать на вычитку соответствующим филологам

3. Для проверки статьи на антиплагиат (проверка обязательна) ссылка:

А) <http://www.antiplagiat.ru/index.aspx> (результаты хранятся у автора и высылаются по запросу редколлегии)

ЕСЛИ ВОЗНИКАЮТ ВОПРОСЫ: СМОТРИТЕ ОБРАЗЕЦ!

Материалы подаются в редакцию:

до 1 марта (мартовский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 июня (июньский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 сентября (сентябрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

до 1 декабря (декабрьский номер) – если квота выбрана раньше – статья переносится в следующий номер

Статьи в обязательном порядке размещаются в системе РИНЦ - российского индекса научного

цитирования (elibrary, ссылка: <http://elibrary.ru/titles.asp>) и на сайте журналов.

Размещение статей в журнале платное (за исключением аспирантов и докторантов очной формы):

А) для тех, кому нужен электронный макет журнала оплата составляет:

- АНИ: педагогика и психология - 5555 рублей за статью;

- АНИ: экономика и управление - 5553 рубля за статью;

- Балтийский гуманитарный журнал – 5551 рубль за статью;

- Карельский научный журнал - 2222 рубля за статью.

Б) для тех, кому нужен печатный вариант журнала: мы рассылаем авторам электронным типографский

макет журнала, который вы можете распечатать в любой типографии и он будет идентичен нашему.

Оплата производится после получения вами **сообщения о прохождении рецензирования и приеме статьи к публикации**, после чего автором высылаются скриншот или фото оплаты через Сбербанк-онлайн или через другие банки-онлайн на адрес журнала:

•Фамилия_оплата_город (например: Иваненко_оплата_Киев)

Статью высылать по адресу (обязательно указывайте научное направление):

ANI-ped-i-psych@ya.ru (АНИ: педагогика и психология)

ANI-ekonom-i-politika@ya.ru (АНИ: экономика и управление)

BalticGZ@yandex.ru (Балтийский гуманитарный журнал)

KarelianNZ@yandex.ru (Карельский научный журнал)

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ (для российских авторов)

Организация: ООО «Ландрейл» (с 29.08.2022 года учредитель журнала)

ИНН 6320068129

КПП 632001001

ОГРН 1226300024939

Расчётный счёт 40702810254400060734

БИК 043601607

Банк ПОВОЛЖСКИЙ БАНК ПАО СБЕРБАНК

Корр. счёт 30101810200000000607

ОКВЭД 58.14, 58.29, 63.11, 63.12, 62.01, 72.20, 85.22

Сумма возмещения расходов за публикацию статьи у каждого журнала смотрите в ТРЕБОВАНИЯХ.

В назначении платежа обязательно указывайте: Публикация научной статьи (или оплата за обучение – если в банке в перечне нет такой строки)

Более полную информацию, а также образцы оформления статей можно получить на сайте журнала.